This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 872,196

891.78
T650
Z47ru
1888a
v. 3

Digitized by Google

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1963

Digitized by Google

Digitized by Google

Zelinskiĭ, Vasiliĭ Apollonovich.

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

Изданіе второе.

МОСКВА.
Типографія И. А. Баландина, Волхонка, д. Михалкова.
1901.

Digitized by Google

891.78
T650
Z47m
1888a
v.3

Digitized by Google

Digitized by Google

OP8481 W.O. 11280

Pt 3

Digitized by Google

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ И ИЗДАННЫЯ
Василіемъ Аполлоновичемъ Зелинскимъ.

I. Пособія по изученію русскаго языка:

1. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ орфографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква Ѣ. Составленъ по „Руководству" Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Примѣчаніе. Эта книга, выдержавшая въ короткое время девять изданій, содержитъ въ себѣ всѣ случаи правописанія словъ. Она состоитъ изъ орфографическихъ правилъ, орфографическаго словаря и списка всѣхъ словъ съ буквою ѣ. Изложеніе ея алфавитное,—почему она полезна даже незнакомымъ съ грамматикой. Справляться по ней очень просто: при помощи приложеннаго „Указателя" открывается страница на буквѣ, которая служитъ предметомъ затрудненія въ какомъ-либо словѣ, и тутъ въ указанномъ § читается отвѣтъ. Легкость и быстрота справки упрощается еще тѣмъ, что справляться можно подъ буквами, которыя слѣдуетъ писать въ данномъ случаѣ, и подъ буквами, которыя только предполагаются въ томъ же случаѣ, а равно и подъ буквой, начинающей данное слово. Какъ, напр., написать: извочикъ, извочикъ, извощикъ, извощикъ или извощикъ? Справляйтесь подъ любой изъ сомнительныхъ буквъ: а, с, ч, щ, а также и въ орфографическомъ словарѣ подъ буквой и—вездѣ получится отвѣтъ. По отзывамъ преподавателей русскаго языка эта книга весьма полезна учащимся при исполненіи ими письменныхъ работъ не только дома, но и въ классѣ, такъ какъ при небольшомъ навыкѣ, пріобрѣтающемся менѣе чѣмъ въ часъ, справка по ней дѣлается весьма быстро.

2. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 50 к.

3. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 50 к.

4. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ IV. Правописаніе, этимологическое происхожденіе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. М. 1898 г. Ц. 50 к. (Всѣ четыре выпуска въ одномъ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ разноцвѣтной окраской обрѣза, 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.).

5. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 4-е. М. 1898 г. Ц. 25 к.

6. Вступительный курсъ зрительнаго диктанта. Книга для элементарныхъ орфографическихъ упражненій (печатается).

7. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть первая. Изд. 11-е. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Задачи и цѣли „Зрительнаго диктанта". Удовлетворяя всѣмъ требованіямъ, какія обыкновенно предъявляются къ сборникамъ для систематическихъ диктовокъ со слуха, это руководство, сверхъ того, имѣетъ еще слѣдующія особенности: 1) оно представляетъ собою неразрывно-соединенную практику орфографіи съ ея теоріей; 2) кромѣ послѣдовательнаго изученія орфографіи, тутъ еще попутно указываются въ каждомъ словѣ диктанта сомнительные случаи правописанія съ
печати развиваетъ
правильнаго писы
методикѣ, продум
ихъ, а потомъ у
правописаніе само

Digitized by Google

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

Ѳзданіе второе.

МОСКВА.
Типографія И. А. Баландина, Волхонка, д. Михалкова.
1901.

Digitized by Google

Slav 4354.2.1020

61-31459

Prof. George R. Noyes

Digitized by Google

Оглавленіе третьей части

„Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого".

Критика шестидесятыхъ годовъ.

1866-й годъ.

отр.

„Тысяча восемьсотъ пятый годъ" 1

Критическія статьи:

Изъ „Книжнаго Вѣстника" за 1866 г. 1

П. Страхова. 5

1867-й годъ.

Статья П. Ахшарумова, подъ заглавіемъ: „1805-й годъ, соч. графа Льва Толстого" 20

1868-й годъ.

„Война и Миръ".

Критическія статьи:

Л. Н. Толстого, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ по поводу книги: *Война и Миръ*" 43

Изъ „Голоса" за 1868 г. 55

П. Анненкова, подъ заглавіемъ: Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: *„Война и Миръ"*. 61

П. Щебальскаго, изъ „Русскаго Вѣстника" за 1868 г. . . 90

А. Пятковскаго, подъ заглавіемъ: „Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстого 106

Изъ „Дѣла" за 1868 годъ. 143

С. Сычевскаго, подъ заглавіемъ: „Очерки новѣйшей русской литературы. *Война и Миръ* гр. Л. Н. Толстого" . . . 151

М. Цебриковой, подъ заглавіемъ: „Наши бабушки" (по поводу женскихъ характеровъ въ романѣ *Война и Миръ*) . . 158

Н. Ахшарумова, изъ „Всемірнаго Труда" за 1868 г. . . . 165

С. Навалихина, подъ заглавіемъ: „Изящный романистъ и его изящные критики". 189

Алфавитный указатель именъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ V

Digitized by Google

Digitized by Google

Алфавитный указатель

именъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ.

Авдѣевъ. 155.
Александръ I. 51, 61, 70, 79, 84, 85, 87, 89, 90, 94, 105, 107, 117, 119, 120, 125, 126, 127, 128, 131, 138, 139, 143, 148, 190, 203, 204.
Анненковъ, П. 61 – 90.
Аракчеевъ. 63, 86, 139, 143, 148, 169, 184, 190.
Арсеньевъ. 138.
Ахшарумовъ, Н. 29 — 43, 165—189.
Багратіонъ. 40, 63, 69, 143.
Базановъ. 130.
Барклай. 187.
Бахъ. 19.
Байронъ. 166.
Бестужевъ. 135.
Берне. 153.
Бѣлинскій. 109.
„Библіотека для Чтенія". 2.
Бюронъ. 168.
„Битва русскихъ съ кабардинцами". 211.
Богдановичъ. 126, 127, 131.
Болговскій. 130.
Бонапарте. 31, 114, 120, 137.
Борисъ Годуновъ. 167.
„Бородино", Лермонтова. 157.
„Будильникъ". 157.
Булгаковъ. А. Я. 130, 131.
Бурдаевъ. 135.
Вальтеръ-Скоттъ. 91, 108, 165, 166.
Верещагинъ. 134.
„Вѣстникъ Европы". 61, 190, 191, 193, 200, 201, 204, 206.
„Взбаламученное Море", Писемскаго. 1.
Винесъ. 96.
Воейковъ. 130.
Волынскій. 168.
Вольтеръ. 137, 158, 163.
„Воспоминанія Панаева". 139.
„Восшествіе на престолъ имп. Николая", соч. бар. Корфа. 126.
„Война и Миръ". 43—214.
„Война и Миръ. Сочиненіе гр. Толстого. 1—4 части". Ахшарумова. 165.
„*Война и Миръ*, сочиненіе гр. Л. Н. Толстого", Щебальскаго. 90.

Digitized by Google

„Всемірный Трудъ". 29, 165.
Галаховъ. 141.
Гервинусъ. 77.
Глинка. 49.
Гоголь. 44, 55, 56, 106, 109, 116, 160.
Голицынъ. 137, 139.
„Голосъ". 55—61, 106.
Голуховскій. 106.
Гомеръ. 208.
Гончаровъ. 1, 56.
Грейгъ. 108.
Григорьевъ, Ап. 2.
Гюго, Викторъ. 151, 154.
Данилевскій. 145.
„Двѣнадцатый годъ", Данилевскаго. 145.
Державинъ, Гавріилъ. 128, 132.
„Дѣло". 143, 150, 151, 189.
„Дѣтство". 1, 120.
Диккенсъ. 152, 193.
Дмитріевъ. 107.
„Довольно". 1.
Долгорукіе. 168.
Достоевскій. 1, 2, 3, 44, 56.
Екатерина II. 112, 125, 130, 131, 137.
Жанъ-Жакъ Руссо. 31, 92, 137.
Жерье. 130.
„Жизнь графа Сперанскаго". 129.
„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія". 141.
Завадовскій. 127.
Загоскинъ. 142.
Зандъ. 138.
„Записки изъ подполья". 2.
„Изящный романистъ и его изящные критики", С. Навалихина. 189.
„Иліада". 208, 209.
Іоаннъ Грозный. 167.
Іосифъ II. 137.
„Искра". 157.
„Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: *Война и Миръ*", Анненкова. 61.
„Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстого", Пятковскаго. 106.
„Казаки". 3, 80.
Каммисъ. 152.
„Капитанская дочка". 57.
Карамзинъ. 128, 129, 132, 136, 140.
Карлъ XII. 135.
Кайдановъ. 150.
„Книжный Вѣстникъ". 1—5.
Ковалевскій. 139.
„Король Лиръ". 154.
Корфъ, бар. 126, 128, 130.
Костомаровъ. 151.
Коцебу. 138.
Кошелевъ, Р. А. 130.
Кочубей, кн. 126.
Кравцовъ. 1.
Краевскій. 106.
Кутузовъ. 40, 46, 63, 64, 70, 79, 100, 119, 136, 143, 187, 190.
Лагаринъ. 125.
Лермонтовъ. 157.
Лилienшвагеръ. 178.

Digitized by Google

Анранди. 106.
Лувель. 138.
„Люцерна". 3, 22.
Магницкій. 130, 137, 138, 139.
Макъ. 40, 93.
Маринъ. 130.
Меньшиковъ. 168.
„Мертвыя Души". 44, 109.
„Мертвый Домъ". 44, 56, 109.
Михайловскій-Данилевскій. 23, 24, 49.
Михайловъ. 155.
Муравьевъ-Карскій, Н. Н. 48.
Муравьевъ, Никита. 140, 141.
„Набѣгъ". 23.
Навалихинъ, С. 189—214.
„Накануне". 160.
Наполеонъ. 45, 50, 51, 57, 70, 83, 84, 85, 95, 106, 112, 117, 119, 120, 133, 134, 135, 136, 148, 149, 155, 187.
Наполеонъ III. 135.
„Наши бабушки", Николаевой (М. К. Цебриковой). 158.
„Недѣля". 106.
Некрасовъ. 135.
Несторъ. 209.
„Нѣсколько словъ по поводу книги: *Война и Миръ*, гр. Л. Толстого." 43—54.
Никита Безрыловъ (Писемскій). 2.
Николаева (М. К. Цебрикова). 158—165.
Новосильцевъ. 126.
„Обломовъ". 160.
„Одесскій Вѣстникъ". 151, 155.
„Оливеръ Твистъ", Диккенса. 193.
„Описаніе войны", Михайловскаго-Данилевскаго. 23, 24.
Орловъ. 108.
Остерманъ. 168.
Островскій. 151.
„Отечественныя Записки". 5, 158.
„Отрочество". 1, 120.
„Очерки новѣйшей русской литературы. *Война и Миръ*, гр. Л. Н. Толстого". С. И. Сычевскаго. 151.
„Первая эпоха преобразованій имп. Александра I". Статья Богдановича. 126.
Петръ I. 168, 175, 176.
Писаревъ. 151.
Писемскій (Никита Безрыловъ). 1, 2, 3, 5, 19, 20, 56.
Потемкинъ. 120, 169.
„Преступленіе и Наказаніе". 2.
Прудонъ. 153.
Пушкинъ. 44, 56, 57, 109, 135, 139.
Пятковскій, А. П. 106—143.
Радищевъ. 127.
„Разсказъ маркера". 14.
Ранке. 77.
Ратчъ. 132.
Робеспьеръ. 137.
Россини. 93.
Ростопчинъ. 45, 46, 84, 133, 134, 135.

Digitized by Google

„Рубка Лѣса". 1, 25.
Румянцевъ. 108.
„Русскіе Лгуны". 2.
„Русскій Архивъ". 43, 55, 58, 108, 116, 122, 149.
„Русскій Вѣстникъ". 2, 3, 5, 62, 90, 101, 107.
Салтыковъ, А. П. 130.
Салтыковъ, П. И. 130.
„Севастополь". 1.
„Севастополь въ декабрѣ 1854 года". 27.
„Севастополь въ маѣ 1855 года". 5.
„Севастополь въ августѣ 1855 года". 26.
Скарятинъ. 118.
„Собака". 2.
Сперанскій. 63, 79, 86, 92, 101, 102, 103, 105, 112, 128, 129, 130, 131, 132, 139, 143, 148, 158, 184. 190, 198, 203.
„Странный пассажъ въ пассажѣ". 2.
Страховъ, Н. 5—28.
Строгановъ. 126, 131, 132.
Суворовъ. 120.
Сухомлиновъ. 132.
Сычевскій, С. И. 151—158
Тистельвудъ. 138.
Тургеневъ. 1, 3, 5, 56, 151
„Тысяча восемьсотъ пятый годъ". 1—43, 90.
„1805-й годъ, соч. гр. Льва Толстого", Ахшарумова. 29, 165.
Тьеръ. 49, 50.
Фотій (архимандритъ.) 139.
Фусъ. 138.
Цебрикова, М. К. (Николаева). 158 165.
Чарторижскій, кн. 119, 126, 131, 132.
Шекспиръ. 42, 151, 154.
Шеллингъ. 138.
Шиллеръ. 110.
Шишковъ. 132, 137.
Шлоссеръ. 77.
Щебальскій, П. 90—105, 107.
Эгуларъ. 152.
Эккартгаузенъ. 163.
„Юность". 20.
„Юрій Милославскій". 141.

Digitized by Google

КРИТИКА ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

1866 г.

*) *Тысяча восемьсотъ пятый годъ*. Графа Льва Толстого. Часть I и II М. 1866. Въ унив. тип. 8, 16 стр. Въ I части 167, во II—230.

Имя графа Льва Толстого хорошо извѣстно русской публикѣ; нѣкоторыя его произведенія („Дѣтство", „Отрочество", „Севастополь", „Рубка лѣса",) занимали видное мѣсто въ русской беллетристикѣ, даже въ недавнее время ея блестящаго, относительно, періода, когда имена гг. Тургенева, Писемскаго, Гончарова и Достоевскаго—пользовались полнымъ сочувствіемъ публики, и каждое новое ихъ произведеніе давало темы для горячихъ толковъ и считалось чуть ли не событіемъ. Давно ли было это время, а уже отъ него, какъ извѣстно, не осталось даже и слѣдовъ; всѣ эти бывшіе корифеи беллетристики, переживъ свою славу, находятся въ положеніи пѣвцовъ, спавшихъ съ голоса, и благо еще г. Гончарову, что онъ одинъ выказалъ достаточно самообладанія вовремя остановиться и замолкнуть, чтобы объ немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о пѣвцѣ съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ. Грустная исторія о томъ, какъ, подобно Кравцову, гг. Тургеневъ и Писемскій надорвались надъ ut diez'омъ („Отцы и дѣти" и „Взбаламученное море") извѣстна всѣмъ и каждому; извѣстно также, что и это ихъ не остановило и что суждено было публикѣ прослушать и никитобезрыловскіе фельетоны, и „До-

*) „Книжный Вѣстникъ" 1866 г., № 16—17.

Digitized by Google

вольно“, и „Русскихъ лгуновъ“, и „Собаку“... Г. Достоевскій крѣпился долго, но, наконецъ, не выдержалъ и пошелъ тоже по ихъ слѣдамъ, удивляя въ наши дни публику своимъ ut diez'омъ „Преступленіе и наказаніе“—послѣднее продолженіе котораго въ восьмой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ въ состояніи вполнѣ убѣдить даже самаго снисходительнаго диллетанта, что и его, г. Достоевскаго, пѣсенка спѣта и спѣта съ не меньшимъ *рыцарствомъ* и отвагою, чѣмъ пропѣлъ ее Никита Безрыловъ. Sic itur ad astra—наши литературныя знаменитости и съ половины дороги возвращаются на землю и обратно въ видѣ загадочнаго аэролита, производя еще большее недоумѣніе въ средѣ русскихъ читателей, чѣмъ произведенія въ родѣ „Записокъ изъ подполья“ или „Страннаго пассажа въ Пассажѣ“. А между тѣмъ въ то недавнее время, о которомъ мы вспомнили, обратить на себя вниманіе въ бллетристикѣ, когда упомянутая нами плеяда свѣтила на литературномъ горизонтѣ, было не легко, для этого требовалось не мало таланта, и все-таки писатель, представлявшій несомнѣнные его признаки, оставался на второмъ планѣ и значительно затмевался, такъ что произведенія самого гр. Толстого покойный критикъ Ап. Григорьевъ принялъ почему то „за явленіе совершенно обойденное русской критикой“, хотя она ихъ вовсе не обходила и усердно занималась оцѣнкою ихъ, и отвела имъ мѣсто, и разсуждала, по своему исконному обыкновенію, объ нихъ обильно и многословно. Намъ даже помнится, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мы читали въ какомъ-то изъ журналовъ, преслѣдовавшихъ воздушно-эстетическія цѣли, чуть ли не въ „Библ. для Чтенія“, обширный трактатъ въ двухъ или трехъ статьяхъ, главная мысль котораго заключалась въ томъ, что „важнѣйшею заслугою гр. Л. Толстого должно считаться отсутствіе всякой тенденціозности“. До какой степени такая похвала, похожая на поощреніе мыслителя за то, что въ строѣ его мысли нѣтъ направленія—лестна, мы говорить не станемъ. Существуетъ, да еще и преблагополучно, цѣлое воззрѣніе, покоющееся на подобныхъ положеніяхъ, а у насъ нынѣ оно даже стремится къ пре-

Digitized by Google

обладанію, благодаря тому, что критическіе Овсяны болѣе живучи, чѣмъ дѣйствительные критики, не обладающіе ни медными лбами, ни тѣмъ нахальствомъ, какое проявляютъ различные Incognito. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что эстетикъ, писавшій упомянутый трактатъ, обманулся (какъ и постоянно суждено обманываться эстетикамъ) даже и въ основномъ своемъ предположеніи, и графъ Л. Толстой — писатель тенденціозный, что онъ самъ поторопился доказать своими „Казаками", а пожалуй даже и „Люцерномъ", хотя характеръ этихъ тенденцій весьма своеобразный и даже нѣсколько мистическій. Какъ человѣкъ умный и талантливый, послѣ этихъ произведеній, графъ Л. Н. Толстой, вѣроятно, созналъ несостоятельность многихъ изъ своихъ взглядовъ, но эти самыя тенденціи спасли его отъ той торной дороги, по которой пошли г-да Писемскій, Тургеневъ и Достоевскій, и новое его произведеніе „1805 годъ", несмотря на всѣ свои несовершенства, если и не возбуждаетъ въ читателяхъ особеннаго сочувствія, то по крайней мѣрѣ не претитъ, а и такое отрицательное достоинство при современномъ состояніи беллетристики не особенно часто радуетъ читателя.

Въ томикѣ, лежащемъ передъ нами, перепечатаны первая и вторая части „1805 года", предварительно явившіяся въ „Русскомъ Вѣстникѣ"; но мы прочли ихъ въ первый разъ и прочли не безъ удовольствія. Нѣкоторыя страницы напомнили намъ своею свѣжестью лучшія произведенія этого автора, нѣкоторыя лица, выведенныя имъ въ разсказѣ (напр., князь Василій, княгиня Друбецкая, капитанъ Тушинъ), мастерски имъ очерчены, но въ цѣломъ—этотъ „1805 годъ" представляетъ что-то странное и неопредѣленное. Самъ авторъ, повидимому, не знаетъ, какъ опредѣлить свое произведеніе; въ заглавіи сказано просто „1805 годъ", графа Льва Толстого; дѣйствительно, это не романъ, не повѣсть, а скорѣе какая-то попытка военно-аристократической хроники прошедшаго, мѣстами занимательная, мѣстами сухая и скучная. Прочтя двѣ части, нельзя дать себѣ отчета ни объ основной идеѣ произведенія ни понять для чего и зачѣмъ авторъ выставляетъ своихъ блѣдныхъ Николичекъ, Наташенекъ,

Digitized by Google

Мими и Борисовъ, на которыхъ невозможно сосредоточит
вниманія среди описаній военныхъ дѣйствій, какихъ-то бел
лотристическихъ реляцій того времени, въ чемъ, кажется
главный интересъ произведенія; не знаешь даже, фигурир
ютъ ли эти лица въ разсказѣ въ качествѣ героевъ, или п
своему ничтожеству они только служатъ отдѣльными груп
пами для главнаго фона картины. Болѣе удачно обрисован
ная личность князя Андрея приводитъ къ тѣмъ же вопро
самъ и недоумѣніямъ; фантомы аристократическихъ лиц
прежняго времени, за исключеніемъ уже упомянутаго князя
Василія, княгини Друбецкой и стараго Ростова - тоже не
удались автору, а между тѣмъ кромѣ этихъ лицъ выведе
но имъ еще множество, и нѣкоторыя изъ нихъ (Анатоли
Курагинъ, Долоховъ и т. д.) кажется въ качествѣ главныхъ
дѣйствующихъ лицъ; за ихъ многочисленностью завязка про-
изведенія становится какою-то раздробленною. И неудовле-
творенное вниманіе читателя утомляется. По прочтеніи 2-хъ
частей не знаешь даже, конченно ли произведеніе, или оно
служитъ прологомъ для какой-то эпопеи, чего-то оригиналь-
наго и самобытнаго, но достаточно скучнаго и неопредѣлен-
но тенденціознаго. Языкъ, которымъ написанъ „1805 годъ“,
хорошъ, какъ и во всѣхъ другихъ разсказахъ Л. Толстого;
но, по какому-то необъяснимому капризу, половина его дѣй-
ствующихъ лицъ говоритъ по-французски и вся ихъ пере-
писка ведется на томъ же языкѣ, такъ что книга едва-ли
не на треть написана по-французски, и цѣлыя страницы
сплошь напечатаны французскимъ текстомъ (правда съ под-
строчнымъ внизу переводомъ). Это оригинальное нововве-
деніе тоже дѣйствуетъ на читателя какъ-то странно, и рѣ-
шительно недоумѣваешь, для чего оно могло бы понадобиться
автору? Если онъ хотѣлъ своими цитатами, по массѣ сво-
ей дѣлающимися злоупотребленіемъ, доказать, что предки
нашей аристократіи начала текущаго столѣтія, разные Бол-
конскіе и Друбецкіе говорили чистымъ и хорошимъ язы-
комъ, то для этого было бы достаточно одного его свидѣ-
тельства, пожалуй, двухъ, трехъ фразъ на книгу, и ему
всѣ охотно повѣрили бы, такъ какъ въ этомъ едва-ли кто

Digitized by Google

и сомнѣвался; повѣрили бы даже, что и жаргоны у нихъ были безукоризненные, но читать книгу, представляющую какую-то смѣсь „французскаго съ великорусскимъ“ безо всякой необходимости въ этомъ, право, не составляетъ никакого удобства и удовольствія; еще на аристократическихъ страницахъ „Русскаго Вѣстника“ онъ болѣе кстати, но для отдѣльнаго изданія можно было бы поступиться французскимъ текстомъ; впрочемъ, кабалистическій шрифтъ, которымъ отпечатана книга, показываетъ, что это изданіе— только отдѣльные оттиски изъ знаменитаго московскаго журнала.

Изъ „Книжнаго Вѣстника“.

* * *

*) Въ заключеніе одной изъ мастерскихъ своихъ повѣстей (*Севастополь въ мат 1855 г.*) гр. Л. Н. Толстой какъ бы невольно высказалъ глубочайшій мотивъ своей поэзіи.

„Герой моей повѣсти говоритъ онъ—котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекраснъ—*правда*“.

Тутъ разомъ высказывается и то, что поэтъ ищетъ героя,

*) „Отечественныя Записки“ 1866 г., №№ 23 и 24. Статья Н. Страхова, подъ заглавіемъ: „Наша изящная словесность. 1865 годъ, ч. I и II. Соч. гр. Л. Н. Толстого. Москва 1866 г.“.

Помѣщаемый здѣсь разборъ Н. Страхова въ полномъ своемъ видѣ состоитъ изъ двухъ главъ. Тутъ помѣщена только вторая глава. Въ первой главѣ, напечатанной въ 23 № „Отечественныхъ Записокъ“, заключаются общія разсужденія Н. Страхова о русской художественной литературѣ, ея особомъ отпечаткѣ и объ отношеніи ея на задній планъ всякаго рода историческимъ движеніемъ; кромѣ того, въ этой же главѣ своего разбора критикъ обращаетъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что помыслы нашихъ творческихъ умовъ главнымъ образомъ обращены были на уясненіе себѣ идеала душевной красоты. Для подтвержденія своихъ выводовъ Страховъ приводитъ сравнительную характеристику творчества Тургенева, Писемскаго и Л. Толстого. Общій заключительный выводъ первой главы разбора Страхова тотъ, что русскіе могутъ быть удовлетворены только совершенною *правдою* и *простотою*, какъ въ жизни, такъ и въ художественныхъ произведеніяхъ, и что эта коренная черта русской литературы съ большею силою отзывается въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, главный центръ которыхъ заключается въ „томительной думѣ объ истинной жизни и красотѣ и о душевномъ безсиліи, не дающемъ людямъ доступа къ этой жизни и красотѣ“.

Прим. В. Зеленскаго.

Digitized by Google

ищетъ прекрасныхъ явленій жизни, и то, что онъ приступаетъ къ жизни съ требованіями неподкупной правды, и то, что въ своемъ строгомъ исканіи онъ не находитъ героя, не находитъ прекрасной жизни. Ему остается одно—признать свое исканіе за прекрасную мерту, свои требованія за нормальное явленіе. Такъ онъ и сдѣлалъ, восхваляя свою правдивость.

Какъ мы уже сказали, поэтъ въ своихъ поискахъ за жизнію и красотою приходилъ на бастіоны Севастополя во время его обороны. И что же? Повидимому, онъ и тутъ не нашелъ героическихъ чертъ. Оканчивая повѣсть, изъ которой мы привели заключеніе, онъ говоритъ:

„Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны".

Если бы это было послѣднимъ словомъ автора, то отсюда слѣдовало бы, что всѣ явленія, какія нашолъ поэтъ въ русской жизни, безразличны, всѣ имѣютъ, такъ сказать, одну степень и всѣ одинаково далеки отъ явленій прекрасной, героической жизни. Мы увидимъ, однакоже, что не таковъ окончательный выводъ, что тяжелымъ трудомъ нашъ авторъ достигъ до другихъ, болѣе отрадныхъ взглядовъ.

Но вотъ постановка дѣла. Требуется открыть героя на русской землѣ, то-есть героя въ смыслѣ поэзіи, такое лицо, которое можно было бы воспѣвать, которому бы можно было сочувствовать. И вотъ авторъ выводитъ намъ цѣлую вереницу лицъ, могущихъ имѣть притязаніе на сочувствіе, и со всею безпощадною правдивостію доказываетъ намъ, что они не герои, а люди малодушные и пустые, несмотря на употребляемыя ими старанія быть вполнѣ хорошими людьми.

Что же это за люди? Одного изъ нихъ авторъ опредѣляетъ весьма отчетливымъ образомъ:

„Оленинъ былъ юноша, нигдѣ не кончившій курса, нигдѣ не служившій (только числившійся въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ), промотавшій половину своего состоянія, и до двадцати-четырехъ лѣтъ не избравшій еще себѣ ни-

Digitized by Google

какой карьеры и никогда ничего не дѣлавшій. Онъ былъ то, что называется „молодой человѣкъ“ въ московскомъ обществѣ“.

Всякій замѣтитъ, что это старая исторія. Это тотъ же Онѣгинъ, который,

Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати-пяти годовъ,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

Но процессъ тоски, снѣдавшей Онѣгина, у этихъ людей сталъ глубже и опродѣленнѣе, то-есть симптомы болѣзни раскрылись въ несравненно большей степени.

Воспитаніе—вполнѣ похоже на онѣгинское. Николай Иртеньевъ съ величайшею живостію разсказывалъ намъ свое „дѣтство“ и „отрочество“, и тутъ видно, что эти люди росли, не испытывая никакихъ нравственныхъ и умственныхъ вліяній, которыя бы помогли развитію ихъ души и наложили бы на нее свою печать. Что до нравственнаго вліянія, то Иртеньевъ прямо говоритъ:

„Заботою о нашъ отца было не столько нравственность и образованіе, сколько свѣтскія отношенія“.

Что касается до умственнаго развитія, то нельзя не обратить вниманія на замѣчаніе Иртеньева, что *исторія всегда казалась ему самымъ скучнымъ, тяжелымъ предметомъ*, и нельзя не найти комическимъ слѣдующій урокъ изъ исторіи:

„— Позвольте перышко, сказалъ мнѣ учитель, протягивая руку. Оно пригодится. Ну-съ.

Людо... Кар... Людовикъ святой былъ... былъ... былъ... добрый и умный царь...

— Кто-съ?

— Царь. Онъ вздумалъ пойти въ Іерусалимъ и *передалъ бразды правленія* своей матери.

— Какъ ее звали-съ?

— Б... б... ланка.

— Какъ-съ? Буланка?

Я усмѣхнулся какъ-то криво и неловко.

Digitized by Google

— Ну-съ, не знаете ли еще чего-нибудь? сказалъ онъ съ усмѣшкой".

При этомъ разсказѣ невольно чувствуется, что изъ чуже-земной исторіи, какъ она у насъ до сихъ поръ преподается, намъ всего доступнѣе

Лишь дней минувшихъ анекдоты.

При такомъ ходѣ дѣла было однакоже одно вліяніе, которое обнаруживала окружающая среда на этихъ отроковъ и которое, разумѣется, дѣйствовало на нихъ очень сильно. Именно на мѣсто различенія добра и зла, свѣта и тьмы, красоты и безобразія, въ душахъ ихъ было развиваемо понятіе comme il faut, понятіе—говоритъ Николай Иртеньевъ —которое въ моей жизни было однимъ изъ самыхъ пагубныхъ, ложныхъ понятій, привитыхъ мнѣ воспитаніемъ и обществомъ.

„Родъ человѣческій можно раздѣлить на множество отдѣловъ—на богатыхъ и бѣдныхъ, на добрыхъ и злыхъ, на военныхъ и статскихъ, на умныхъ и глупыхъ и т. д.; но у каждаго человѣка есть непремѣнно свое любимое, главное подраздѣленіе, подъ которое онъ безсознательно подводитъ каждое новое лицо. Мое любимое и главное подраздѣленіе людей, въ то время, о которомъ я пишу, было на людей comme il faut и на comme il ne faut pas.

„Comme il faut было для меня не только важной заслугой, прекраснымъ качествомъ, совершенствомъ, котораго я желалъ достигнуть, но это было необходимое условіе жизни, безъ котораго не могло быть ни счастья, ни славы, ничего хорошаго на свѣтѣ. Я не уважалъ бы ни знаменитаго артиста, ни ученаго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, если бы онъ не былъ comme il faut. Человѣкъ comme il faut стоялъ выше и внѣ сравненія съ ними; онъ предоставлялъ имъ писать картины, ноты, дѣлалъ добро—онъ даже хвалилъ ихъ за это, отчего же и не хвалить хорошаго, въ комъ бы оно ни было, но онъ не могъ становиться съ ними подъ одинъ уровень; онъ былъ comme il faut, а они нѣтъ—и довольно. Мнѣ кажется даже, что ежели бы у насъ былъ

Digitized by Google

брать, мать или отецъ, которые бы не были comme il faut, и-бы сказалъ, что это несчастіе, но что ужъ тутъ между иной и ими не можетъ быть ничего общаго“.

Вотъ катихизисъ, который былъ внушаемъ этимъ людямъ средою, ихъ окружавшею. Какъ не вспомнить здѣсь Онѣгина, который не прежде влюбился въ Татьяну, какъ увидавши ее блестящей свѣтской дамой, такою, что

Она казалась вѣрный снимокъ,
Du comme il faut,

и который былъ очень удивленъ, когда подъ этою внѣшностію нашолъ настоящую Татьяну, Татьяну не comme il faut, честную русскую женщину.

И большой Онѣгинъ и маленькій Печоринъ, несмотря на тоску, ихъ грызущую, остаются однако въ томъ обществѣ, среди котораго родились. Съ героями гр. Л. Толстого дѣло происходитъ иначе. У нихъ рано начинается разладъ съ понятіями, привитыми обществомъ, и они уходятъ изъ своего круга и пускаются по всевозможнымъ путямъ, ища иныхъ людей и иной жизни для себя. Нехлюдовъ уходитъ въ деревню, Оленинъ въ казацкую станицу, другіе на Кавказъ въ дѣйствующіе отряды, или въ Севастополь, или даже, какъ Долесовъ, на петербургскіе шпиц-балы, чтобы тамъ стрѣтиться съ Альбортомъ.

Разладъ происходитъ не у всѣхъ, а именно только у тѣхъ, кого гр. Толстой избираетъ своими героями. Другіе люди легко сливаются съ своею средою. Такъ братъ Николая Иртеньева, Володя, спокойно вступаетъ на путь своего отца. Такъ Бѣлецкій, встрѣтившійся съ Олениннымъ среди казаковъ, не чувствуетъ ни малѣйшаго разлада съ жизнью.

„Общее мнѣніе о Бѣлецкомъ было то, что онъ милый и добродушный малый! Можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ такой; но Оленину онъ показался, несмотря на добродушное хорошенькое лицо, чрезвычайно непріятенъ“.

Не мудрено; между этими людьми нѣтъ ничего общаго. Одинъ принадлежитъ окружающей жизни, другой отъ нея

Digitized by Google

оторвался. Одинъ легко ко всему прилаживается, для другого всякое жизненное явленіе составляетъ задачу.

„Бѣлецкій — разсказывается далѣе — сразу вошелъ въ обычную жизнь богатаго кавказскаго офицера въ станицѣ. Онъ подпаивалъ стариковъ, дѣлалъ вечеринки“ и проч. „Казаки, ясно опредѣлившіе себѣ этого человѣка, любившаго вино и женщинъ, привыкли къ нему и даже полюбили его больше, чѣмъ Оленина, который былъ для нихъ *загадкой*“.

Прибавимъ — загадкой и для самого себя. Далѣе въ разговорѣ съ Бѣлецкимъ, Олениинъ самъ выражаетъ сознаніе своей разнородности съ нимъ и съ цѣлымъ міромъ, къ которому тотъ принадлежитъ. Олениинъ говоритъ:

„Я знаю, что *я составляю исключеніе* (онъ, видимо, былъ смущенъ). Но жизнь моя устроилась такъ, что я не вижу не только никакой потребности измѣнять свои правила, но я бы не могъ жить здѣсь, не говорю уже жить такъ счастливо, какъ живу, ежели бы я жилъ *по вашему*. И потомъ, *я совсѣмъ другого* ищу, *другое* вижу въ нихъ (женщинахъ), *чѣмъ* вы“.

Вотъ эти-то загадки для себя и другихъ, эти исключенія изъ общаго правила и составляютъ главныхъ лицъ, выводимыхъ у графа Толстого. Лица эти — несчастные, страдающіе люди, въ противоположность счастливымъ и довольнымъ собою Володямъ, Бѣлецкимъ, Дубковымъ и всему множеству вообще. У нашихъ героевъ есть только одно счастливое время жизни, не *юность*, которая по ходячему романическому мнѣнію составляетъ лучшую пору каждаго человѣка, не *мужество*, которое по сущности дѣла должно бы представлять полное раскрытіе жизни, а *дѣтство*, первоначальная пора, когда человѣка еще нѣтъ, а есть только задатокъ человѣка. Дѣтство является для нихъ единственною свѣтлою точкой. Вотъ какъ говорятъ они объ немъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ:

„Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній объ ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ наслажденій.

Digitized by Google

„Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, безаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? *Какое время можетъ быть лучше* того, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви были единственными побужденіями въ жизни?"

„Гдѣ тѣ горячія молитвы? Гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и напѣвалъ сладкія грёзы неиспорченному дѣтскому воображенію".

„Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?"

Конечно, нужно считать очень несчастливыми людей, у которыхъ есть дѣтство, но нѣтъ юности и мужества въ настоящемъ смыслѣ. Жизнь, имѣющая такой ходъ, очевидно, поражена глубокой неправильностію.

Что же случается? Какъ мы уже сказали, у героевъ гр. Толстого возникаетъ разладъ съ окружающимъ міромъ. Процессъ возникновенія этого разлада описанъ у гр. Толстого со всею отчетливостію. Не то, чтобы окружающая дѣйствительность поражала этихъ людей своимъ безобразіемъ, или производила на нихъ давленіе, изъ-подъ котораго они старались выбиться; не то, чтобы въ душѣ ихъ существовали стремленія, которыя не находили себѣ пищи, существовала жажда дѣятельности, для которой не оказывалось простора; нѣтъ — дѣло здѣсь имѣло совершенно иной видъ.

Среди той пустоты, того отсутствія вліяній, въ которомъ эти люди провели свое дѣтство и отрочество, у нихъ въ извѣстную пору, въ силу внутренняго развитія души, возникли идеальныя стремленія, чрезвычайно сильныя и совершенно неопредѣленныя. Въ этомъ была ихъ бѣда, постигшая другихъ юношей. Свѣтъ возникшаго идеала былъ такъ силенъ, что міръ comme il faut исчезалъ передъ нимъ безъ слѣда; идеалъ почти не удостоивалъ бороться съ этимъ міромъ. Такимъ образомъ, эти люди оставались наединѣ съ собою, отрѣзанные отъ своей дѣятельности. Но въ то

Digitized by Google

же время молодой позывъ къ идеалу не успѣваетъ сформироваться въ опредѣленныя требованія и желанія. Недостатъ руководства, примѣровъ, формъ, словъ и очертаній которыя помогли бы широкому и сильному идеалу, такъ сказать, сложиться въ опредѣленный организмъ. Поэтому душа, если можно такъ выразиться, не дорастаетъ; являются страдающіе люди, которые не знаютъ, что имъ дѣлать и какъ имъ дѣлать, которые и въ себѣ и въ другихъ постоянно отыскиваютъ идеальную сторону жизни, мучаются отсутствіемъ, и иногда доходятъ до совершеннаго сомнѣнія въ ея существованіи.

Переломъ, которымъ начинается этотъ разладъ, наступаетъ въ *юности*.

„Подъ вліяніемъ Нехлюдова — разсказываетъ Николай Иртеньевъ — я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляло *восторженное обожаніе идеала добродѣтели* и убѣжденіе въ назначеніи человѣка совершенствоваться. Тогда исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія людскія, казалось удобоисполнимою вещью — очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ..."

Совершенно опредѣленно эта эпоха обозначена нѣсколько далѣе:

„Тѣ добродѣтельныя мысли, которыя мы въ бесѣдахъ перебирали съ обожаемымъ другомъ моимъ Дмитріемъ, *чудеснымъ Митей*, какъ я самъ съ собою шопотомъ иногда называлъ его, еще нравились только моему уму, а не чувству. Но пришло время, когда эти мысли съ такой свѣжей силой моральнаго открытія пришли мнѣ въ голову, что я испугался, подумавъ о томъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и тотчасъ же, ту же секунду, захотѣлъ прилагать эти мысли къ жизни, съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже не измѣнять имъ.

„И съ этого времени я считаю начало *юности*.

„Мнѣ былъ тогда шестнадцатый годъ въ исходѣ".

Тутъ же сказывается и неопредѣленность этихъ порывовъ, пробудившихся съ такою силою.

Digitized by Google

„Этотъ пахучій сырой воздухъ и радостное солнце говорили мнѣ внятно, ясно *о чемъ-то новомъ и прекрасномъ*, которое хотя *я не могу передать* такъ, какъ оно сказывалось мнѣ, а постараюсь передать такъ, какъ я воспринималъ его—все мнѣ говорило про красоту, счастье и добродѣтель, говорило, что какъ то, такъ и другое легко и возможно для меня, что одно не можетъ быть безъ другого, и даже, что красота, счастье и добродѣтель одно и то же".

Иртеньевъ мечтаетъ о своей новой жизни:

„ . . . . въ точности буду исполнять все (что было это „все", я *никакъ бы не могъ сказать* тогда, но я живо понималъ и чувствовалъ это „все" разумной, нравственной, безупречной жизни").

А вотъ описаніе подобнаго пробужденія идеала у другого героя, двадцати четырехлѣтняго юноши Оленина—лица, къ которому авторъ отнесся болѣе строго, чѣмъ къ Иртеньеву. Олениnъ въ лѣсу задаетъ себѣ вопросъ: „Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ и отчего онъ не былъ счастливымъ прежде?"

„И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастье вотъ что—сказалъ онъ самъ себѣ — счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья; стало быть, она законна, Удовлетворяя ее эгоистически, т. е. отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!" Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ, и въ потерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить".

Какъ все это молодо и благородно! Несмотря на то, что авторъ не только не льститъ этимъ юношамъ, а напротивъ, почти готовъ отнестись къ нимъ комически (чистаго коми-

Digitized by Google

ческаго отношенія, какъ мы замѣтили, у него не бываетъ, потому что это—не свободное, самообладающее творчество), нельзя не сочувствовать этимъ порывамъ. „Богъ одинъ знаетъ—говоритъ съ сомнѣніемъ авторъ—*точно ли смѣшны были* эти благородныя мечты юности"; но въ другомъ, болѣе *объективномъ* мѣстѣ, гр. Толстой ясно высказываетъ, какую цѣну имѣютъ эти мечты.

„Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ духовнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій. Благій, отрадный голосъ, столько разъ съ тѣхъ поръ, въ тѣ грустныя времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдругъ смѣло возставшій противъ всякой неправды, злостно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго, и обѣщавшій добро и счастіе въ будущемъ—благій, отрадный голосъ! Неужели ты перестанешь звучать когда-нибудь?"

Есть люди, у которыхъ никогда не звучалъ этотъ голосъ; есть такіе, у которыхъ онъ звучитъ въ извѣстную пору, но легко заглушается голосомъ нуждъ, страстей, привычекъ и примѣровъ окружающей жизни; чаще же всего люди, подавляемые жизнью, чувствуютъ смиреніе передъ нею, не смѣютъ становиться выше ея и предлагать ей требованія, считаютъ дерзостію возложить и на себя большія надежды, и потому слѣпо влекутся обстоятельствами, смутно сознавая, что должна быть какая-то другая жизнь, которая, однако, имъ не по силамъ.

Но у героевъ гр. Толстого голосъ идеала звучитъ громко и не даетъ имъ никогда успокоиться. Одинъ изъ нихъ, чувствуя, что мелкія страсти и привычки совершенно завладѣли его душою, сталъ такъ для себя гадокъ, что застрѣлился („Разсказъ маркера"). Всѣ они приступаютъ къ себѣ и къ жизни съ огромными требованіями; у всѣхъ постоянно шевелится въ душѣ вопросъ, который рано задалъ себѣ Николай Иртеньевъ: „Зачѣмъ все такъ прекрасно, ясно у меня въ душѣ, и такъ безобразно выходитъ на бумагѣ и

Digitized by Google

вообще въ жизни, когда я хочу примѣнять къ ней что-нибудь изъ того, что думаю?..."

Тутъ намъ слѣдовало бы привести цѣлый рядъ комическихъ явленій съ молодыми людьми гр. Толстого—явленій, впрочемъ, очень обыкновенныхъ у всякаго рода молодыхъ людей. Явленія эти состоятъ въ томъ, что юноши прикидываются взрослыми людьми, обнаруживаютъ интересы, желанія, потребности, которыхъ не имѣютъ, волнуются чувствами, которыхъ не питаютъ—однимъ словомъ *напускаютъ* на себя всякаго рода содержаніе, котораго еще лишены ихъ юныя души. Николай Иртеньевъ разсказываетъ про себя:

„Я продолжалъ считать своею непремѣнною обязанностію скрывать отъ всего общества Нехлюдовыхъ и въ особенности отъ Вареньки свои настоящія чувства и наклонности, и старался выказывать себя совершенно другимъ молодымъ человѣкомъ отъ того, какимъ я былъ въ дѣйствительности, и даже такимъ, какого не могло быть въ дѣйствительности".

Подобныхъ обезьянничаній приведено множество въ разсказахъ гр. Толстого. Смыслъ явленій такъ простъ, что не нуждается ни въ какомъ поясненіи. Комизмъ—вотъ единственное правильное отношеніе къ нимъ; но замѣчательно, что именно этого-то отношенія и не устанавливается у гр. Толстого. Очевидно, комизмъ былъ бы возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы у юношей, о которыхъ идетъ рѣчь, на ряду съ фальшивыми проявленіями, постепенно возрастали и усиливались дѣйствительныя чувства, желанія и потребности. Тогда эта дѣйствительная душевная жизнь могла бы утѣшить человѣка въ томъ, что онъ, въ иныхъ случаяхъ поддался фальши, и дать ему надежду, что онъ, наконецъ, навсегда избавится отъ фальши. Но, къ несчастію, здѣсь нѣтъ этого утѣшенія и этой надежды. Герои гр. Толстого чувствуютъ, что въ душѣ ихъ нѣтъ живыхъ движеній, и потому, съ горестью и унынiемъ видятъ въ себѣ одну фальшь. Прекрасный идеалъ, который они носятъ въ душѣ, заставляетъ ихъ страдать отъ той фальши, которой другіе предаются съ увлеченіемъ и о которой вспоминаютъ потомъ со смѣхомъ. Какое глубокое недовольство собою долженъ былъ

Digitized by Google

чувствовать Николай Иртеньевъ, напримѣръ, при такомъ собственномъ поведеніи:

„Вспомнивъ, какъ Володя цѣловалъ прошлаго года кошелекъ своей барышни, я попробовалъ сдѣлать то же, и, дѣйствительно, когда я одинъ вечеромъ въ своей комнатѣ сталъ мечтать, глядя на цвѣтокъ, и прикладывать его къ губамъ, я почувствовалъ нѣкоторое пріятно-слезливое расположеніе, и снова былъ влюбленъ, или такъ предполагалъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней".

Бѣдный мальчикъ! Онъ, очевидно, ясно чувствуетъ фальшь, которой Володя конечно предавался, не задумываясь, какъ будто дѣло дѣлалъ.

Откуда же, спрашивается, такое отсутствіе живыхъ интересовъ и потребностей у этихъ юношей? Мы уже указывали на отсутствіе умственныхъ и нравственныхъ вліяній, среди которыхъ они развивались. Внѣшнія ихъ обстоятельства давали имъ полную возможность жить особнякомъ, не связывая себя тѣсно ни съ какими людьми, ни съ какимъ опредѣленнымъ дѣломъ. Вотъ какъ авторъ описываетъ положеніе Оленина:

„Въ восемнадцать лѣтъ Оленинъ былъ такъ свободенъ, какъ только бывали свободны русскіе богатые молодые люди сороковыхъ годовъ, съ молодыхъ лѣтъ оставшіеся безъ родителей. *Для него не было никакихъ ни физическихъ ни нормальныхъ оковъ*; онъ, все могъ сдѣлать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. *У него не было ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ*".

Другой герой слѣдующимъ образомъ указываетъ на то, какъ понятія, среди которыхъ онъ воспитывался, отрывали его отъ дѣйствительности.

„Ни потеря золотого времени, употребленнаго на постоянную заботу о соблюденіи всѣхъ трудныхъ для меня условій comme il faut, *исключающихъ всякое серіозное увлеченіе*, ни ненависть и презрѣніе къ девяти-десятымъ рода человѣческаго, ни отсутствіе вниманія ко всему прекрасному, совершающемуся внѣ кружка comme il faut, все это еще

Digitized by Google

было не главное зло, которое мнѣ причинило это понятіе. *Главное зло* состояло въ томъ убѣжденіи, что comme il faut есть *самостоятельное положеніе въ обществѣ*, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ comme il faut; что, достигнувъ этого положенія, онъ *уже исполняетъ свое назначеніе* и даже становится выше большей части людей".

„Въ извѣстную пору молодости, послѣ многихъ ошибокъ и увлеченій, каждый человѣкъ обыкновенно *становится въ необходимость* дѣятельнаго участія въ общественной жизни, выбираетъ какую-нибудь отрасль труда и посвящаетъ себя ей; но съ человѣкомъ comme il faut это *рѣдко случается*. Я зналъ и знаю очень, очень много людей старыхъ, гордыхъ, самоувѣренныхъ, рѣзкихъ въ сужденіяхъ, которые на вопросъ, если такой задастся имъ на томъ свѣтѣ: „Кто ты такой? И что ты тамъ дѣлалъ?" не будутъ въ состояніи отвѣтить иначе, какъ: „je fus un homme très comme il faut". „Эта участь ожидала меня".

Изъ этого видно, что пустая, безсодержательная среда не давала этимъ юношамъ никакой точки опоры, никакого живого, теплаго прикосновенія къ дѣйствительности. Но это только внѣшнее условіе или возможность ихъ особаго развитія. Внутреннее, существенное условіе, по которому они не стали въ ряды *очень и очень многихъ*, почему они были выброшены изъ своей среды и почуяли въ себѣ такую страшную пустоту, заключается въ ихъ душевномъ пробужденіи, въ томъ порывѣ къ идеалу, отъ котораго начинается разладъ ихъ жизни.

„Бываютъ люди—замѣчаетъ авторъ — лишенные этого порыва, которые, сразу входя въ жизнь, надѣваютъ на себя первый понравившійся хомутъ и честно работаютъ въ немъ до конца жизни".

Вся бѣда нашихъ героевъ въ томъ и заключается, что они нимало на такихъ людей не похожи, и, напримѣръ, прежде всего сбрасываютъ съ себя хомутъ comme il faut, въ которомъ многіе чувствуютъ себя такъ счастливо.

„Оленинъ — разсказываетъ авторъ—раздумывалъ надъ

Digitized by Google

тѣмъ, куда положить всю силу молодости, только разъ в жизни бывающую въ человѣкѣ, тотъ не повторяющійся п рывъ, ту на одинъ разъ данную человѣку власть *сдѣлат изъ себя все, что онъ хочетъ и какъ ему кажется*, и *всего міра все, что ему хочется*".

„Оленинъ слишкомъ сознавалъ въ себѣ присутствіе эт го всемогущаго бога молодости, эту способность превра титься въ одно желаніе, въ одну мысль, способность зах тѣть и сдѣлать, броситься головой впизъ въ бездонну пропасть, не зная за что, не зная зачѣмъ".

Итакъ, вотъ каковы герои гр. Толстого. Это не худш наши люди, а скорѣе лучшіе. Это исключенія изъ наше жизни, но исключенія, порожденныя самою жизнью, ея пу стотою и безсодержательностію. Въ нихъ проснулась не умирающая душа человѣческая, они почувствовали въ себ порывъ къ идеалу, услышали его зовущій голосъ. Они по шли за нимъ и попали въ тотъ тяжелый разладъ съ сами ми собою и съ окружающими людьми, который составляет главную тему графа Толстого. При свѣтѣ своего идеал они сами себѣ кажутся пустыми и мертвенными, а окружаю щая ихъ жизнь является имъ темною и мелкою...

Что же дѣлаютъ герои графа Толстого? Они буквально бродятъ по свѣту, неся въ себѣ свой идеалъ, и *ищут идеальной стороны жизни*. Они мучительно заняты рѣше ніемъ самыхъ общихъ и, повидимому, очень наивныхъ во просовъ такого рода: существуетъ ли на свѣтѣ истинна дружба? Существуетъ ли истинная любовь къ женщинѣ существуетъ ли высокое наслажденіе природою или искус ствомъ? существуетъ ли истинная доблесть, напр., храб рость на войнѣ? Эти вопросы, которые мы обыкновенно считаемъ признакомъ пошлости человѣка, ихъ задающаго пошлости у насъ очень обыкновенной и всѣмъ знакомой, эти вопросы не стыдятся задавать себѣ юноши графа Тол стого, потому что для нихъ это мучительные вопросы, потому что они, во что бы то ни стало, хотятъ увидѣть соб ственными глазами ту прекрасную сторону жизни, о кото рой они слышали и къ которой ихъ влечетъ внутреннее чув-

Digitized by Google

ство. Двадцати-четырехлѣтній Оленинъ подъѣзжаетъ къ Кавказскимъ горамъ.

„Оленинъ съ жадностью сталъ вглядываться, но было пасмурно, и облака до половины застилали горы. Оленину видѣлось что-то сѣрое, бѣлое, курчавое; *какъ онъ ни старался*, онъ не могъ найти ничего хорошаго въ видѣ горъ, про которыя *столько читалъ и слышалъ*. Онъ подумалъ, что горы и облака имѣютъ совершенно одинаковый видъ, и что *особенная красота снѣговыхъ горъ есть такая же выдумка, какъ музыка Баха и любовь къ женщинѣ, въ которыя онъ не вѣрилъ*“.

Но не даромъ же онъ поѣхалъ на Кавказъ, а не остался въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Сашкой Б...—флигель-адъютантомъ, и княземъ Д... На другое же утро онъ *почувствовалъ всю безконечность красоты* горъ. Но если горы достались такъ легко, то въ другихъ случаяхъ приходилось вынести долгое исканіе и тысячи тяжелыхъ колебаній, прежде чѣмъ жизнь открывала свою таинственную красоту.

Бѣдная, бѣдная жизнь! Такъ ли ты уже дурна и темна на самомъ дѣлѣ, что каждую прекрасную черту твою нужно отыскивать какъ кладъ, зарытый въ глубокомъ подземельѣ? Или же эти люди, жаждущіе твоей красоты, почему-то поражаются слѣпотою, и неспособны увидѣть то, что прямо передъ ихъ глазами? Они *слышатъ*, они *читаютъ* про какой-то дивный міръ, гдѣ есть любовь къ женщинѣ, музыка Баха, красота природы; но хотя женщинъ вокругъ нихъ много — они не любятъ кого-нибудь изъ нихъ, музыка звучитъ—они не чувствуютъ восторга, природа передъ глазами—они ея не видятъ.

Отыскивая по свѣту идеальную сторону жизни, герои графа Толстого нерѣдко приходятъ въ отчаяніе, нерѣдко теряютъ вѣру въ то, что они—когда-нибудь достигнутъ цѣли. Въ сочиненіяхъ графа Толстого много есть мѣстъ, выражающихъ полное невѣріе въ жизнь, признаніе ея совершеннаго ничтожества, совершеннаго отсутствія въ ней идеала. У него встрѣчается, напримѣръ, отрицаніе любви, нимало не уступающее тому невѣрію, которое г. Писем-

Digitized by Google

скій выразилъ относительно Ромео и Юліи. Въ „Юности“ есть глава, которая называется *Любовь*. Въ ней Николай Иртеньевъ порѣшаетъ дѣло такъ:

„Есть три рода любви:

1) любовь красивая,

2) любовь самоотверженная и

3) любовь дѣятельная.

„Я говорю не о любви молодого мужчины къ молодой дѣвушкѣ и наоборотъ, я боюсь этихъ нѣжностей, и былъ такъ несчастливъ въ жизни, что никогда не видалъ въ этомъ родѣ любви *ни одной искры правды, а только ложь*, въ которой чувственность, супружескія отношенія, деньги, желаніе связать или развязать себѣ руки — до того запутывали самое чувство, что ничего разобрать нельзя было“.

Это настоящій взглядъ г. Писемскаго. Отвергается именно та любовь, къ разряду которой относится любовь Ромео и Юліи. Остальные три рода любви тоже оказываются фальшью. Вотъ, напр., замѣтка *о любви красивой*.

„Смѣшно и странно сказать, но я увѣренъ, что было очень много и теперь есть много людей извѣстнаго общества, въ особенности женщинъ, которыхъ любовь къ друзьямъ, мужьямъ, дѣтямъ сейчасъ бы уничтожилась, ежели бы имъ только запретили про нее говорить по-французски“.

Во второмъ разсказѣ о Севастополѣ—разсказѣ, гдѣ авторъ съ поразительнымъ мастерствомъ изобразилъ сцены молочныхъ страстей, тщеславія, зависти, трусости и т. д., которыя онъ нашелъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ казалось бы можно было найти только невыразимо-величественную и грозную эпопею, гр. Толстой усомнился въ достоинствѣ души человѣческой, и заключаетъ свой разсказъ такъ:

„Вотъ я и сказалъ, что хотѣлъ сказать на этотъ разъ. Но тяжелое раздумье одолѣваетъ меня. Можетъ быть, не надо было говорить этого; можетъ быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной *изъ тѣхъ злыхъ истинъ*, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ

вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его“.

„Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать, гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны“.

Злыя истины, о которыхъ говоритъ здѣсь авторъ, встрѣчаются у него безпрестанно. Это больное мѣсто въ душѣ его героевъ, до котораго они любятъ дотрогиваться. Тема этихъ злыхъ истинъ одна—ничтожество и малодушіе человѣческаго племени. Доказывается эта тема всегда одинаковымъ образомъ, именно тѣмъ, что герои ловятъ себя постоянно на отступленіи отъ своего идеала, на томъ, что не выдерживаютъ своихъ благороднѣйшихъ плановъ и предположеній. Они такъ любятъ свои высокія мечтанія, что ни за что не хотятъ отъ нихъ отказаться, такъ что противорѣчіе жизни этимъ мечтаніямъ огорчаетъ ихъ до глубины души и наводитъ на самыя мрачныя идеи. Иногда это выходитъ комически, какъ огорченіе отъ неисполненія совершенно фантастическихъ, совершенно чуждыхъ дѣйствительности, желаній. Вотъ, напр., мрачныя размышленія Николая Иртеньева:

„Мой другъ былъ совершенно правъ; только гораздо, гораздо позднѣе я изъ опыта жизни убѣдился въ томъ, какъ вредно думать и еще вреднѣе говорить многое, кажущееся очень благороднымъ, но *что навсегда должно быть спрятано отъ всѣхъ въ сердцѣ каждаго человѣка* — и въ томъ что *благородныя слова рѣдко сходятся съ благородными дѣлами*. Я убѣжденъ въ томъ, что уже *по одному тому, что хорошее намѣреніе высказано*, трудно, даже большею частію *невозможно исполнить это хорошее намѣреніе*. Но какъ удержать отъ высказыванія благородно-самодовольные порывы юности? Только гораздо позднѣе вспоминаешь объ нихъ, какъ о цвѣткѣ, который—не удержался, сорвалъ не распустившимся и потомъ увидѣлъ на землѣ завялымъ и затоптаннымъ“.

„Я, который сейчасъ только говорилъ Димитрію, своему другу, о томъ, чѣмъ деньги портятъ отношенія, на другой

Digitized by Google

день утромъ, передъ нашимъ отъѣздомъ въ деревню, когда оказалось, что я промоталъ всѣ свои деньги на разныя картинки и стамбулки, взялъ у него двадцать-пять рублей ассигнаціями на дорогу, которые онъ предложилъ мнѣ, и потомъ очень долго оставался ему долженъ".

Экая бѣда, въ самомъ дѣлѣ, эти двадцать пять рублей! И какъ отсюда ясно слѣдуетъ, что благородныхъ намѣреній не слѣдуетъ высказывать, а если разъ высказались, то ужъ потомъ какъ не исполнишь! Эти фантастическія страданія тѣмъ не менѣе суть страданія; они свидѣтельствуютъ все о томъ же—о силѣ идеальныхъ стремленій, которымъ преданы эти юноши, слишкомъ многотребующіе отъ себя и отъ жизни. Они строго судятъ людей и себя; но у нихъ нѣтъ никакого руководства, которое бы научало ихъ различать добро отъ зла, давало бы имъ ясно видѣть, что́ любить и что́ презирать. Юноша, который мучится избыткомъ благородныхъ чувствъ и намѣреній—собственно есть очень милое явленіе, разумѣется, какъ задатокъ. Но если этотъ задатокъ не развивается, если его мечты не получаютъ со временемъ опредѣленныхъ формъ, если въ душѣ его не возникаетъ живыхъ потребностей, которыя подсказывали бы ему что́ любить и что́ ненавидѣть, то это будетъ болѣзненное явленіе пустой, холодной жизни. Для князя Д. Нехлюдова въ „Люцернѣ" міръ все еще представляется хаосомъ:

„Кто опредѣлитъ мнѣ—спрашиваетъ онъ—что́ свобода, что́ деспотизмъ, что́ цивилизація, что́ варварство? И гдѣ границы одного и другого? У кого въ душѣ такъ неспокойно это *мѣсто добра и зла*, чтобы онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе факты?"

Чѣмъ же оканчиваются и оканчиваются ли вообще всѣ эти волненія, сомнѣнія и колебанія? Находятъ ли наконецъ эти люди въ себѣ и другихъ ту идеальную сторону жизни, по которой они такъ мучатся? Какъ мы уже замѣтили, дѣло не останавливается на полномъ отчаяніи, къ которому они иногда приходятъ. Для нихъ открываются проблески истинной жизни, истинной духовной красоты, большею

Digitized by Google

частію не въ нихъ, а въ другихъ людяхъ, которыхъ они въ своемъ упорномъ исканіи идеала наконецъ начинаютъ цѣнить и любить. Такимъ образомъ они пріобрѣтаютъ вѣру, что красота жизни существуетъ, что есть души, вполнѣ сохраняющія достоинство человѣка, вполнѣ достойныя сочувствія.

Особенно подробно и полно разработанъ у графа Толстого вопросъ о *храбрости*, о томъ, *какъ дѣлается война*, по выраженію одного изъ лицъ его севастопольскихъ разсказовъ, Козельцова, т. е. какъ она дѣлается по отношенію къ недѣлимымъ, въ душѣ лицъ, тѣмъ или другимъ путемъ попавшихъ на театръ войны. Начинается разработка этого вопроса съ повѣсти „Набѣгъ", а концомъ разработки можно считать „1805 годъ", гдѣ во второй части война изображена уже съ полнымъ мастерствомъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла съ полнымъ обладаніемъ предметомъ. Центръ же, поворотную точку, гдѣ достигнута наконецъ *суть* дѣла, гдѣ храбрость найдена лицомъ къ лицу, составляетъ *послѣдній* севастопольскій разсказъ.

Въ „Набѣгѣ" выведенъ на сцену *волонтеръ*, который, какъ подобаетъ герою графа Толстого, ищетъ проявленій истинной жизни и потому просится въ дѣло, чтобы видѣть, проявляется ли и какъ проявляется храбрость. Его отговариваютъ.

— „И чего вы не видали тамъ? продолжалъ убѣждать меня капитанъ. — *Хочется вамъ узнать, какія сраженія бываютъ?* Прочтите Михайловскаго-Данилевскаго „Описаніе войны" — прекрасная книга: тамъ все подробно описано — и гдѣ какой корпусъ стоялъ, и какъ сраженія происходятъ.

— „Напротивъ, *это-то меня и не занимаетъ*, отвѣчалъ я.

— „Ну, такъ что же? вамъ, просто хочется, видѣть, посмотрѣть, какъ людей убиваютъ?.. Вотъ въ тридцать второмъ году, былъ тутъ тоже неслужащій какой-то, изъ испанцевъ, кажется. Два похода съ нами ходилъ въ синемъ плащѣ какомъ-то... таки ухлопали молодца. Здѣсь, батюшка, никого не увидишь".

Немудрено, что этотъ истинно-прекрасный человѣкъ,

Digitized by Google

капитанъ Хлоповъ, не понимаетъ, что хочется волонтеру. Для него не существуетъ душевнаго вопроса, который мучитъ молодого человѣка. Для него *храбрость* такое же простое и ясное понятіе, какъ и всѣ другія, и онъ понимаетъ „Описаніе“ Михайловскаго-Данилевскаго. Волонтеръ же не понимаетъ этого слова, какъ и многихъ другихъ, о которыхъ *слышалъ* и *читалъ*. Это сейчасъ и оказывается изъ его разспросовъ.

— „Что, *онъ храбрый былъ?* спросилъ я капитана (про испанца).

— „А Богъ его знаетъ: все бывало впереди ѣздитъ; гдѣ перестрѣлка, тамъ и онъ.

— „Такъ, стало-быть, храбрый, сказалъ я.

— „Нѣтъ, это не значитъ храбрый, что суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ...

— „*Что же вы называете храбрымъ?*

— „Храбрый? храбрый? повторилъ капитанъ съ видомъ человѣка, *которому въ первый разъ представляется подобный вопросъ...*“

Вопросъ этотъ никогда не безпокоилъ капитана, между тѣмъ, какъ онъ глубоко тревожитъ волонтера. И вотъ волонтеръ напряженно присматривается къ тому, какъ держатъ себя различныя лица во время похода и дѣла.

„*Я съ любопытствомъ вслушивался въ разговоры солдатъ и офицеровъ и внимательно всматривался въ выраженія ихъ физіономій;* но рѣшительно ни въ комъ я не могъ замѣтить и тѣни того *безпокойства*, *которое испытывалъ самъ:* шуточки, смѣхи, разсказы, выражали общую беззаботность и равнодушіе къ предстоящей опасности“.

Испытывая самъ нѣкоторое чувство страха, онъ видитъ лицомъ къ лицу всѣ проявленія мужества и удивляется имъ, но еще не понимаетъ ихъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо и говоритъ: *я совершенно ничего не понималъ.*

Стараясь, однакоже, рѣшить, которое изъ этихъ различныхъ явленій храбрости достигаетъ совершенной полноты, которое представляетъ настоящее воплощеніе идеала, волонтеръ останавливается въ заключеніе на капитанѣ Хлоповѣ:

Digitized by Google

„Въ фигурѣ капитана было *очень мало воинственнаго*; но зато въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. *Вотъ кто истинно храбръ*, сказалось мнѣ невольно“. „Онъ былъ точно такимъ же, какимъ я всегда видѣлъ его. Легко сказать: такимъ же, какъ и всегда; но сколько различныхъ оттѣнковъ я замѣчалъ въ другихъ: одинъ хочетъ казаться спокойнѣе, другой суровѣе, третій веселѣе, чѣмъ обыкновенно; по лицу же капитана замѣтно, что капитанъ *и не понимаетъ зачѣмъ казаться*“.

Вотъ первое рѣшеніе вопроса, очевидно весьма слабое и недостаточное. Капитанъ Хлоповъ, конечно, прекрасный и храбрый человѣкъ; но не всѣ же могутъ быть такъ просты, какъ онъ. Можетъ быть, храбрыми могутъ быть и люди, которые понимаютъ нѣсколько больше его, которые понимаютъ, *зачѣмъ казаться*, задавали себѣ вопросъ: *что такое храбрый*, равно какъ и многіе другіе вопросы, никогда не приходившіе въ голову капитана Хлопова.

Итакъ, требуются новые этюды. Авторъ рисуетъ множество людей, менѣе спокойныхъ, чѣмъ капитанъ, волнуемыхъ страхомъ при видѣ опасности, иныхъ совершенно поддающихся этому страху, другихъ успѣшно борющихся съ нимъ, и многихъ вполнѣ и блистательно подавляющихъ это чувство и владѣющихъ собою. Среди этого анализа, попадается и *злая истина* на своемъ надлежащемъ мѣстѣ. Въ „Рубкѣ лѣса“, юнкеръ разсказываетъ свой разговоръ съ ротнымъ командиромъ Болховымъ, который „имѣлъ состояніе, служилъ прежде въ гвардіи и говорилъ по-французски“. Этотъ Болховъ объявляетъ юнкеру, что онъ неспособенъ къ кавказской службѣ.

„Я, говорилъ онъ, не могу переносить опасности... просто *я не храбръ*...“

„Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня безъ шутокъ“.

Болховъ очевидно трусъ, до того падающій духомъ, что уже не можетъ владѣть собою. Казалось бы, подобное малодушіе должно было непріятно подѣйствовать на юнкера.

Digitized by Google

Между тѣмъ, вотъ разговоръ, который происходитъ меж
ними въ этотъ же день:

Болховъ съ улыбкой посмотрѣлъ на меня.

— „А я думаю, вамъ очень страннымъ показался нап
разговоръ утромъ? сказалъ онъ.

— „Нѣтъ, *отчего же?* Мнѣ только показалось, что в
слишкомъ откровенны; *есть вещи, которыя мы всѣ знаем
но которыхъ никогда говорить не надо*".

То-есть, всѣ мы трусы, да только нельзя же объ этом
разсказывать. Бѣдный юноша! Онъ, очевидно, испуганъ
опасностью, а тѣмъ, что чувствуетъ въ душѣ своей страх
несмотря на свое отвращеніе отъ того чувства и желан
подавить его. Стыдливо скрываетъ онъ свою внутреннюю
благородную борьбу, и когда малодушный и мелочной Бо
ховъ открываетъ ему свою трусость, онъ не смѣетъ ук
рить его, ставитъ себя съ нимъ наравнѣ и называетъ
себя трусомъ.

Много и другихъ проявленій малодушія анализовано ав
торомъ съ его необыкновеннымъ мастерствомъ. Черты тще
славія и другихъ мелкихъ страстей, разыгрывающихся сред
самаго разгара битвъ и великихъ событій, выставлены так
же, какъ явленія, подрывающія вѣру въ достоинства душ
человѣческой. Человѣкъ, доблестный среди битвы, через
минуту становится мелочнымъ въ обыкновенной жизни. Что
же такое эта доблесть, такъ быстро уступающая мѣсто ма
лодушію? На эту тему, какъ мы уже и упоминали, напи
санъ второй севастопольскій разсказъ. Но Севастополь взялъ
таки свое. Въ третьемъ, послѣднемъ севастопольскомъ раз
сказѣ, уже вполнѣ разрѣшенъ вопросъ: что такое храб
рость. Этотъ разсказъ писанъ уже полною художественною
манерою, тою же самою, которою писанъ „1805 годъ".
Въ разсказѣ „Севастополь въ августѣ 1855 года", уже
твердо записано важное замѣчаніе,

„что страхъ, какъ и *каждое сильное чувство*, не можетъ
въ одной степени продолжаться долго".

Замѣчаніе весьма важное для того наивно-идеальнаго
взгляда, который готовъ потребовать, чтобы человѣкъ по-

Digitized by Google

стоянно питалъ весьма сильныя и весьма благородныя чувства.

По обыкновенію, авторъ и здѣсь рисуетъ свои лица со всею правдивостію, изображаетъ всѣ ихъ мелочныя слабости, всевозможные переходы отъ доблести къ малодушію. Онъ разсказываетъ, напр., какъ накапунѣ битвы, офицеры въ оборонительной казармѣ играютъ въ карты. Они жадничаютъ, злятся, наконецъ, завязывается ссора. Авторъ перестаетъ разсказывать.

„Опустимъ, говоритъ онъ, скорѣе завѣсу надъ этой сценой. Завтра, нынче же, можетъ быть, каждый изъ этихъ людей *весело* и *гордо* пойдетъ навстрѣчу смерти и умретъ *твердо и спокойно*, но одна отрада жизни въ тѣхъ ужасающихъ самое холодное воображеніе условіяхъ отсутствія всего человѣческаго и безнадежности выхода изъ нихъ, одна отрада есть забвеніе, уничтоженіе сознанія. *На днѣ души каждаго лежитъ та благородная искра, которая сдѣлаетъ изъ него героя; но искра эта устаетъ гореть ярко* — придетъ роковая минута, *она вспыхнетъ пламенемъ* и освѣтитъ *великія дѣла*".

Итакъ, вотъ разгадка! Вотъ объясненіе возможности героизма и признаніе его дѣйствительнаго существованія. Стыдливый юнкеръ и безстыдный трусъ Болховъ уже никого не заставятъ усомниться въ возможности доблести въ душѣ человѣческой.

Само собою разумѣется, что присутствіе душевной доблести не могло быть подвергнуто сомнѣнію гр. Толстымъ— въ простомъ народѣ, не въ средѣ юнкеровъ, волонтеровъ и офицеровъ, а въ средѣ простыхъ солдатъ. Здѣсь дѣло было столь же ясное, какъ и относительно капитана Хлопова. Храбрость была на лицо, и оставалось только изучать ее. Въ этомъ отношеніи найдется не мало прекрасныхъ изображеній у гр. Толстого. Величіе народнаго духа особенно поражаетъ въ *первомъ* севастопольскомъ разсказѣ „Севастополь въ декабрѣ 1854". Это какъ будто первое неотразимое впечатлѣніе, которое потомъ забылось въ силу постояннаго и неизмѣннаго присутствія предмета, его произво-

Digitized by Google

дившаго, такъ что явилась возможность возникнуть колеб
ніямъ и грусти *второго* расказа. Но, очевидно, заключен
перваго расказа годится и для всѣхъ трехъ.

„Надолго—оканчиваетъ авторъ—оставитъ въ Россіи в
ликіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой *героемъ бы
народъ русскій*...“

Итакъ, герой найденъ наконецъ. Герой несомнительный
въ которомъ ни разу не приходилось усомниться, разска
зывая о которомъ, нельзя было ни разу окончить правди
вую повѣсть грустнымъ вопросомъ: „кто же герой это
повѣсти?“

Намъ довелось бы долго черпать въ книгѣ, столь бога
той поэзіею и наблюдательностію, какъ сочиненія гр. Тол
стого, если бы мы вздумали прослѣдить другія черты ду
шевной жизни тѣхъ героевъ автора, на которыхъ устре
млено его главное вниманіе, то-есть дѣтей нашего общества
Иртеньевыхъ, Олениныхъ, князей Нехлюдовыхъ и пр. Они
больны, эти люди, одною болѣзнію — пустотою и мертвенно
стью души. Но у нихъ въ душѣ несомнѣнно таится *благо
родная искра*, которая стремится *вспыхнуть пламенемъ*, и
только почему-то не находитъ пищи для своего огня. Если
бы эта искра вспыхнула, она озарила бы прекрасную ду
шевную жизнь; стремленіе къ этой жизни составляетъ му
ченіе этихъ душъ.

Насколько нашъ общій духовный складъ, наше образо
ваніе, образъ мыслей и чувствъ или отсутствіе мыслей и
чувствъ въ нашемъ обществѣ содѣйствуютъ порожденію
такихъ болѣзненныхъ явленій — вопросъ, который мы не
будемъ рѣшать, но который ясно затрогивается этими явле
ніями.

Но еще интереснѣе вопросъ: какія живыя начала обна
руживаетъ здѣсь русская душа, какой нравственный и эсте
тическій складъ она проявляетъ, выбиваясь изъ-подъ како
го-то давящаго ее недуга?

Н. Страховъ.

Digitized by Google

1867 г.

*) Къ числу самыхъ рѣдкихъ явленій въ нашей литературѣ принадлежитъ *Тысяча восемьсотъ пятый годъ, графа Льва Толстого*. Такія явленія освѣжаютъ, какъ дождь послѣ засухи. Они даютъ намъ возможность отдохнуть на минуту отъ вихря насущныхъ тревогъ и послѣ долгаго періода раздражительной, лихорадочной дѣятельности оглянуться въ раздумьи назадъ, на свое прошедшее.

Нужно ли говорить: какъ плодотворны подобнаго рода оглядки? Если жизнь политической единицы, какъ и жизнь недѣлимаго, не безсмысленный агрегатъ случайностей, а дѣйствительно *жизнь*, имѣющая въ себѣ какую-нибудь живую цѣлость, какое-нибудь послѣдовательное развитіе и исторически-непрерывную связь, то память для нея необходима и необходимо сознаніе прожитого. Съ этой точки зрѣнія мы и просимъ взглянуть на 1805-й годъ. Явленіе это мы не можемъ категорически отнести ни къ одной изъ извѣстныхъ рубрикъ изящной словесности. Это не *хроника* и не *историческій романъ*. Хотя оно и подходитъ по формѣ довольно близко къ послѣднему; но содержаніе его лишено драматическаго единства; дѣйствіе не имѣетъ центра: завязка, интрига, развязка, все это опущено; мало того, разсказъ очевидно не конченъ, но смыслъ его не страдаетъ нисколько отъ всѣхъ этихъ недостатковъ, которые потому мы и не можемъ признать недостатками. Напротивъ, намъ кажется, что болѣе строгая рамка была бы стѣснительна, требуя для своей полноты такихъ вещей, какихъ авторъ не могъ и не долженъ былъ вовсе имѣть въ виду. Задачей его былъ: *очеркъ русскаго общества шестьдесятъ лѣтъ назадъ*, и мы должны отдать справедливость вкусу, съ которымъ, отбросивъ всѣ лишніе орнаменты и всякую претензію на эффектъ, онъ принесъ въ жертву этотъ послѣдній строгому требованію исторической правды. Разсказъ его потерялъ

*) „Всемірный Трудъ" 1867 г. № 6. Статья П. Ахшарумова, подъ заглавіемъ: „1805-й годъ, соч. графа Льва Толстого".

Digitized by Google

отъ этого очень немного, а выигралъ безконечно. Затѣмъ остается вопросъ: на сколько въ очеркѣ его принималъ участіе творческій вымыселъ и на сколько канвой для него служилъ историческій матеріалъ, богатымъ запасомъ котораго авторъ необходимо долженъ былъ обладать, чтобы исполнить съ такимъ успѣхомъ свою задачу? Въ точности отвѣчать на подобный вопросъ могъ бы конечно одинъ только онъ; что же касается до критики, то она не имѣетъ нужды писать историческій комментарій къ труду, который такъ ясенъ и безъ того. Это не сплетни высшаго круга, весь интересъ которыхъ вертится на подлинныхъ именахъ, это картина, въ которой актеры дѣйствительные служили только натурщиками для творческаго воспроизведенія другого, гораздо болѣе крупнаго дѣятеля на полѣ исторіи: лица и характера русскаго общества. Историческій матеріалъ несомнѣнно вошелъ въ это созданіе, какъ преобладающій его элементъ; но элементъ этотъ не залегъ мертвымъ пластомъ въ основѣ постройки, а, какъ здоровая, крѣпкая пища, переработанъ былъ творческой силой въ живую ткань, въ плоть и кровь поэтическаго созданія. Въ этомъ смыслѣ историческая заслуга подобнаго рода работъ неоцѣнима, и никакой обстрактный пріемъ науки, стремящійся къ разложенію историческаго процесса и къ выводу изъ него законовъ, имъ управляющихъ, не можетъ безъ ней обойтись. Чтобы уловить законъ жизни, надо имѣть сперва живое въ рукахъ и передъ глазами; а если уже оно отжило, если года и могилы отдѣляютъ его отъ насъ, то прежде всего надо умѣть его воскресить. Безъ этого трупъ остается трупомъ, и никакія изслѣдованія надъ мертвымъ не дадутъ намъ возможности уразумѣть живое.

Единица общественной жизни долговѣчнѣе единицы личной, и потому, говоря о ней, мы не можемъ себя отдѣлить вполнѣ отъ актеровъ такого недавняго времени, какъ начало нашего вѣка. Мы жили въ нихъ и они, до сихъ поръ, живутъ еще въ насъ. Нити общественной памяти, общественнаго сознанія, не оборваны между нами, и русское общество нашего времени, вспоминая ихъ время, помнитъ

Digitized by Google

не что-нибудь постороннее и чужое, а собственное свое прошедшее, свои молодые годы. Оно хорошо помнитъ, что въ ту пору оно было еще очень молодо и свѣжо и что послѣ того оно поступило въ школу. До тѣхъ поръ школы, въ собственномъ смыслѣ, оно не имѣло еще. Оно родилось въ эпоху Петра. Дальше Петра оно не помнитъ себя, потому что до этой поры его не было. Въ первые дни своей жизни, оно было въ рукахъ у крутого отца, потомъ перешло на попеченіе умной, заботливой матери; потомъ было передано на руки чужеземныхъ нянекъ и гувернеровъ. Впереди его ждали учителя и наука, и наконецъ, уже очень недавно, въ послѣдніе годы нашего времени, сдѣланъ первый, суровый опытъ жизни дѣйствительной. Въ этомъ прогрессѣ развитія, такое время, какъ 1805 годъ, занимаетъ весьма интересное мѣсто. Это была та золотая пора счастливаго дѣтства, когда характеръ ребенка уже сложился и въ немъ обнаружилась уже личность; но эта личность еще не пошла въ передѣлку и не вытерпѣла опасной для нея пробы школьнаго уровня и школьной, теоретической выправки. Смотря съ этой точки, всѣ члены общества, изображеннаго графомъ Толстымъ, кажутся намъ дѣтьми. Ихъ отношеніе къ жизни наивно и непосредственно; они не вошли ни въ какую сдѣлку съ своимъ положеніемъ, не выбрали себѣ никакого пути и незнакомы съ тою разлагающею работою мысли, которая столькихъ изъ насъ заставляетъ стоять передъ дѣломъ, въ раздумьи, по цѣлымъ годамъ, брюзгливо косясь на него и не рѣшаясь поднять руки. Всѣ они вѣрятъ во что-нибудь всею душою, кто въ своего, отечественнаго героя, кто въ Бонапарте или въ Жанъ Жака Руссо, а кто спроста въ свою Сопю или Наташу; другіе въ военную честь и славу или въ свои bons mots; третьи въ свою боззавѣтную удаль и силу; четвертые наконецъ, и эти можетъ быть крѣпче всѣхъ, въ возможность жить безконечно такъ, какъ они живутъ, доходомъ съ отцовскихъ помѣстьевъ, среди безконечныхъ пировъ и безпечныхъ досуговъ, въ лонѣ широкаго, русскаго хлѣбосольства. Взглянемъ поближе на этихъ дѣтей. Большая

Digitized by Google

отъ этого очень немного, а выигралъ безконечно. Затѣмъ остается вопросъ: на сколько въ очеркѣ его принималъ участіе творческій вымыселъ и на сколько канвой для него служилъ историческій матеріалъ, богатымъ запасомъ котораго авторъ необходимо долженъ былъ обладать, чтобы исполнить съ такимъ успѣхомъ свою задачу? Въ точности отвѣчать на подобный вопросъ могъ бы конечно одинъ только онъ; что же касается до критики, то она не имѣетъ нужды писать историческій комментарій къ труду, который такъ ясенъ и безъ того. Это не сплетни высшаго круга, весь интересъ которыхъ вертится на подлинныхъ именахъ, это картина, въ которой актеры дѣйствительные служили только натурщиками для творческаго воспроизведенія другого, гораздо болѣе крупнаго дѣятеля на полѣ исторіи: лица и характера русскаго общества. Историческій матеріалъ несомнѣнно вошелъ въ это созданіе, какъ преобладающій его элементъ; но элементъ этотъ не залогъ мертвымъ пластомъ въ основѣ постройки, а, какъ здоровая, крѣпкая пища, переработанъ былъ творческой силой въ живую ткань, въ плоть и кровь поэтическаго созданія. Въ этомъ смыслѣ историческая заслуга подобнаго рода работъ неоцѣнима, и никакой обстрактный пріемъ науки, стремящійся къ разложенію историческаго процесса и къ выводу изъ него законовъ, имъ управляющихъ, не можетъ безъ ней обойтись. Чтобы уловить законъ жизни, надо имѣть сперва живое въ рукахъ и передъ глазами; а если уже оно отжило, если года и могилы отдѣляютъ его отъ насъ, то прежде всего надо умѣть его воскресить. Безъ этого трупъ останется трупомъ, и никакія изслѣдованія надъ мертвымъ не дадутъ намъ возможности уразумѣть живое.

Единица общественной жизни долговѣчнѣе единицы личной, и потому, говоря о ней, мы не можемъ себя отдѣлить вполнѣ отъ актеровъ такого недавняго времени, какъ начало нашего вѣка. Мы жили въ нихъ и они, до сихъ поръ, живутъ еще въ насъ. Нити общественной памяти, общественнаго сознанія, не оборваны между нами, и русское общество нашего времени, вспоминая ихъ время, помнитъ

Digitized by Google

в что-нибудь постороннее и чужое, а собственное свое рошлое, свои молодые годы. Оно хорошо помнитъ, что ъ ту пору оно было еще очень молодо и свѣжо и что ослѣ того оно поступило въ школу. До тѣхъ поръ школы, ъ собственномъ смыслѣ, оно не имѣло еще. Оно родилось ъ эпоху Петра. Дальше Петра оно не помнитъ себя, потому что до этой поры его не было. Въ первые дни сво-й жизни, оно было въ рукахъ у крутого отца, потомъ ерешло на попеченіе умной, заботливой матери; потомъ было передано на руки чужеземныхъ нянекъ и гувернеровъ. Впереди его ждали учителя и наука, и наконецъ, уже очень недавно, въ послѣдніе годы нашего времени, сдѣланъ ервый, суровый опытъ жизни дѣйствительной. Въ этомъ прогрессѣ развитія, такое время, какъ 1805 годъ, занимаетъ весьма интересное мѣсто. Это была та золотая пора счастливаго дѣтства, когда характеръ ребенка уже сложился и въ немъ обнаружилась уже личность; но эта личность еще не пошла въ передѣлку и не вытерпѣла опасной для нея пробы школьнаго уровня и школьной, теоретической выправки. Смотря съ этой точки, всѣ члены общества, изображеннаго графомъ Толстымъ, кажутся намъ дѣтьми. Ихъ отношеніе къ жизни наивно и непосредственно; они не вошли ни въ какую сдѣлку съ своимъ положеніемъ, не выбрали себѣ никакого пути и незнакомы съ тою разла-гающею работою мысли, которая столькихъ изъ насъ за-ставляетъ стоять передъ дѣломъ, въ раздумьи, по цѣлымъ одамъ, брюзгливо косясь на него и не рѣшаясь поднять уки. Всѣ они вѣрятъ во что-нибудь всею душою, кто въ своего, отечественнаго героя, кто въ Бонапарте или въ Канъ Жака Руссо, а кто спроста въ свою Соню или На-ашу; другіе въ военную честь и славу или въ свои bons ots; третьи въ свою беззавѣтную удаль и силу; четвертые аконецъ, и эти можетъ быть крѣпче всѣхъ, въ возмож-ость жить безконечно такъ, какъ они живутъ, доходомъ ъ отцовскихъ помѣстьевъ, среди безконечныхъ пировъ и езпечныхъ досуговъ, въ лонѣ широкаго, русскаго хлѣбо-ольства. Взглянемъ поближе на этихъ дѣтей. Большая

Digitized by Google

часть ихъ такъ малы, что на нихъ смотрѣть весело, и во многихъ мы видимъ знакомыя намъ черты. Въ одномъ мы узнаемъ округленный, юношескій портретъ своего отца или дяди; другой напоминаетъ намъ издали и слегка будущихъ Чацкихъ или Онѣгиныхъ... Эта дѣвочка, съ худенькимъ, смуглымъ личикомъ и съ бойкими, огненными глазенками, мы не можемъ на нее насмотрѣться, и намъ что-то сдается что мы не разъ встрѣчали ее потомъ, позднѣе, въ ея цвѣтущіе годы, ее или что-то очень похожее на нее, что-то родное.

Но подойдемъ къ этимъ дѣтямъ и посмотримъ на нихъ внимательнѣе.

Разсказъ начинается въ Зимнемъ Дворцѣ, на вечерѣ у фрейлины императрицы-матери. Блестящее общество собрано у нея и слухи о предстоящей войнѣ противъ Франціи составляютъ канву всѣхъ разговоровъ, которые, впрочемъ, не отличаются патріотическимъ настроеніемъ. Они идутъ почти сплошь на французскомъ языкѣ, съ рѣдкою примѣсью русскихъ, непереводимыхъ словъ.

Но эта смѣсь, звучащая въ наше время дряхлымъ, неизлѣчимымъ ребячествомъ старости, въ ту пору имѣла свой дѣтскій, наивный комизмъ и очень понятное оправданіе. Вспомнимъ, что мы въ Петербургѣ и при дворѣ и что около вѣка уже, какъ вся Европа въ лицѣ своего высшаго общества была подъ обаяніемъ дворцоваго блеска Франціи, ея славы и просвѣщенія, и что отголосокъ эпохи Людовика XIV не успѣлъ еще ослабѣть, какъ пожаръ революціи и немедленно вслѣдъ за нимъ громкіе подвиги новаго Цезаря явились на смѣну. Наше же русское общество и особенно та сторона его, которою мы тогда прикасались къ Европѣ, высшій кружокъ Петербурга и дворъ, все это было въ томъ нѣжномъ возрастѣ, въ которомъ самостоятельность немыслима и сила внѣшняго впечатлѣнія не уравновѣшивается никакимъ устоемъ внутри. Требовать, чтобы мы въ ту пору имѣли свою оригинальность, также неразсудительно, какъ ожидать, чтобы бѣлый листъ въ типографскомъ станкѣ не получилъ отпечатка. Подражательная наклонность

Digitized by Google

дѣтей извѣстна. Воображеніе ихъ полно тѣмъ, что̀ ежедневно видятъ вокругъ себя, что̀ ярче сіяетъ и громче звучитъ. Они стараются походить на взрослыхъ, перенимаютъ ихъ тонъ и манеры и инстинктивно ихъ пародируютъ въ своихъ играхъ. По этой простой причинѣ тонъ нашего высшаго общества въ Петербургѣ въ ту пору, конечно, не могъ быть ничѣмъ другимъ, какъ отголоскомъ внѣшней, поверхностной стороны эмиграціи—большею частью, рѣже—бонапартизма, и еще рѣже, еще поверхностнѣе того—либеральнаго настроенія, въ которомъ первые дни революціи застали блестящую молодежь французской аристократіи. Всѣ эти оттѣнки и вся эта легкомысленная, наивная, чисто дѣтская аффектація мастерски выражена въ первыхъ главахъ разсказа. Вы съ перваго взгляда видите, что все это маленькое собраніе далеко не доросло еще до того, чтобы имѣть какую-нибудь своеобразную физіономію. Это не русскіе и не французы, а шалуны и шалуньи, съ комической важностью разыгрывающіе какую-то маленькую игру. Они всѣ пропитаны амбиціею тончайшаго вкуса и безупречной порядочности; но никому изъ нихъ и на мысль не приходитъ быть порядочнымъ на свой собственный ладъ, а не по преданіямъ Faubourg St. Germain. Преданія эти и даже силотни знакомы имъ наизусть какъ нѣчто такое, что стыдно было бы не знать, и притворяются съ забавною торопливостью школьниковъ, спѣшащихъ наперерывъ доказать, что они знаютъ отлично урокъ. Чтобы усилить еще правдоподобіе этой игры, настоящій, живой французъ и не простой какой-нибудь, а самаго перваго сорта, Мортемаръ (allié aux Montmorencys par les Rohans, tout ce qu'il y a de plus Faubourg St. Germain) сервированъ заботливою хозяйкой своимъ гостямъ, какъ нѣчто сверхъестественное-утонченное, какъ настоящій, живой образецъ хорошаго общества; и передъ этимъ-то образцомъ, какъ передъ истиннымъ знатокомъ и цѣнителемъ, наши маленькіе актеры разыгрываютъ свою маленькую комедію съ такимъ живымъ, ребяческимъ аппетитомъ и увлеченіемъ, что нѣтъ никакой возможности разсердиться на нихъ серіозно за эту шалость. Роли не рез-

Digitized by Google

даны, а разобраны нарасхватъ; по какому-то безмолвном соглашенію всякій себѣ захватилъ, не спрашивая, то, чт ему больше нравится и больше къ лицу. Тутъ есть и па смурный, разочарованный левъ и салонный клоунъ, дурачокъ причесанный à la Titus, въ панталонахъ цвѣта cuisse d nymphe éffrayée и съ лорнетомъ въ глазу; есть и хоро шенькая княгиня, которая ведетъ себя такъ, какъ будто бы все, что она ни дѣлала, было partie de plaisir для нея и для всѣхъ окружающихъ, княгиня, о которой виконтъ отоз звался снисходительно, что она bien, mai strès bien et tou à fait Française; и писанная красавица княжна, съ пензмѣнной, спокойной улыбкою торжества, предоставляющая любоваться собою всякому, безъ разбора. За дирижера, ко нечно, — хозяйка, болѣе всѣхъ озабоченная успѣхомъ чьесы и старательно наблюдающая за равномѣрнымъ, приличнымъ тактомъ пущенной ею въ ходъ разговорной машины. Комедія этого рода съ тѣхъ поръ повторяема была безконечное число разъ и дается у насъ до сихъ поръ нерѣдко, съ тою только разницею, что въ ту пору она была свѣжа и естественна, а теперь устарѣла, утратила всякій смыслъ, и всякому нравственно взрослому, сколько-нибудь размышляющему изъ насъ, опротивѣла до послѣдней степени. Были однакоже и тогда умныя дѣти, которымъ она не нравилась. Въ гостиныхъ, разыгрывая французовъ и съ дѣтства невольно усвоивъ себѣ всѣ внѣшніе ихъ пріемы, они понимали однако, что это — ребячество и что пора уже это бросить, потому что ихъ ждетъ впереди другое, серіозное дѣло, въ виду котораго оставаться дѣтьми постыдно. Дѣло въ томъ, что французами ни они, ни другіе, ихъ окружающіе, въ сущности не были никогда, и не могли ими сдѣлаться. Свободное, гибкое отношеніе къ внѣшней формѣ, способность выйти изъ своего, и быстро усвоивъ чужое, потомъ также быстро и легкомысленно бросить его; короче, именно то, что дѣлало ихъ способными такъ хорошо ломаться на чужеземный ладъ, — это-то именно и отличало ихъ отъ иностранцевъ и отъ французовъ въ особенности. И ни одинъ изъ нихъ, какъ бы онъ ни былъ чуждъ сна-

Digitized by Google

ружи всего народнаго, какъ ни былъ бы увлеченъ блескомъ моды, никогда не могъ сжиться съ своею салонною ролью до такой степени, чтобы ему трудно было, въ любую минуту, сбросить ее съ себя и явиться совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Это быстрое и естественное выглядываніе мимоходомъ грубоватаго, но энергическаго русскаго лица изъ-подъ прилизанной, щепетильной маски, надѣтой имъ на себя для потѣхи, оцѣнено было авторомъ очень тонко и проведено сподрядъ черезъ весь разсказъ. Но мѣстами актеры его и совсѣмъ снимаютъ маску. Не успѣли гости разъѣхаться послѣ вечера у Анны Павловны Шереръ, какъ мы видимъ уже, съ двухъ разныхъ сторонъ, протестъ противъ той черты современной жизни, которую авторъ изобразилъ этимъ вечеромъ. Съ одной стороны, это искренняя и серіозная полная гордаго сознанія своего достоинства, исповѣдь князя Андрея; съ другой – это дикій взрывъ молодой, буйной силы и беззавѣтной удали, на квартирѣ у молодого Курагина, послѣ игры и почной попойки. Тутъ уже нѣтъ и духу щепетильной бонтонности Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, тутъ пахнетъ скорѣе пожаромъ Москвы и тѣмъ неожиданнымъ, выходящимъ изъ всякихъ понятій о европейскомъ приличіи, неучтивымъ пріемомъ, который мы сдѣлали нашимъ гостямъ семь лѣтъ спустя.

Изъ Петербурга дѣйствіе переходитъ въ Москву; но связь въ переходѣ едва чувствительна. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая, навязчивая просительница, вырвавшая, на вечерѣ Анны Павловны Шереръ, почти насильно у князя Курагина обѣщаніе исходатайствовать переводъ ея сына въ гвардію, возвращается послѣ этой побѣды въ Москву, въ семейство своихъ друзей Ростовыхъ, и вотъ мы съ ней вмѣстѣ въ Москвѣ, и въ гостяхъ у графа Ростова. Тутъ вѣетъ, какъ и всегда въ Москвѣ, совсѣмъ другимъ воздухомъ. Люди живутъ, не натуживаясь и не вылѣзая изъ кожи, чтобы походить на другихъ людей или на собственное свое понятіе о томъ, какъ слѣдуетъ жить. Можно бы и точнѣе еще опредѣлить эту разницу, но это заняло бы у насъ слишкомъ много времени и все-таки было бы лишнее,

Digitized by Google

потому что это гораздо лучше чувствуется, чѣмъ опредѣляется, и въ разсказѣ у автора это чувствуется отлично. Слухи о предстоящей войнѣ и здѣсь составляютъ модную тему всѣхъ разговоровъ; но здѣсь они имѣютъ совсѣмъ другой характеръ. Въ Петербургѣ это придворная новость и канва для красивыхъ французскихъ фразъ;— здѣсь это домашніе толки, идущіе рядомъ съ другими дѣлами и интересами,—съ визитами, сплетнями, поздравленіями и обѣдами. Войско двинуто за границу; молодежь бросаетъ ученіе и поступаетъ въ армію, сынъ уѣзжаетъ; но въ семействѣ есть именинница, и вотъ домъ полонъ визитами, поздравленіями, и хозяйка едва на ногахъ стоитъ отъ усталости, и въ мраморномъ залѣ накрытъ длинный столъ на восемьдесятъ кувертовъ, и мысли отца семейства поглощены какимъ-то sauté au madère изъ рябчиковъ или достоинствомъ своего крѣпостнаго повара Тараски, за котораго онъ заплатилъ тысячу рублей. Какими громами по этому поводу разразились бы строгіе проповѣдники нашего времени! Какъ растерзали бы они бѣднаго графа Ростова и добрую бабу — графиню со всѣми ихъ чадами, домочадцами и гостями, съ ихъ крѣпостною прислугою и соусами изъ рябчиковъ и... „la santé de maman“ и... „la comtesse Apraksine“, и всей этой дребеденью московской праздничной жизни!... Но время времени рознь, и, читая разсказъ графа Толстого о прошломъ, мы до такой степени уходимъ за шестьдесятъ лѣтъ назадъ, до такой степени понимаемъ людей имъ описанныхъ, что не чувствуемъ къ нимъ ни ненависти, ни отвращенія. Мы говоримъ:—tout compté, все это были добрые люди и теплые люди и ничуть не хуже насъ съ вами, неумолимый цензоръ и проповѣдникъ. И главное, почему мы не можемъ судить о нихъ иначе,—это опять-таки потому, что они дѣти... Но на этотъ разъ между взрослыми, пожилыми ребятами, въ разсказѣ мы видимъ передъ собою цѣлое общество настоящихъ дѣтей, и эти дѣти изображены у автора съ такой обворожительной прелестію, что мы не можемъ на нихъ наглядѣться. Они также играютъ свою игру, пародируя въ ней точно также большихъ, только паро-

Digitized by Google

дія ихъ гораздо милѣе и проще. Они влюбляются и ревнуютъ другъ друга, и передъ разлукой даютъ другъ другу обѣты въ вѣрности неизмѣнной, по гробъ. Тутъ уже нѣтъ ни виконтовъ, ни сплетенъ отжившей аристократіи, ни всей этой приторной аффектаціи французской бонтонности,—тутъ просто шалость; но шалость такая милая и сердечная и такая естественная, что ей недостаетъ только времени, чтобы созрѣть и перейти цѣликомъ въ жизнь дѣйствительную... А между тѣмъ, и покуда мы ею любуемся, картина опять понемногу мѣняется, и разсказъ переходитъ въ другую сферу.

Изъ праздничныхъ сплетенъ въ семействѣ Ростовыхъ мы узнаемъ, что побочный сынъ графа Безухаго—Пьеръ, съ которымъ мы еще познакомились въ Петербургѣ, на вечерѣ у фрейлины Шереръ и въ кабинетѣ князя Андрея Болконскаго, выслапъ въ Москву за дурачество, сдѣланное имъ послѣ попойки. Положеніе этого молодого человѣка въ обществѣ—шатко и очень двусмысленно, карьера, повидимому, испорчена; но судьба готовитъ ему сюрпризъ. Отецъ его, графъ Безухій, одинъ изъ тѣхъ сильныхъ людей вѣка Екатерины, которые правдою и неправдою сумѣли себѣ проложить дорогу изъ тѣсноты и потомокъ къ вершинамъ богатства и власти, лежитъ при смерти, и дѣло вокругъ него идетъ о томъ: кому послѣ него достанется его громадное состояніе. Вокругъ смертной постели его идетъ интрига. Его родственникъ, тоже другой петербургскій знакомый читателя, князь Василій Куракинъ, племянницы котораго, Мамоновы, живутъ у графа, объясняетъ одной изъ нихъ, что у графа есть завѣщаніе въ пользу его побочнаго сына Пьера и письмо къ государю съ просьбой объ усыновленіи, и что ежели этимъ бумагамъ дать ходъ, то все достанется Пьеру, и никто кромѣ него не получитъ ни грота. Пьеръ и самъ тутъ, но Пьеръ простофиля, - спитанный за границей, въ Парижѣ, очарованный славой Наполеона и мечтающій о побѣдѣ его надъ Англіею, въ такую минуту, когда у него изъ-подъ носу собираются вырвать наслѣдство. Онъ ни о чемъ не догадывается, но счастіе рѣшительно на его сто-

Digitized by Google

ронѣ. Та же навязчивая просительница и дальняя родственница его отца, называющая одного стараго графа дядюшкою, знакомая намъ Анна Михайловна Друбецкая, врывается въ домъ умирающаго, съ крестнымъ сыномъ его, своимъ безприданнымъ Боренькою. Одушевленная материнской заботливостію, она желаетъ добыть для этого Боренькѣ нѣсколько крохъ изъ наслѣдства и, не видя другой возможности осуществить эту цѣль, какъ уцѣпиться за добродушнаго Пьера,— беретъ его подъ свою защиту. Съ неподражаемой смѣсью нахальства и ловкости, втирается она въ кругъ наслѣдниковъ, угадываетъ всѣ ихъ затѣи и разрушаетъ ихъ въ пользу своего protégé... Все это вмѣстѣ составляетъ единственный драматическій эпизодъ въ разсказѣ. Онъ выполненъ въ совершенствѣ. Это — haute comédie, — комедія высшаго рода. Несмотря на ея отрывочный, сжатый видъ, характеры лицъ, въ ней участвующихъ, рисуются дѣйствіемъ, и эти характеры поняты такъ глубоко, очерчены такъ удачно, что мы имѣемъ возможность ихъ видѣть наскозь. Роль князя, старшей княжны, объясненіе ихъ между собою насчетъ завѣщанія, роль Пьера и Анны Михайловны, все это такія вещи, которыя, разъ прочитанныя, останутся въ памяти навсегда, какъ образецъ первокласснаго дарованія.

Въ подтвержденіе этихъ словъ, мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи напомнить читателю послѣднюю и, по нашему мнѣнію, лучшую сцену этой комедіи, сцену развязки... (Далѣе приводится обширная выдержка, начинающаяся словами: „Въ пріемной никого уже не было, кромѣ князя Василія“... и оканчивающаяся словами: J'espère, mon cher ami, que vous remplirez le désir de votre père)...

Не менѣе превосходна, но совсѣмъ въ другомъ родѣ картина, слѣдующая за тѣмъ. Изъ Москвы разсказъ переходитъ въ помѣстье стараго князя Болконскаго. Знакомый намъ князь Андрей привозитъ туда свою беременную жену и, поссорившись съ отцомъ, уѣзжаетъ въ походъ. Такъ же, какъ и въ Москвѣ, здѣсь, кромѣ француженки-компаньонки да внѣшняго отпечатка французскаго воспитанія на молодомъ поколѣніи, мы не видимъ уже ничего чужеземнаго. Образъ

Digitized by Google

жизни, характеры, отношенія лицъ другъ къ другу,—все это свое, самостоятельно русское и родное. Полныя жизни, типичныя физіономіи князей Болконскихъ, отца и сына, при всемъ глубокомъ сочувствіи и интересѣ, возбуждаемыхъ ими въ читателѣ, заставляютъ насъ тяжело вздохнуть. Куда дѣвались такіе люди и отчего мы не видимъ ихъ между нами теперь?... Особенно князь Андрей... Его смѣлый, прямой, ничѣмъ незакупленный умъ, его незапятнанная чистота души и эта способность видѣть всѣ вещи не такъ, какъ бы ихъ хотѣлось видѣть, а такъ какъ онѣ дѣйствительно есть, безъ всякихъ узоровъ и побрякушекъ, затемняющихъ ихъ естественный смыслъ; все это, можетъ быть, идеалъ, конечно, и легко можетъ быть, что натура, служившая автору образцомъ, была значительно ниже ростомъ портрета, стоящаго передъ нами, что онъ нѣсколько поднятъ, украшенъ, и что благородный металлъ, существовавшій дѣйствительно въ этомъ характерѣ, очищенъ еще искусствомъ отъ случайной, несвойственной ему примѣси, но это для насъ не важно; а важно то, что характеръ этотъ не выдуманъ, что это истинно русскій, коренной, самородный типъ, и что порода людей такого закала, если-бъ она сохранилась до нашихъ временъ, могла бы намъ оказать услугу неоцѣненную... И это опять заставляетъ насъ повторить вопросъ: куда дѣвались такіе люди? И отчего у насъ нѣтъ ихъ теперь? *Школа ли жизни* была противна природѣ ихъ и медленно, невозвратно переродила и исказила ее?... Или, можетъ быть, *битва жизни* ихъ истребила?... Дѣло возможное, потому что такіе люди не могутъ покорно сложить оружіе и уступить или войти въ постыдную сдѣлку. Они будутъ биться въ первомъ ряду и должны побѣдить или сложить свои головы! Такъ или эдакъ, въ Онѣгиныхъ и Печориныхъ переродился Андрей, или они погибли, не измѣнивъ себѣ, результатъ одинаковъ: мы ихъ потеряли и невозвратно. Поблагодаримъ же автора, что онъ спасъ отъ забвенія, по крайней мѣрѣ, хоть ихъ черты. Они дороги намъ, какъ идеалъ нашей юности, искупляющій въ нашей памяти если не наши грѣхи, то по крайней мѣрѣ грѣхи отцовъ.

Digitized by Google

Вторая часть 1805 года не такъ интересна; но и она необходима для цѣлаго. Въ ней мы видимъ нашихъ отцовъ на полѣ войны, покрытыхъ славою: видимъ тѣхъ же людей, которые семь лѣтъ спустя отстояли родину и оставили намъ навсегда воспоминанія незабвенныя. Разсказъ живой, краски яркія, сцены военнаго быта очерчены тѣмъ же бойкимъ перомъ, которое познакомило насъ съ осадою Севастополя, и дышатъ такою же правдою. Смотръ пѣхоты подъ Брауна, главный штабъ, гусарская стоянка въ мѣстечкѣ Зальценекъ, переправа подъ Энсомъ, австрійскій дворъ въ Брюннѣ и бой подъ Шенграбеномъ,—все это читается весело и легко. Нѣсколько историческихъ лицъ: Макъ, Багратіонъ, Кутузовъ и такіе военные типы старыхъ временъ, какъ типъ гусара Денисова, сообщаютъ разсказу черты исторической правды; остальное довольно общее и могло бы итти къ войнѣ какого угодно времени. Даръ вѣрнаго выбора изъ несчетной массы подробностей только того, что дѣйствительно интересно и что очерчиваетъ событіе съ его типической стороны, принадлежитъ автору въ такой степени, что онъ можетъ смѣло выбрать предметомъ разсказа все, что угодно, хотя бы сюжетъ давно забытой реляціи, и быть увѣреннымъ, что онъ никогда не наскучитъ. Послѣ такихъ мастерскихъ и полныхъ смысла картинъ, какими богата первая часть разсказа, мы бродимъ за нимъ въ цѣлой полкнигѣ по разнымъ штабамъ, стоянкамъ и переправамъ, едва сожалѣя, что сцена перемѣнилась, не успѣвая ни разу соскучиться, и подъ конецъ жалѣемъ только, что нѣтъ продолженія. Мы такъ охотно отбыли бы съ нимъ войну до конца и потомъ возвратились на родину къ старымъ друзьямъ и знакомымъ. Мы повторяемъ: пріемъ разсказа у автора почти безупреченъ. Одно только, что бросается намъ въ глаза всегда одинаково и что дѣйствуетъ нѣсколько утомительно по своему монотонному впечатлѣнію, это вѣчное пятно тѣни, слѣдующее немедленно и всегда само по себѣ, всегда отдѣльно, за всякою свѣтлою стороною изображенія. Это имѣетъ видъ, какъ будто авторъ боится, чтобъ созданныя имъ лица не улетѣли съ земли въ область какого-то отвле-

Digitized by Google

ценнаго идеала, и торопливо привѣшиваетъ имъ гирьки. Намъ кажется, что опасеніе подобнаго рода не основательно и что хорошій кредитъ, которымъ авторъ пользуется у массы читателей, могъ бы избавить его отъ безпокойства разсчитываться на каждомъ шагу мелкою монетою сатиры за всякую искру поэзіи и всякую черточку красоты, появляющіяся въ ея портретахъ.

Дочитавъ до конца и стараясь освободиться отъ пестроты отдѣльныхъ частей разсказа, чтобы дать себѣ ясный отчетъ о впечатлѣніи цѣлаго и о томъ, въ какой мѣрѣ оно соотвѣтствуетъ мысли, его вдохновляющей, мы не находимъ нигдѣ фальшивой ноты. Очеркъ, разумѣется, могъ быть задуманъ иначе, отдѣльныя группы и сцены его могли бы имѣть болѣе стройную связь, если-бъ на первомъ планѣ и въ центрѣ дѣйствія стояло одно значительное историческое лицо: и тогда мы имѣли бы драму или романъ; но въ строгую рамку ихъ не могло бы войти и четвертой доли того богатаго матеріала, который авторъ имѣлъ въ рукахъ, и мы не можемъ ему поставить въ упрекъ, что онъ не рѣшился принести этой жертвы; мы слишкомъ хорошо видимъ, какъ много бы мы потеряли. Не болѣе основателенъ, хотя и возможенъ, упрекъ совершенно другого рода. Мы могли бы пожаловаться, что авторъ, почти исключительно, рисуетъ намъ высшій кругъ и что за тѣсною кучкой графовъ, князей и княгинь, болтающихъ по-французски, мы не видимъ не только народа, но и другихъ слоевъ общества. Въ результатѣ такой исключительности мы могли бы прибавить, что мы видимъ далеко не общую картину эпохи, нѣчто въ родѣ мемуаровъ нашего доморощеннаго Faubourg St. Germain; и въ этомъ есть доля правды; но надо быть несправедливымъ вполнѣ. Надо понять, что выборъ актеровъ и круга дѣйствія не зависѣлъ отъ личнаго вкуса автора или сословныхъ его симпатій, что онъ былъ естественно ограниченъ случайнымъ запасомъ данныхъ разсказовъ, воспоминаній, писемъ, сгруппированныхъ вокругъ какой-нибудь семейной хроники или частнаго дневника, уцѣлѣвшихъ, къ нашему счастію, въ теченіе полувѣка, и что безъ этой

Digitized by Google

почвы воображеніе самого Шекспира не могло бы создать такого отчетливаго и вѣрнаго очерка. Къ этому надо прибавить еще и то, что процессъ историческаго движенія всегда ощутительнѣе въ высшихъ слояхъ. Чѣмъ ниже мы спустимся по общественной лѣстницѣ, тѣмъ менѣе разницы мы найдемъ между людьми нашего времени и ихъ дѣдами или прадѣдами. Бываютъ, конечно, и исключенія... Бываетъ, что общество, какъ растеніе, начнетъ сохнуть, и тогда жизнь прежде всего покидаетъ его верхушку; но мы говоримъ не о мертвыхъ, а о живыхъ.

Въ заключеніе повторимъ, что авторъ намъ оказалъ большую услугу. Онъ воскресилъ передъ нами нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Мы видимъ ихъ передъ собою, въ его разсказѣ, живыхъ, молодыхъ, полныхъ здоровья и силы; видимъ ихъ въ обществѣ и у домашняго очага, въ сельской тиши и вихрѣ столичной жизни, въ мирѣ и на войнѣ; видимъ и всматриваемся съ тѣмъ теплымъ чувствомъ сыновней любви и сердечнаго любопытства, съ какимъ мы впились бы глазами въ случайно отыскапный у кого-нибудь изъ родныхъ портретъ нашей матери или отца въ полномъ цвѣтѣ молодого возраста. Мы ихъ не видали никогда такими или не помнимъ, по крайней мѣрѣ. Мы ихъ привыкли видѣть въ болѣзни и старости, страдающими, сморщенными, усталыми, схоронившими старыхъ друзей и юношескія привязанности; но, мы думаемъ, не всегда же они были такими; были же и они когда-нибудь молоды и здоровы, влюблялись, шалили, кутили и пировали, сражались и философствовали, было время, когда и они вступали въ жизнь съ развернутыми знаменами молодой надежды и при звукахъ побѣдной музыки... Сбылись ли эти надежды? Одержана ли побѣда? Рѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ не намъ, а будущему историку нашего времени: мы же здѣсь можемъ только сказать, что многое нами пріобрѣтено съ тѣхъ поръ, о чемъ наши предки шестьдесятъ лѣтъ назадъ и вовсе не гадали; но многое и утрачено. Утрачены: простота души, пылкія вѣрованія молодости и мирное отношеніе къ жизни. Пріобрѣло общество въ будущемъ: потеряли мы переход-

Digitized by Google

ыя звенья его и потеряли свое настоящее. Мы не реальные люди, какъ наши отцы и дѣды. Мы живемъ сердцемъ и мыслями не въ томъ домѣ, гдѣ родились и кровля котораго возвышается надъ нашею головою, а въ томъ другомъ, который будетъ построенъ на мѣстѣ его, но котораго нѣтъ и для котораго до сихъ поръ одни только кирпичи приготовляются.

Николай Ахшарумовъ.

1868 г.

„Война и Миръ“.

Нѣсколько словъ по поводу книги: „Война и Миръ“ *).

Печатая сочиненіе, на которое положено мною пять лѣтъ непрестаннаго и исключительнаго труда, при наилучшихъ условіяхъ жизни, мнѣ хотѣлось въ предисловіи къ этому сочиненію изложить мой взглядъ на него и тѣмъ предуредить тѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть въ читателяхъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы читатели не видѣли и не скали въ моей книгѣ того, чего я не хотѣлъ или не умѣлъ ыразить, и обратили бы вниманіе на то именно, что я отѣлъ выразить, но на чемъ (по условіямъ произведенія) е считалъ удобнымъ останавливаться. Ни время, ни мое нѣнье не позволили мнѣ сдѣлать вполнѣ того, что я былъ мѣренъ, и я пользуюсь гостепріимствомъ спеціальнаго рнала для того, чтобы хотя не полно и кратко, для тѣхъ тателей, которыхъ это можетъ интересовать, изложить глядъ автора на свое произведеніе.

1) Что такое „Война и Миръ?“ Это не романъ, еще менѣе эма, еще менѣе историческая хроника. „Война и Миръ“ есть , что хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той формѣ, въ горой оно выразилось. Такое заявленіе о пренебреженіи тора къ условнымъ формамъ прозаическаго художественго произведенія могло бы показаться самонадѣянностью,

*) „Русскій Архивъ“ 1868 г., выпускъ 3-й, страница 515. Статья Л. Н. стого.

Digitized by Google

ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имѣло примѣровъ. Исторія русской литературы со времени Пушкина не только представляетъ много примѣровъ такого отступленія отъ европейской формы, но не даетъ даже ни одного примѣра противнаго. Начиная отъ Мертвыхъ Душъ Гоголя и до Мертваго Дома Достоевскаго въ новомъ періодѣ русской литературы, нѣтъ ни одного художественнаго прозаическаго произведенія, немного выходящаго изъ посредственности, которое бы вполнѣ укладывалось въ форму романа, поэмы или повѣсти.

2) Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, недостаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находитъ въ моемъ романѣ,— это ужасы крѣпостного права, закладыванье женъ въ стѣны, сѣченье взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п., и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи—я не считаю вѣрнымъ, и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ бо́льшей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь, или когда-либо. Въ тѣ времена такъ же любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями; та же была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то только оттого, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстяхъ и романахъ до насъ наиболѣе доходили выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ тогс времени было буйство, такъ же несправедливо, какъ несправедливо заключилъ бы человѣкъ, изъ-за горы видящій однѣ макушки деревъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ бо́льшей отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ

Digitized by Google

привычки употреблять французскій языкъ и т. п. И этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить.

3) Употребленіе французскаго языка въ русскомъ сочиненіи. Для чего въ моемъ сочиненіи говорятъ не только русскіе, но и французы, частью по-русски, частью по-французски? Упрекъ въ томъ, что лица говорятъ и пишутъ по-французски въ русской книгѣ, подобенъ тому упреку, который бы сдѣлалъ человѣкъ, глядя на картину и замѣтивъ въ ней черныя пятна (тѣни), которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности. Живописецъ не виненъ въ томъ, что нѣкоторымъ тѣнь, сдѣланная имъ на лицѣ картины, представляется чернымъ пятномъ, котораго не бываетъ въ дѣйствительности; но живописецъ виненъ только въ томъ, ежели тѣни эти положены невѣрно и грубо. Занимаясь эпохой начала нынѣшняго вѣка, изображая лица русскія извѣстнаго общества и Наполеона и французовъ, имѣвшихъ такое прямое участіе въ жизни того времени, я невольно увлекся формой выраженія того французскаго склада мысли, больше, чѣмъ это было нужно. И потому, не отрицая того, что положенныя мною тѣни вѣроятно невѣрны и грубы, я желалъ бы только, чтобы тѣ, которымъ покажется очень смѣшно, какъ Наполеонъ говоритъ то по-русски, то по-французски, знали бы, что это имъ кажется только оттого, что они, какъ человѣкъ, смотрящій на портретъ, видятъ не лицо съ свѣтомъ и тѣнями, а черное пятно подъ носомъ.

4) Имена дѣйствующихъ лицъ, Болконскій, Друбецкой, Билибинъ, Курагинъ и др., напоминаютъ извѣстныя русскія имена. Сопоставляя дѣйствующія неисторическія лица съ другими историческими лицами, я чувствовалъ неловкость для уха заставлять говорить графа Ростопчина съ кн. Пронскимъ, съ Стрѣльскимъ или съ какими-нибудь другими князьями или графами, вымышленной, двойной или одинокой фамиліи. Болконскій или Друбецкой, хотя не суть ни Волконскій ни Трубецкой, звучатъ чѣмъ-то знакомымъ и естественнымъ въ русскомъ аристократическомъ кругу. Я не умѣлъ придумать для всѣхъ лицъ именъ, которыя мнѣ показались бы не фальшивыми для уха, какъ Безухій и

Digitized by Google

Ростовъ, и не умѣлъ обойти эту трудность иначе, как взявъ наудачу самыя знакомыя русскому уху фамиліи перемѣнивъ въ нихъ нѣкоторыя буквы. Я бы очень сожалѣлъ, ежели бы сходство вымышленныхъ именъ съ дѣйствительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотѣлъ описать то или другое дѣйствительное лицо; въ особенности потому, что та литературная дѣятельность, которая состоитъ въ описаніи дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ лицъ, не имѣетъ ничего общаго съ тою которою я занимался.

М. Д. Ахросимова и Денисовъ, вотъ исключительно лица которымъ невольно и необдуманно я далъ имена близко подходящія къ двумъ особенно характернымъ и милымъ дѣйствительнымъ лицамъ тогдашняго общества. Это была моя ошибка, вытекшая изъ особенной характерности этихъ двухъ лицъ, но ошибка моя въ этомъ отношеніи ограничилась одною постановкою этихъ двухъ лицъ; и читатели, вѣроятно, согласятся, что ничего похожаго съ дѣйствительностью не происходило съ этими лицами. Всѣ же остальныя лица совершенно вымышленныя и не имѣютъ даже для меня опредѣленныхъ первообразовъ въ преданіи или дѣйствительности.

5) Разногласіе мое въ описаніи историческихъ событій съ разсказами историковъ. Оно не случайное, а неизбѣжное. Историкъ и художникъ, описывая историческую эпоху, имѣютъ два совершенно различные предмета. Какъ историкъ будетъ неправъ, ежели онъ будетъ пытаться представить историческое лицо во всей его цѣльности, во всей сложности отношеній ко всѣмъ сторонамъ жизни, такъ и художникъ не исполнитъ своего дѣла, представляя лицо всегда въ его значеніи историческомъ. Кутузовъ не всегда съ зрительной трубкой, указывая на враговъ, ѣхалъ на бѣлой лошади. Ростопчинъ не всегда съ факеломъ зажигалъ Вороновскій домъ (онъ даже никогда этого не дѣлалъ), и императрица Марія Ѳеодоровна не всегда стояла въ горностаевой мантіи, опершись рукой на своды законовъ; а такими ихъ представляетъ себѣ народное воображеніе.

Digitized by Google

Для историка, въ смыслѣ содѣйствія, оказаннаго лицомъ какой-нибудь одной цѣли, есть герои; для художника, въ смыслѣ соотвѣтственности этого лица всѣмъ сторонамъ жизни, не можетъ и не должно быть героевъ, а должны быть люди.

Историкъ обязанъ иногда, пригибая истину, подводить всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лицо. Художникъ, напротивъ, въ самой одиночности этой идеи видитъ несообразность съ своей задачей, и старается только понять и показать не извѣстнаго дѣятеля, а человѣка.

Въ описаніи самыхъ событій различіе еще рѣзче и существеннѣе. Историкъ имѣетъ дѣло до результатовъ событія, художникъ до самаго факта событія. Историкъ, описывая сраженіе, говоритъ: лѣвый флангъ такого-то войска былъ двинутъ противъ деревни такой-то, сбилъ непріятеля, но принужденъ былъ отступить; тогда пущенная въ атаку кавалерія опрокинула и т. д. Историкъ не можетъ говорить иначе. А между тѣмъ для художника слова эти не имѣютъ никакого смысла, и даже не затрогиваютъ самаго событія. Художникъ, изъ своей ли опытности или по письмамъ, запискамъ и разсказамъ выводитъ свое представленіе о совершившемся событіи, и весьма часто (въ примѣрѣ сраженія) выводъ о дѣятельности такихъ-то и такихъ-то войскъ, который позволяетъ себѣ дѣлать историкъ, оказывается противоположнымъ выводу художника. Различіе добытыхъ результатовъ объясняется и тѣми источниками, изъ которыхъ и тотъ и другой черпаютъ свои свѣдѣнія. Для историка (продолжаемъ примѣръ сраженія) главный источникъ есть донесеніе частныхъ начальниковъ и главнокомандующаго. Художникъ изъ такихъ источниковъ ничего почерпнуть не можетъ, они для него ничего не говорятъ, ничего не объясняютъ. Мало того, художникъ отворачивается отъ нихъ, находя въ нихъ необходимую ложь. Нечего говорить уже о томъ, что при каждомъ сраженіи оба непріятеля почти всегда описываютъ сраженіе совершенно противоположно одинъ другому; въ каждомъ описаніи сраженія есть необходимость лжи, вытекающая изъ потребности въ нѣсколькихъ

Digitized by Google

словахъ описывать дѣйствія тысячей людей, раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, находящихся въ самомъ сильномъ нравственномъ раздраженіи, подъ вліяніемъ страха, позора и смерти.

Въ описаніяхъ сраженій пишется обыкновенно, что такіе-то войска были направлены въ атаку на такой-то пунктъ, и потомъ велѣно отступать, и т. д., какъ бы предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряетъ десятки тысячъ людей волѣ одного на плацу, будетъ имѣть то же дѣйствіе тамъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни и смерти. Всякій, кто былъ на войнѣ, знаетъ, насколько это несправедливо *); а между тѣмъ на этомъ предположеніи основаны реляціи, и на нихъ военныя описанія.

Объѣздите всѣ войска тотчасъ послѣ сраженія, даже на другой, третій день, до тѣхъ поръ, пока не написаны реляціи, и спрашивайте у всѣхъ солдатъ, у старшихъ и низшихъ начальниковъ о томъ, какъ было дѣло; вамъ будутъ разсказывать то, что испытали и видѣли всѣ эти люди, и въ васъ образуется величественное, сложное, до безконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатлѣніе, и ни отъ кого, еще менѣе отъ главнокомандующаго, вы не узнаете, какъ было все дѣло. Но черезъ два-три дня начинаютъ подавать реляціи, говоруны начинаютъ разсказывать, какъ было все то, чего они не видали; наконецъ составляется общее донесеніе, и по этому донесенію составляется общее мнѣніе арміи. Каждому облегчительно промѣнять свои сомнѣнія и вопросы на это ложное, но ясное и всегда лестное представленіе. Черезъ мѣсяцъ и два распрашивайте человѣка, участвовавшаго въ сраженіи,—уже вы не чувствуете въ его разсказѣ того сырого жизненнаго матеріала, который былъ прежде, а онъ разсказываетъ по реляціи. Такъ раз-

*) Послѣ напечатанія моей первой части и описанія Шенграбенскаго сраженія, мнѣ были переданы слова Николая Николаевича Муравьева-Карскаго объ этомъ описаніи сраженія, слова, подтвердившія мнѣ мое убѣжденіе. Ник. Ник. Муравьевъ, главнокомандующій, отозвался, что онъ никогда не читалъ болѣе вѣрнаго описанія сраженія и что онъ своимъ опытомъ убѣдился въ томъ, какъ невозможно исполненіе распоряженія главнокомандующаго во время сраженія.

Digitized by Google

сказывали мнѣ про Бородинское сраженіе многіе живые, умные участники этого дѣла. Всѣ разсказывали одно и то же, и всѣ по невѣрному описанію Михайловскаго-Данилевскаго, по Глинкѣ и др.; даже подробности, которыя разсказывали они, несмотря на то, что разсказчики находились на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга—однѣ и тѣ же.

Послѣ потери Севастополя, начальникъ артиллеріи Крыжановскій прислалъ мнѣ донесенія артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастіоновъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе чѣмъ 20-ти донесеній — одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучшій образецъ той наивной, необходимой, военной лжи, изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многіе изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они по приказанію начальства писали то, чего не могли знать. Всѣ, испытавшіе войну, знаютъ, какъ способны русскіе дѣлать свое дѣло на войнѣ и какъ мало способны къ тому, чтобы его описывать съ необходимой въ этомъ дѣлѣ хвастливой ложью. Всѣ знаютъ, что въ нашихъ арміяхъ должность эту— составленія реляцій и донесеній исполняютъ большей частью наши инородцы.

Все это я говорю къ тому, чтобы показать неизбѣжность лжи въ военныхъ описаніяхъ, служащихъ матеріаломъ для военныхъ историковъ, и потому показать неизбѣжность частыхъ несогласій художника съ историкомъ въ пониманіи историческихъ событій. Но кромѣ неизбѣжности неправды въ изложеніи историческихъ событій, у историковъ той эпохи, которая занимала меня, я встрѣчалъ (вѣроятно вслѣдствіе привычки группировать событія, выражать ихъ кратко и соображаться съ трагическимъ тономъ событій) особенный складъ выспренней рѣчи, въ которой часто ложь и извращенія переходятъ не только на событія, но и на пониманіе значенія событія. Часто, изучая два главныя историческія произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги. Не

Digitized by Google

говоря уже объ изложеніи однихъ и тѣхъ же событій самымъ серьезнымъ, значительнымъ тономъ, съ ссылками на матеріалы, и діаметрально-противуположно одинъ другому я встрѣчалъ въ этихъ историкахъ такія описанія, что не знаешь, смѣяться ли или плакать, когда вспомнишь, что обѣ эти книги единственные памятники той эпохи и имѣютъ милліоны читателей. Приведу только одинъ примѣръ изъ книги знаменитаго историка Тьера. Разсказавъ, какъ Наполеонъ привезъ съ собой фальшивыхъ ассигнацій, онъ говоритъ: „Relevant l'emploi de ces moyens par un acte de bienfaisance *digne de lui et de l'armée française*, il fit distribuer des secours aux incendiés. Mais les vivres étant trop précieux pour être donnés longtemps à des étrangers, la plupart ennemis, Napoléon aima mieux leur fournir de l'argent, et il leur fit distribuer des roubles papier". („Возмѣщая употребленіе этихъ средствъ дѣломъ благотворительности, достойнымъ его и французской арміи, онъ приказалъ оказывать пособіе погорѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были слишкомъ дороги, и не представлялось долѣе возможности снабжать ими людей чужихъ, и по большей части непріязненныхъ, то Наполеонъ предпочелъ одѣлять ихъ деньгами, и для того были имъ выдаваемы бумажные рубли").

Это мѣсто поражаетъ отдѣльно своей оглушающей, нельзя сказать безнравственностью, но просто безсмысленностью; но во всей книгѣ оно не поражаетъ, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общему выспреннему и неимѣющему никакого прямого смысла тону рѣчи.

Итакъ, задача художника и историка совершенно различна, и разногласіе съ историкомъ въ описаніи событій и лицъ въ моей книгѣ — не должно поражать читателя. Но художникъ не долженъ забывать, что представленіе объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, составившееся въ народѣ основано не на фантазіи, а на историческихъ документахъ, насколько могли ихъ сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и событія,

Digitized by Google

художникъ долженъ руководствоваться, какъ и историкъ, историческими матеріалами.

Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая библіотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которыя всегда могу сослаться.

6) Наконецъ шестое и важнѣйшее для меня соображеніе касается того малаго значенія, которое, по моимъ понятіямъ, имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ.

Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событій и столь близкую къ намъ, о которой живо столько разнороднѣйшихъ преданій, я пришелъ къ очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся историческихъ событій.

Сказать (что кажется всѣмъ весьма простымъ), что причины событій 12-го года состоятъ въ завоевательномъ духѣ Наполеона и въ патріотической твердости императора Александра Павловича, такъ же безсмысленно, какъ сказать, что причины паденія римской имперіи заключаются въ томъ, что такой-то варваръ повелъ свои народы на западъ, а такой-то римскій императоръ дурно управлялъ государствомъ, или что огромная, срываемая гора упала оттого, что послѣдній работникъ ударилъ лопатой.

Такое событіе, гдѣ милліоны людей убивали другъ друга и убили половину милліона, не можетъ имѣть причиной волю одного человѣка: какъ одинъ человѣкъ не могъ одинъ подкопать гору, такъ не можетъ одинъ человѣкъ заставить умирать 500 тысячъ. Но какія же причины? Одни историки говорятъ, что причиной былъ завоевательный духъ французовъ, патріотизмъ Россіи. Другіе говорятъ о демократическомъ элементѣ, который разносили полчища Наполеона и о необходимости Россіи вступить въ связь съ Европою и т. п. Но какъ же милліоны людей стали убивать другъ друга, кто это велѣлъ имъ? Кажется, ясно для каждаго,

Digitized by Google

что отъ этого никому не могло быть лучше, а всѣмъ хуже; зачѣмъ же они это дѣлали? Можно сдѣлать и дѣлаютъ безчисленное количество ретроспективныхъ умозаключеній о причинахъ этого безсмысленнаго событія; но огромное количество этихъ объясненій и совпаденій всѣхъ ихъ къ одной цѣли только доказываетъ то, что причинъ этихъ безчисленное множество, и что ни одну изъ нихъ нельзя назвать причиной. Зачѣмъ милліоны людей убивали другъ друга, тогда какъ съ сотворенія міра извѣстно, что это и физически и нравственно дурно? Затѣмъ, что это такъ неизбѣжно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тотъ стихійный, зоологическій законъ, который исполняютъ пчелы, истребляя другъ друга къ осени, по которому самцы животныхъ истребляютъ другъ друга. Другого отвѣта нельзя дать на этотъ страшный вопросъ. Это истина не только очевидна, но такъ прирожденна каждому человѣку, что ее не стоило бы доказывать, ежели бы не было другого чувства и сознанія въ человѣкѣ, которое убѣждаетъ его, что онъ свободенъ во всякій моментъ, когда онъ совершаетъ какое-нибудь дѣйствіе.

Разсматривая исторію съ общей точки зрѣнія, мы несомнѣнно убѣждены въ предвѣчномъ законѣ, по которому совершаются событія. Глядя съ точки зрѣнія личной, мы убѣждены въ противномъ. Человѣкъ, который убиваетъ другого, Наполеонъ, который отдаетъ приказаніе къ переходу черезъ Нѣманъ, вы и я, подавая прошеніе объ опредѣленіи на службу, поднимая и опуская руку, мы всѣ несомнѣнно убѣждены, что каждый поступокъ нашъ имѣетъ основаніемъ разумныя причины и нашъ произволъ, и что отъ насъ зависѣло поступить такъ или иначе, и это убѣжденіе до такой степени присуще и дорого каждому изъ насъ, что, несмотря на доводы исторіи и статистики преступленій (убѣждающіе насъ въ непроизвольности дѣйствій другихъ людей), мы распространимъ сознаніе нашей свободы на всѣ наши поступки.

Противорѣчіе кажется неразрѣшимымъ. Совершая поступокъ, я убѣжденъ, что я совершаю его по своему произ-

Digitized by Google

волу; разсматривая этотъ поступокъ въ смыслѣ его участія въ общей жизни человѣчества (въ его историческомъ значеніи), я убѣждаюсь, что поступокъ этотъ былъ предопредѣленъ и неизбѣженъ. Въ чемъ заключается ошибка. Психологическія наблюденія о способности человѣка ретроспективно поддѣлывать мгновенно подъ совершившійся фактъ цѣлый рядъ мнимо-свободныхъ умозаключеній (это я намѣренъ изложить въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно) подтверждаютъ предположеніе о томъ, что сознаніе свободы человѣка, при совершеніи извѣстнаго рода поступковъ, ошибочно. Но тѣ же психологическія наблюденія доказываютъ, что есть другой рядъ поступковъ, въ которыхъ сознаніе свободы не ретроспективно, а мгновенно и несомнѣнно. Я несомнѣнно могу, что бы ни говорили матеріалисты, совершить дѣйствіе или воздержаться отъ него, какъ скоро дѣйствіе это касается одного меня. Я несомнѣнно, по одной моей волѣ, сейчасъ поднялъ и опустилъ руку. Я сейчасъ могу перестать писать. Вы сейчасъ можете перестать читать. Несомнѣнно по одной моей волѣ и внѣ всѣхъ препятствій, я сейчасъ мыслью перенесся въ Америку или къ любому математическому вопросу. Я могу, испытывая свою свободу, поднять и съ силой опустить свою руку въ воздухѣ. Я сдѣлалъ это. Но подлѣ меня стоитъ ребенокъ, я поднимаю надъ нимъ руку и съ той же силой хочу опустить на ребенка. Я *не могу* этого сдѣлать. На этого ребенка бросается собака, *я не могу* не поднять руку на собаку. Я стою во фронтѣ, и не могу не слѣдовать, за движеніями полка. Я не могу въ сраженіи не итти съ своимъ полкомъ въ атаку и не бѣжать, когда всѣ бѣгутъ вокругъ меня. Я не могу, когда я стою на судѣ защитникомъ обвиняемаго, перестать говорить или знать то, что я буду говорить. Я не могу не мигнуть глазомъ противъ направленнаго въ глазъ удара.

Итакъ есть два рода поступковъ. Одни зависящіе, другіе не зависящіе отъ моей воли. И ошибка, производящая противорѣчіе, происходитъ только оттого, что сознаніе свободы (законно сопутствующее до моего *я*, до самой высшей отвле-

Digitized by Google

ченности моего существованія) я неправильно переношу на мои поступки, совершаемые въ совокупности съ другими людьми и зависящіе отъ совпаденія другихъ произволовъ съ моимъ. Опредѣлить границу области свободы и зависимости весьма трудно, и опредѣленіе этой границы составляетъ существенную и единственную задачу психологіи; но, наблюдая за условіями проявленія нашей наибольшей свободы и наибольшей зависимости, нельзя не видѣть, что чѣмъ отвлеченнѣе и потому чѣмъ менѣе наша дѣятельность связана съ дѣятельностями другихъ людей, тѣмъ она свободнѣе; и наоборотъ, чѣмъ больше дѣятельность наша связана съ другими людьми, тѣмъ она несвободнѣе.

Самая сильная, неразрываемая, тяжелая и постоянная связь съ другими людьми, есть такъ называемая власть надъ другими людьми, которая въ своемъ истинномъ значеніи есть только наибольшая зависимость отъ нихъ. Ошибочно или нѣтъ, но вполнѣ убѣдившись въ этомъ въ продолженіе моей работы, я естественно, описывая историческія событія 1805, 1807 и особенно 1812 года, въ которомъ наиболѣе выпукло выступаетъ этотъ законъ предопредѣленія *), я не могъ приписывать значенія дѣламъ тѣхъ людей, которымъ казалось, что они управляютъ событіями, но которые менѣе всѣхъ другихъ участниковъ событій вносили въ нихъ свободную человѣческую дѣятельность. Дѣятельность этихъ людей была занимательна для меня только въ смыслѣ иллюстраціи того закона предопредѣленія, который, по моему убѣжденію, управляетъ исторіею, и того психологическаго закона, который заставляетъ человѣка, исполняющаго самый несвободный поступокъ, поддѣлывать въ своемъ воображеніи цѣлый рядъ ретроспективныхъ умозаключеній, имѣющихъ цѣлью доказать ему самому его свободу.

Графъ Левъ Толстой.

* * *

*) Достойно замѣчанія, что почти всѣ писатели, писавшіе о 12-мъ годѣ, видѣли въ этомъ событіи что-то особенное и роковое.

Digitized by Google

*) Даровитый художникъ рѣдко соединяется въ одномъ лицѣ съ хорошимъ критикомъ; менѣе же всего можетъ художникъ быть судьею своихъ собственныхъ произведеній. Художникъ долженъ творить невольно, по внутренней потребности къ творчеству: если же онъ оглядывается на значеніе своей дѣятельности, если старается критическимъ анализомъ опредѣлить и объяснить свое призваніе, то это вѣрнѣйшій признакъ, что онъ затемнитъ свое значеніе и отклонится отъ своего призванія. Примѣръ Гоголя болѣзненно живетъ еще и теперь въ нашей памяти; съ тѣхъ поръ, какъ онъ вообразилъ себя глашатаемъ великихъ истинъ и сталъ критически относиться къ созданіямъ своего творчества, талантъ его былъ потерянъ для русской литературы. Не простая придирчивость, а искреннее, глубокое уваженіе къ замѣчательному таланту графа Л. Н. Толстого заставляетъ насъ предостеречь его отъ подобной же ошибки. Четвертый томъ его сочиненія уже переполненъ разными тенденціозными сужденіями, слишкомъ рѣзко чередующимися съ плѣнительными страницами художественнаго объективнаго творчества. Въ третьемъ выпускѣ „Русскаго Архива“ авторъ счелъ нужнымъ помѣстить нѣсколько объяснительныхъ словъ по поводу критическихъ замѣчаній, вызванныхъ его сочиненіемъ. Прежде всего, графъ Толстой возражаетъ противъ той несоразмѣрности, которая была замѣчена въ его книгѣ между исторической ея частью и собственно романической фабулой. „Что такое „Война и Миръ?“ — спрашиваетъ авторъ. Это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника. „Война и Миръ“ есть то, что хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той формѣ, въ которой оно выразилось“. Выраженія совершенно неопредѣленныя, и изъ нихъ нельзя сдѣлать никакого яснаго вывода о формѣ, которую избралъ для своего сочиненія графъ Толстой, и о художественной задачѣ, которую онъ себѣ поставилъ. Очевидно, что обыкновенно признаваемые роды и виды поэтическихъ произведеній онъ считаетъ жалкою рутиною и для истинно худо-

*) „Голосъ“ 1868 г., № 105. „Библіографія и журналистика („Русскій Архивъ“, вып. 3-й).

Digitized by Google

жественнаго литературнаго произведенія не признаетъ надобности ни въ какой опредѣленной формѣ. Съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ рѣшаетъ авторъ, что со времени Пушкина и Гоголя и до „Мертваго дома" Достоевскаго, „въ новомъ періодѣ русской литературы нѣтъ *ни одного* художественнаго прозаическаго произведенія, немного выходящаго изъ посредственности, которое бы вполнѣ укладывалось въ форму романа, поэмы или повѣсти". Этотъ до странности смѣлый приговоръ поражаетъ кроющимся въ немъ полнымъ незнаніемъ исторіи русской словесности. Однимъ почеркомъ пера авторъ отнимаетъ у сочиненій Гончарова, Тургенева, Писемскаго и нѣкоторыхъ другихъ всѣми признанное за ними значеніе истинно художественныхъ произведеній, выводящее ихъ изъ ряда посредственности. Изъ возраженій автора видно, что онъ не понялъ упрека, который ему дѣлаютъ. Не въ томъ бѣда, что онъ не сосредоточилъ всего интереса книги на одной ея романической интригѣ, а задумалъ представить картину русскаго общества за первую четверть нашего столѣтія; напротивъ, именно этимъ сочиненіе графа Толстого и возвышается надъ другими словесными произведеніями послѣдняго времени. Что пользы въ этихъ эфемерныхъ вымыслахъ праздной фантазіи, на минуту раздражающихъ воображеніе, но нисколько не затрогивающихъ эстетическаго чувства человѣка и оставляющихъ пустоту въ его умѣ и сердцѣ? Романъ непремѣнно долженъ быть или правописательнымъ, или историческимъ, то-есть, онъ долженъ изображать или современное намъ общество, или общество извѣстной исторической эпохи. Ошибка графа Толстого заключается въ томъ, что онъ слишкомъ много мѣста въ своей книгѣ далъ описанію дѣйствительныхъ историческихъ событій и характеристикѣ дѣйствительныхъ историческихъ личностей. Отъ этого нарушилось художественное равновѣсіе въ планѣ сочиненія, утратилось связующее его единство и пострадало самое изображеніе общества александровской эпохи, изображеніе, которое составляло главную задачу автора. Полнаго историческаго изображенія эпохи онъ не могъ вмѣстить въ

Digitized by Google

рамки своего сочиненія, да это и не входило въ его намѣренія, и отрывочность историческихъ (исключительно историческихъ) картинокъ, къ которымъ искусственно притягивалось все вниманіе читателя, лишила и общую характеристику тогдашняго общества желаемой полноты и цѣльности. Историческая эпоха тѣмъ вѣрнѣе отражается въ томъ или другомъ литературномъ произведеніи (особенно въ повѣствовательномъ родѣ), чѣмъ менѣе авторъ его хочетъ быть историкомъ. Пускай въ романѣ дѣйствуютъ одни только вымышленныя лица, но пускай дѣйствуютъ они въ духѣ эпохи и среди обстоятельствъ, ею порожденныхъ, — этого будетъ довольно. Потому-то эпоха, къ которой отнесено дѣйствіе повѣсти „Капитанская дочка" въ общемъ ея очеркѣ, болѣе вѣрна *исторически*, чѣмъ эпоха, изображаемая въ сочиненіи „Война и Миръ", хотя собственно *историческаго* въ книгѣ графа Толстого и гораздо больше, чѣмъ въ повѣсти Пушкина.

Странныя недоразумѣнія останавливаютъ иногда автора книги „Война и Миръ". Желая воспроизвести въ изображаемой эпохѣ и ту черту, что наше высшее общество пристрастно было тогда къ употребленію французскаго языка, авторъ наполняетъ цѣлыя страницы своего сочиненія французскою рѣчью. За это сдѣланъ былъ ему со стороны критики совершенно заслуженный упрекъ. Онъ теперь возражаетъ на него и говоритъ, что „тѣ, которымъ кажется смѣшно, что Наполеонъ говоритъ (въ книгѣ Толстого) то по-русски, то по-французски, видятъ, какъ человѣкъ, смотрящій на портретъ, не лицо со свѣтомъ и тѣнями, а черное пятно подъ носомъ". Оставляя въ сторонѣ чрезвычайную неопредѣленность этого сравненія, замѣтимъ автору, что въ книгѣ его страннымъ кажется не это употребленіе французскихъ фразъ вмѣстѣ съ русскими, а чрезмѣрное, сплошное наполненіе французскою рѣчью цѣлыхъ десятковъ страницъ сряду. Для того, чтобы показать, что Наполеонъ, или какое-либо другое лицо говоритъ по-французски, достаточно было бы одну первую его фразу написать по-французски, а остальныя по-русски, исключая какихъ-либо двухъ-трехъ,

Digitized by Google

особенно характеристическихъ оборотовъ, и мы безъ труда догадались бы, что вся тирада произнесена на французскомъ языкѣ. Точно также и о письмахъ Юліи и другихъ лицъ стоило бы только сказать, что они написаны были по-французски, да употребить въ текстѣ ихъ двѣ-три французскія фразы, и мы не подумали бы усомниться, что эти письма дѣйствительно писаны по-французски. Это пріемъ старый, простой, но единственно вѣрный и удобный.

Въ другое время мы скажемъ, въ какой мѣрѣ полно и вѣрно изображено авторомъ общество первой четверти нашего столѣтія, а теперь обратимся къ иному порядку идей графа Толстого. Въ объясненіи, помѣщенномъ въ третьей тетради „Русскаго Архива", авторъ снова, и въ выраженіяхъ еще болѣе рѣзкихъ, чѣмъ въ четвертомъ томѣ своей книги, старается доказать тщету и ничтожество историческихъ изысканій. Совершенно справедливо, что по однѣмъ реляціямъ нельзя составить вѣрнаго описанія битвы, какъ по дипломатическимъ актамъ одной какой-нибудь державы нельзя дать вѣрное повѣствованіе о какой-либо эпохѣ; но это одно только и справедливо въ историческихъ разсужденіяхъ автора, хотя и тутъ можно ему замѣтить, что историкъ, понимающій и уважающій свое дѣло, не довольствуется реляціями и дипломатическими актами одной стороны, а беретъ документы, насколько они ему доступны, со всѣхъ сторонъ, при чемъ особенно дорожитъ воспоминаніями и записками современниковъ и очевидцевъ. Остальное въ сужденіяхъ автора поражаетъ своимъ, поистинѣ, дѣтски-наивнымъ воззрѣніемъ на задачи художника и историка. По мнѣнію графа Толстого, не художникъ, а историкъ видитъ въ исторіи героевъ; историкъ, „пригибая истину", подводитъ всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, тогда какъ художникъ въ самой единичности этой идеи видитъ несообразность; историкъ по необходимости извращаетъ истину, историкъ сочиняетъ, натягиваетъ событія; исторія есть ложь, неправда, и пр. и пр. Мы не станемъ доказывать автору, что историкъ говоритъ неправду или сознательно—и тогда онъ недобросовѣстенъ, или невольно—и тогда это значитъ, что

Digitized by Google

ему не были доступны всѣ источники, относящіяся до извѣстной эпохи, или что онъ ошибался насчетъ сущности того или другого событія; не станемъ доказывать, что подобнымъ образомъ ошибиться очень можетъ и художникъ; что и историку и художнику одинаково свойственно смотрѣть на историческія лица и дѣйствія подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія; что неизбѣжная ложь въ описаніи ближайшихъ къ нашему времени событій зависитъ не отъ процесса исторической работы, а часто оттого, что исторические документы, могущіе пролить истинный свѣтъ на эти событія, составляютъ недоступную изслѣдователямъ государственную тайну, а для частныхъ записокъ и мемуаровъ не допускается гласность, такъ что, напримѣръ, самое сочиненіе графа Толстого, по всей вѣроятности, не могло бы быть напечатано нѣсколько лѣтъ назадъ; не будемъ пускаться въ подробное объясненіе разницы между прозаическою (историческою, дѣйствительною) правдой и правдою поэтическою. Все это завело бы насъ слишкомъ далеко, да, притомъ, все это составляетъ азбуку литературнаго дѣла. Обратимся къ главному положенію автора — къ историческому фатализму.

Въ нынѣшнемъ своемъ объясненіи графъ Толстой, снова утверждая, что великія историческія событія не имѣютъ и не могутъ имѣть ближайшихъ существенныхъ причинъ, повторяетъ, что единичная воля безсильна для направленія тысячъ и милліоновъ людей на завоевательную войну; что вообще такъ называемые великіе люди имѣютъ самое ничтожное значеніе въ исторіи и что такъ-называемая власть надъ другими людьми въ своемъ истинномъ значеніи есть только наибольшая отъ нихъ зависимость. Въ числѣ причинъ, которыя могли бы, независимо отъ причинъ, подыскиваемыхъ историками, не довести до войны 1812 года, авторъ, съ своей стороны, указываетъ на двѣ другія: если-бъ французскіе капралы отказались пойти во вторичную службу и если-бъ въ Россіи не было самодержавной власти. Все „если бы", „если бы".

Не допуская никакихъ *почему* и *для чего* въ объясненіе великихъ историческихъ событій, утверждая, что они со-

Digitized by Google

вершаются по стихійному, зоологическому закону, по предопредѣленію, смыслъ котораго неуловимъ, авторъ раздѣляетъ всѣ дѣйствія человѣка на два рода: произвольныя (личныя) и непроизвольныя (инстинктивныя, роевыя). „Я могу — говоритъ онъ — испытывая свою свободу, поднять и съ силою опустить свою руку въ воздухѣ. Я сдѣлалъ это. Но подлѣ меня стоитъ ребенокъ; я поднимаю надъ нимъ руку и съ тою же силою хочу опустить на ребенка. Я *не могу* этого сдѣлать. На этого ребенка бросается собака; я *не могу* не поднять руку на собаку“. Примѣръ приведенъ очень неудачно. Чтобъ не опустить руки моей на ребенка, или чтобъ защитить его отъ собаки, я долженъ употребить нѣкоторое нравственное усиліе, и свободная воля человѣка болѣе всего проявляется въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ ей предстоитъ выборъ между злымъ и добрымъ побужденіемъ. Если-бъ допустить невозможность, указываемую графомъ Толстымъ, то не было бы на свѣтѣ ни преступниковъ, ни трусовъ; защита ближнихъ отъ опасности не была бы заслугою, и міръ не представлялъ бы примѣра подвиговъ личной храбрости. Я *могу*, изъ личной прихоти или въ припадкѣ гнѣва, прибить ребенка; я *могу* постыдно бѣжать отъ собаки, кинувшейся на другого; но движеніемъ своей *свободной воли* побѣждаю въ себѣ это злое побужденіе: вотъ, кажется, какъ слѣдуетъ видоизмѣнить примѣръ, приведенный авторомъ.

Когда мы еще были дѣтьми, мы съ гордостью записывали въ свои дневники разныя „идеи“, до которыхъ мы, какъ намъ тогда казалось, додумывались сами и которыя мы считали тогда великими открытіями въ области человѣческой мысли. Записана была у насъ съ особенною аффектаціею и эта пресловутая „идея“, что „все, что совершилось, *должно было* совершиться“, или что „все совершается по вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ“. Но съ тѣхъ поръ мы успѣли вырасти, возмужать и убѣдиться, что для пытливаго ума недостаточно такого фаталистическаго приговора, хотя въ общемъ смыслѣ онъ безусловно справедливъ; что въ пытливомъ умѣ человѣка рождается желаніе изслѣдовать,

Digitized by Google

такимъ же именно законамъ подчиняется духовная жизнь его. Физіологи и психологи много трудились надъ разрѣшеніемъ этой задачи, и если, зная организмъ и темпераментъ отдѣльнаго лица, зная его привычки, обстоятельства жизни, вліянія, которыми онъ окруженъ, можно бываетъ почти безошибочно опредѣлить, какъ онъ отнесется къ тому или другому событію, то и историческая жизнь народовъ можетъ быть подведена подъ извѣстные законы. Если эти законы и не могутъ быть никогда прямо указаны при изложеніи того или другого событія, то изслѣдованіе ближайшихъ его причинъ и послѣдствій, составляющее задачу историковъ, прямо ведетъ къ открытію этихъ законовъ.

Изъ „Голоса".

* * *

*) Мы основываемъ право свое говорить о новомъ, еще неоконченномъ произведеніи гр. Л. Н. Толстого, во-первыхъ, на громадномъ его успѣхѣ въ публикѣ, что ставитъ его въ ряды явленій, вызывающихъ изслѣдованіе, а во-вторыхъ, на самомъ богатствѣ и полнотѣ содержанія трехъ вышедшихъ теперь частей романа **), которыя обнаружили вполнѣ весь замыселъ автора и всѣ его цѣли, вмѣстѣ съ изумительнымъ талантомъ осуществленія и достиженія ихъ. Мы не боимся сказать парадоксъ, если выразимъ мнѣніе, что и при меньшемъ развитіи творческихъ силъ и художническихъ способностей, историческій романъ изъ эпохи, столь близкой къ современному обществу, возбудилъ бы напряженное вниманіе публики. Почтенный авторъ очень хорошо зналъ, что затронетъ еще свѣжія воспоминанія своихъ современниковъ и отвѣтитъ многимъ ихъ потребностямъ и тайнымъ симпатіямъ, когда положитъ въ основу своего романа характеристику нашего высшаго общества и главныхъ политическихъ дѣятелей эпохи Александра I-го, съ нескрывае-

*) „Вѣстникъ Европы" 1868 г., № 2. Статья П. Анненкова, подъ заглавіемъ: „Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: *„Война и миръ"*.

**) Четвертая и послѣдняя часть обѣщана въ непродолжительномъ времени

Digitized by Google

мой цѣлію построить эту характеристику на разоблачающемъ свидѣтельствѣ преданій, слуховъ, народнаго говора и записокъ очевидцевъ. Трудъ предстоялъ ему немаловажный но зато, въ высшей степени благодарный. Онъ приступилъ къ нему, какъ оказывается изъ послѣдствій, съ твердымъ убѣжденіемъ, что есть возможность разрѣшить многосложную выбранную имъ тему, въ обычныхъ условіяхъ романа, и доставить ей этимъ путемъ весь тотъ литературный успѣхъ, весь тотъ радушный пріемъ, который она, по своей своевременности и жгучей занимательности, встрѣтила бы вездѣ, гдѣ бы ни появилась.

Уже въ смѣломъ тонѣ первыхъ картинъ романа, которыя были напечатаны съ годъ тому назадъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и тогда же возбудили общее вниманіе, заключалось нѣчто похожее на заявленіе автора о своемъ призваніи подарить публику произведеніемъ, которое, не переставая быть романомъ, было бы въ то же время исторіей культуры по отношенію къ одной части нашего общества, политической и соціальной нашей исторіей, въ началѣ текущаго столѣтія вообще, и которое могло бы представить изъ себя любопытное и рѣдкое соединеніе олицетворенныхъ и драматизованныхъ документовъ съ поэзіей и фантазіей свободнаго вымысла. Все что было тогда предпѣщаніемъ, явилось теперь дѣломъ рѣшеннымъ—и рѣшеннымъ, надо сказать, съ изумительной ловкостію. Не только авторъ нигдѣ не обнаружилъ сомнѣнія и колебанія передъ обширностію и исполнимостію выбранной задачи, но онъ словно растетъ въ виду затрудненій, ею представляемыхъ, творческія силы его словно напрягаются съ приближеніемъ къ нѣкоторымъ опаснымъ мѣстамъ, гдѣ связь романа съ исторіей держится на волоскѣ. Разбивъ все содержаніе задачи на множество сценъ и отдѣльныхъ картинъ, онъ разрѣшаетъ ее такимъ образомъ по частямъ, повидимому, безъ всякаго остатка, — кромѣ того, который подъ сцены и картины не подходитъ; но о важности этого историческаго остатка, не попавшаго у него въ передѣлку, мы говоримъ далѣе. Теперь намъ нужно только знать, что мы имѣемъ передъ собою громадную компо-

Digitized by Google

зицію, изображающую состояніе умовъ и нравовъ въ передовомъ сословіи „новой Россіи", передающую въ главныхъ чертахъ великія событія, потрясавшія тогдашній европейскій міръ, рисующую физіономіи русскихъ и иностранныхъ государственныхъ людей той эпохи и связанную съ частными, домашними дѣлами двухъ-трехъ аристократическихъ нашихъ семей, которыя высылаютъ на это позорище нѣсколько членовъ изъ своей среды!

Всѣхъ болѣе посчастливилось при этомъ молодому князю Болконскому, адъютанту Кутузова, страдающему пустотой жизни и семейнымъ горемъ, славолюбивому и серіозному по характеру. Передъ нимъ развивается вся быстрая и несчастная наша заграничная кампанія 1805—7 годовъ со всѣми трагическими и поэтическими своими сторонами; да кромѣ того, онъ видитъ всю обстановку главнокомандующаго и часть чопорнаго австрійскаго двора и гофкригсрата. Къ нему приходятъ *позироваться* императоръ Францъ, Кутузовъ, а нѣсколько позднѣе—Сперанскій, Аракчеевъ и проч., хотя портреты съ нихъ, и прибавимъ—чрезвычайно эффектные—снимаетъ уже самъ авторъ. Каждое изъ этихъ и другихъ лицъ является на сеансъ со своей крупной физіономической чертой, отысканной въ немъ отчасти исторіей, отчасти анекдотомъ, всего болѣе анекдотомъ. Второе мѣсто за Болконскимъ занимаетъ молодой графъ Безухой, вялый, но добродушный и симпатичный человѣкъ, передъ которымъ масонскія ложи того времени развиваютъ всѣ свои тайные помыслы и цѣли въ замѣчательномъ порядкѣ и въ строгой послѣдовательности, какъ будто они приготовились къ этому дѣлу издавна. Ослѣпительная сторона романа именно и заключается въ естественности и простотѣ, съ какими онъ низводитъ міровыя событія и крупныя явленія общественной жизни до уровня и горизонта зрѣнія всякаго выбраннаго имъ свидѣтеля. Великолѣпная картина Тильзитскаго свиданія, напримѣръ, вращается у него, какъ на природной оси своей, около юнкера или корнета, графа Ростова, ощущенія котораго, по этому поводу, составляютъ какъ бы продолженіе самой сцены и необходимый къ ней комментарій. Безъ вся-

Digitized by Google

каго признака насыщенія жизни и обычнаго ея хода, ро
манъ учреждаетъ постоянную связь между любовными и дру
гими похожденіями своихъ лицъ и Кутузовымъ, Багратіо
номъ, между историческими фактами громаднаго значенія
Шёнграбеномъ, Аустерлицомъ, и треволненіями московскаг
аристократическаго кружка, будничный строй котораго он
не въ состояніи одолѣть, какъ не въ состояніи одолѣть
вѣчныхъ стремленій человѣческаго сердца къ любви, дѣятель
ности, наслажденію.

Ничто не даетъ такого подобія дѣйствительности, и ничт
такъ не замѣняетъ собою пониманія ея, какъ эти сопоста
вленія, особенно если ими распоряжается и пользуется не
обыкновенный талантъ, какъ именно здѣсь случилось. Бла
годаря имъ—читателю кажется, будто *духъ времени*, откры
тіе и опредѣленіе котораго стоитъ такихъ трудовъ изслѣ
дователямъ историческихъ эпохъ, воплощается на страни
цахъ романа, какъ индійскій Вишну, легко и свободно,
безчисленное количество разъ. Изъ признательности за это
ощущеніе духа времени устанавливаются на первыхъ же
порахъ между читателемъ и романомъ самыя дружескія,
пріятныя отношенія, которыя еще растутъ и укрѣпляются,
когда обнаруживается, что превосходныя сцены, рисующія
необыкновенно живо и выпукло вѣчное противорѣчіе инте
ресовъ частнаго лица съ интересами и замыслами государ
ства, освѣщены одинаково у автора лучемъ скептической,
анализующей мысли, долго обращавшейся, по всѣмъ призна
камъ, въ средѣ записокъ, преданій, всего того, что фран
цузы называютъ „*маленькой*“ исторіей. Съ помощію этой
исторіи романъ получаетъ обширныя права: въ немъ также
громко раздаются замирающіе призывы къ жизни, справед
ливости и состраданію несчастныхъ личностей, гибнущихъ
въ водоворотѣ событій, какъ и гулъ разрушающихся при
этомъ плановъ государственной политики; въ немъ судьба
частнаго лица, его ошибки, заблужденія, несостоятельность
и ограниченность пріобрѣтаютъ такую же важность, какъ
и соотвѣтствующія имъ и съ ними уравненныя явленія
того же порядка въ руководителяхъ эпохи. Исторія страны

Digitized by Google

и общества мѣшается съ чертами и подробностями, о которыхъ всякій можетъ судить по собственному, нажитому опыту, по собственнымъ своимъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, сколько ихъ состоитъ у него налицо. Углаживая этимъ способомъ дорогу къ уразумѣнію и представленію себѣ недавней, нѣкогда столь шумной эпохи, замѣчательный романъ дѣлаетъ еще нѣчто болѣе для современной читающей публики: по ловкому устраненію изъ картины всѣхъ спорныхъ вопросовъ, касающихся историческихъ лицъ и фактовъ, по смѣлымъ очеркамъ тѣхъ и другихъ, по точности, яркости и опредѣленности всѣхъ своихъ описаній и всѣхъ своихъ приговоровъ, романъ превращаетъ ее, читающую нашу публику, въ собственныхъ ея глазахъ и въ глубинѣ сознанія, изъ близкаго наслѣдника эпохи въ дальнее пелицепріятное потомство, со всѣми выгодами и преимуществами, такому потомству принадлежащими.

Это самый лучшій и щедрый даръ романа. Что можетъ сравниться съ сладостнымъ ощущеніемъ—оказаться потомствомъ въ отношеніи людей, живших 50—60 лѣтъ тому назадъ? Мы разумѣемъ—оказаться потомствомъ не въ смыслѣ позднѣйшаго рожденія, а въ смыслѣ признаннаго и единственнаго рѣшителя всѣхъ ихъ споровъ. Какое наслажденіе сознать себя внезапно этимъ потомствомъ и получить неожиданно его права, какъ будто вся продварительная работа по опредѣленію и характеристикѣ людей и событій уже кончена до насъ, всѣ документы для ихъ классификаціи собраны и взвѣшены; недоразумѣнія, наговоры, ошибочныя воззрѣнія оцѣнены по достоинству; страсти, стремленія и интересы новаго времени, всегда судящаго о ближайшихъ своихъ предшественникахъ по собственнымъ своимъ нуждамъ—устранены изъ оцѣнки, и мы можемъ уже смѣло развивать одну черту въ обликѣ историческаго дѣятеля, какую выберемъ, и одну подробность въ историческомъ событіи, какая встрѣтится—не опасаясь извратить ихъ пониманіе и представленіе у нашихъ современниковъ. Съ этимъ гордымъ ощущеніемъ нашего неожиданнаго производства въ потомство ничего сравнить нельзя, по его ѣдко-пріятному

Digitized by Google

вкусу: бѣднякъ, которому объясняютъ въ минуту его обыч наго дневного труда о великомъ наслѣдствѣ, упавшемъ к ногамъ его, откуда-то, чуть не съ неба, еще не то испы тываетъ. Наслѣдство не даетъ ему возможности знать того чего онъ не знаетъ, между тѣмъ какъ читатель, возведен ный прихотью случая въ званіе читателя-потомка, вдруг получаетъ то, что никогда не приходитъ внезапно—готово знаніе! Правда, что знаніе это не принадлежитъ къ числ того научнаго добра, котораго ни тать не похититъ, ни тля не истребитъ, но сладостное ощущеніе отъ этого не менѣе сладостно. Оно сообщается даже очень трезвым умамъ, и надо много осторожности, чтобъ ему не поддаться: такъ велико обаятельное дѣйствіе знаменитаго романа, къ разбору котораго, т.-е. первыхъ трехъ частей, послѣ этих общихъ положеній, мы и приступаемъ теперь

Но разобрать его или даже просто передать его содержаніе—дѣло не совсѣмъ легкое. Мысль рецензента, который захотѣлъ бы прослѣдить это сложное произведеніе во всѣхъ его явныхъ и тайныхъ ходахъ должна непремѣнно спутаться, въ виду громаднаго склада разнообразнѣйших происшествій, здѣсь открывающихся, породъ неисчислимой толпой лицъ, мелькающихъ одно за другимъ, и при непрерывномъ движеніи разсказа, который выводитъ явленія всякаго рода на столько времени, на сколько нужно, чтобъ они высказали свое содержаніе, стираетъ ихъ затѣмъ тотчасъ съ картины и вызываетъ ихъ снова, послѣ болѣе или менѣе долгаго промежутка, но когда они пріобрѣли уже другія формы и обновились. Лучшимъ свидѣтельствомъ многосложности всей этой постройки можетъ служить то обстоятельство, что только съ половины третьяго тома завязывается нѣчто похожее на узелъ романической интриги, что только съ этого мѣста обнаруживается, кого должно считать главными дѣйствующими лицами романа. Лица эти, въ числѣ трехъ, состоятъ изъ тяжелаго, но гуманно-развитого молодого Безухаго—типъ, похожій на Обломова, если Обломова сдѣлать безмѣрнымъ богачомъ и побочнымъ сыномъ одного изъ Екатерининскихъ орловъ, и изъ поэтической гра-

Digitized by Google

фини ребенка, Наташи Ростовой, не получившей ни малѣйшаго нравственнаго образованія въ дому, подверженной всѣмъ искушеніямъ собственнаго своего организма и безпокойной мысли, что заставляло ее, еще съ дѣтства, влюбляться направо и налѣво, и наконецъ, понудило измѣнить признанному своему жениху кн. Болконскому въ пользу красиваго, бездушнаго и развратнаго адъютанта, кн. Курагина. Послѣднее и самое важное лицо этой свѣтской тріады есть молодой кн. Болконскій, о которомъ было упомянуто и прежде. Это именно то строгое, серіозное лицо, которое должно торжественно вынести на себѣ идею романа изъ хаоса его подробностей, оправдать автора за выборъ мѣста дѣйствія и за выборъ содержанія, дать всему смыслъ и значеніе. Такія лица обыкновенно обрабатываются авторами съ великимъ тщаніемъ. Что представляетъ для насъ кн. Болконскій, а также оба его товарища по завязкѣ романа, мы будемъ говорить, когда образы ихъ дорисуются четвертымъ томомъ произведенія. Теперь мы повторимъ снова, что въ качествѣ главныхъ героевъ и двигателей разсказа они являются только въ половинѣ третьяго тома. Что же было до того?

До того было, поистинѣ, великолѣпное зрѣлище! Передъ нами развивалась огромная діорама, исполненная красокъ, свѣта, темныхъ массъ вооруженнаго народа и выдѣляющихся изъ ней образовъ. Мы переходили изъ дипломатическихъ салоновъ фрейлины Шереръ къ фешенебельнымъ оргіямъ гвардейскихъ офицеровъ; оттуда въ московское общество, гдѣ присутствовали при послѣднихъ часахъ умирающаго туза, стараго графа Безухаго, отца одного изъ героевъ романа, величаваго и какъ-то грознаго въ самой предсмертной агоніи. Мы видѣли тутъ картину алчности наслѣдниковъ и низкія продѣлки, чуть ли не министра, стараго кн. Курагина, достойнаго самаго мелкаго, отпѣтаго чиновника, который ищетъ гдѣ-либо подцѣпить фортуну для пристроенія своего безобразнаго потомства. Съ порога умирающаго туза мы вступали въ мирный, но шумный домъ Ростовыхъ, населенный молодежью, и гдѣ глава его старый графъ Ро-

Digitized by Google

стовъ—одинъ изъ столповъ англійскаго клуба—считаетъ своей обязанностію воспитывать дѣтей посредствомъ безконечныхъ праздниковъ, что, во-первыхъ, разоряетъ его, а во-вторыхъ, образуетъ Наташу Ростову въ то существо, которое потомъ такъ печально разоблачаетъ себя. По дорогѣ мы встрѣчали типъ старушки Друбецкой, изъ обѣднѣвшаго княжескаго дома, которая пристроиваетъ достойнаго своего сына, съ такимъ развитіемъ энергіи, практическаго смысла, душевной гибкости и готовности на всякую полезную измѣну, что ихъ было бы достаточно для изумленія міра какимъ-либо политическимъ преступленіемъ,—будь старушка на другой дорогѣ. Да и кругомъ старушки роятся и кишатъ разнообразные типы, каждый съ крупной, родовой чертой, которая такъ и готова развиться въ оригинальную физіономію, но до нихъ ли? Мы несемся все впередъ. Вотъ мы въ деревнѣ стараго, суроваго князя Болконскаго, отца другого героя романа, и попадаемъ въ атмосферу вельможнаго самодурства, уже не имѣющаго ничего общаго съ распущенностію московской жизни. Весь домъ въ трепетѣ и порядкѣ. Князь ведетъ записки своей жизни, работаетъ у токарнаго станка, изучаетъ наполеоновскія кампаніи, учитъ запуганную свою дочь, княжну Марію, математикѣ, весь исполненъ судорожной дѣятельности въ своемъ кабинетѣ, откуда почти не выходитъ, но откуда видитъ и знаетъ все, что дѣлается у него въ палатахъ, а по старымъ связямъ и прежней службѣ—и все, что дѣлается въ администраціи. Ни тѣхъ, ни другую онъ не щадитъ, увѣренный въ непогрѣшимости своей и создавшій себѣ, взамѣнъ полнаго отсутствія религіи—религію благоговѣнія и поклоненія передъ собственной особой. На нашихъ глазахъ происходили тонкія, сдержанныя, но полныя смысла и чувства сцены свиданія между насмѣшливымъ старикомъ и сыномъ его, княземъ Андреемъ, который, на пути къ дѣйствующей арміи, завезъ къ нему свою беременную и постылую жену. Но едва успѣли мы всмотрѣться въ эти отношенія двухъ оригинально-самостоятельныхъ характеровъ, какъ очутились въ самомъ центрѣ русской заграничной арміи и на поляхъ заграничныхъ битвъ нашихъ 1805—7-го годовъ.

Digitized by Google

Одна за другой начинаютъ тогда проходить передъ нами картины движенія русскихъ войскъ, ихъ сшибокъ съ непріятелемъ, безпорядочнаго отступленія еще прежде, и отчаянныхъ усилій, послѣ всякаго пораженія, сформироваться снова въ одно цѣлое, только-что разбитое и раздробленное на безпомощныя части. Мастерство автора изображать сцены военнаго быта достигаетъ своего апогея. Планы сраженій и картины мѣстностей, гдѣ они происходятъ — бросаются отчетливо въ глаза, какъ гравюры англійскихъ кипсековъ, главные моменты битвъ высятся надъ всѣми подробностями, которыя къ нимъ и примыкаютъ, какъ къ сборнымъ пунктамъ своимъ. Ни съ чѣмъ не можетъ сравниться описаніе того мгновенія, когда Багратіонъ ведетъ два баталіона на колонну непріятеля, подымающуюся навстрѣчу имъ изъ лощины у Шенграбена, и когда обѣ массы сшибаются и пропадаютъ въ огнѣ и дымѣ, такъ же точно, какъ ни съ чѣмъ сравнить нельзя описанія туманнаго утра въ день Аустерлицкаго сраженія, предчувствій и томленій войска наканунѣ, общаго смятенія, когда первые лучи дня показали близость непріятеля и освѣтили мгновенный погромъ русской арміи. Даже и въ этихъ картинахъ, исполненныхъ блеска, есть еще страницы, выдающіяся изъ всѣхъ по особенному развитію мастерства изображать живьемъ общее чувство громадной массы народа и каждое личное чувство, на немъ выросшее, какъ на своей родной почвѣ, имъ пропитанное, но сохраняющее особенности характеровъ и натуръ, его переживающихъ: таковы картины бѣгущаго и разстроеннаго обоза, который въ ужасѣ и паническомъ страхѣ потерялъ не только всякое понятіе о дисциплинѣ, но и понятіе о самыхъ простыхъ условіяхъ самосохраненія; такова картина перехода нашихъ войскъ черезъ мостъ подъ Энсомъ, когда наступающія батареи непріятеля грозятъ ихъ настигнуть, и еще болѣе переходъ черезъ плотину Лугеста подъ Аустерлицомъ, когда вся сила непріятельской артиллеріи устремлена на этотъ пунктъ и мететъ столпившихся на немъ людей и лошадей, какъ пыль... И опять въ средѣ всего этого движенія мелькаетъ передъ нами многое множество типовъ военнаго сословія,

Digitized by Google

смѣло тронутыхъ и тотчасъ же покинутыхъ, но они уж
идутъ теперь впереможку съ силуэтами и очерками исто
рическихъ лицъ, Кутузова и его канцеляріи, императора
Франца и его обстановки въ Ольмюцѣ, императора Але
ксандра на смотру и въ битвѣ и т. д. Рядомъ съ ними мы
встрѣчаемъ уже знакомыхъ намъ молодыхъ людей изъ мо
сковскаго и петербургскаго общественныхъ круговъ. Ко всѣм
предметамъ, вызывающимъ наше участіе и любопытство, при
соединяется новый: мы наблюдаемъ, какія стороны въ харак
терѣ каждаго изъ нихъ вызываются его соприкосновеніем
съ міровыми событіями, съ борьбой за существованіе, съ
близостію гибели; какъ каждая изъ этихъ головъ встрѣ
чаетъ историческій вихрь, несущійся надъ нею, куда скло
няется и что она думаетъ въ это время. Мы видимъ ране
наго Ростова, бѣгущаго отъ сабли французскаго драгуна,
и кн. Болконскаго, замертво оставленнаго на полѣ Аустер
лица; но и тотъ и другой успѣваютъ сообщить намъ часть
своихъ ощущеній въ роковыя минуты, когда они принадлежали одинаково и жизни и смерти. Усталые, почти изне
можденные отъ разнообразныхъ впечатлѣній, мы достигаемъ
наконецъ, великолѣпнаго описанія Тильзитскаго свиданія,
которому, словно въ видѣ комментарія, предпослано изобра
женіе тифознаго госпиталя съ русскими ранеными, отъ
которыхъ отказались доктора и начальство, а нѣсколько
ранѣе изображеніе гнилого дипломата Билибина, подсмѣи
вающагося надъ „*православнымъ*“ (какъ онъ называетъ рус
ское войско), въ его затѣи бороться съ исполиномъ вѣка.
Миръ заключенъ. Все обращается къ старой, родимой пош
лости; только молодой Болконскій, потерявшій въ проме
жутокъ между Аустерлицомъ и Тильзитомъ жену и изле
чившійся отъ энтузіазма къ Наполеону, сближается, изъ
жажды дѣятельности, съ звѣздами тогдашней администраціи,
которыя и роняютъ передъ нимъ нѣсколько изъ своихъ ко
леблющихся и сомнительныхъ лучей, да наоборотъ, другъ
его, молодой Безухой, женится, самъ не зная какъ, на
княжнѣ Курагиной—распутницѣ по природѣ, и ищетъ от
рады, занятія и успокоенія въ напряженномъ религіозномъ

Digitized by Google

чувствѣ и въ обществѣ масоновъ, которые съ полусектаторской миной посвящаютъ его и насъ во всѣ свои таинства, обряды и ученія... Остановимся здѣсь и спросимъ: не великолѣпное ли зрѣлище все это, въ самомъ дѣлѣ, отъ начала и до конца?

Да, но покуда оно происходило, романъ, въ прямомъ значеніи слова, не двигался съ мѣста, или, если двигался, то съ неимовѣрной апатіей и медленностію. Большое колесо романической машины еле-еле мѣняло свое положеніе, не приводя въ дѣйствіе настоящаго рычага, нужнаго для дѣла, а только заставляя играть съ непостижимой быстротой маленькія колеса, занятыя чужой посторонней работой. Большимъ колесомъ въ романѣ мы ничего другого считать не можемъ, кромѣ его завязки и, соединенной съ нею неразрывно, основной мысли созданія. Завязки ничѣмъ замѣнить нельзя, ни даже картинами политическаго и соціальнаго содержанія, хотя бы и занимательными въ высшей степени. Можно полагать, что не намъ однимъ приходилось, послѣ упоительныхъ впечатлѣній романа, спрашивать: да гдѣ же онъ самъ, романъ этотъ, куда онъ дѣвалъ свое настоящее дѣло развитіе частнаго происшествія, свою „фабулу“ и „интригу“, потому что безъ нихъ, чѣмъ бы романъ ни занимался, онъ все будетъ казаться *праздным*ъ романомъ, которому чужды его собственные и настоящіе интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что къ завязкѣ романа, другими словами, къ его основной мысли можно привлечь какія угодно явленія жизни и исторіи, но подъ однимъ условіемъ, чтобъ послѣднія не заслоняли первыхъ, не выказывали себя во весь свой ростъ, во всю свою ширину, во всей своей сущности. Иначе побѣда будетъ всегда на сторонѣ ихъ, а та побѣда—гораздо болѣе вредная, чѣмъ полезная самому произведенію. Конечно, нѣтъ печальнѣе зрѣлища, какъ наблюдать усилія автора понизить серіозный характеръ историческихъ и соціальныхъ данныхъ, облегчить ихъ отъ присущей имъ мысли—для того, чтобъ они стояли вровень съ его собственнымъ замысломъ и не слишкомъ стѣсняли его своимъ присутствіемъ; но, съ другой стороны, есть что-то

Digitized by Google

похожее на измѣну, когда романъ живетъ, такъ сказать, внѣ своего дома. Опасность для него, какъ и для всякаго нравственнаго существованія, начинается съ той минуты, когда онъ отказывается отъ своего истиннаго призванія и перестаетъ узнавать его. Не трудно доказать математически, на основаніи законовъ перспективы, что во всякомъ романѣ великіе историческіе факты должны стоять на второмъ планѣ: только тогда и возможно представить ихъ въ нѣкоторой полнотѣ и цѣлости. Удаленіе ихъ отъ мѣста, которое должны занимать исключительно главныя дѣйствующія лица произведенія, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и условія ихъ сходства съ дѣйствительной исторіей. Сходство это будетъ нарушаться тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе авторъ подвинетъ ихъ къ первому плану, отрывая отъ фона своей картины, гдѣ они пользовались всѣмъ нужнымъ имъ просторомъ. Можетъ случиться, что они, достигнувъ крайней точки этого передвиженія, предстанутъ читателю не съ полнымъ выраженіемъ своего содержанія, а только тѣми немногими сторонами, которыя остались у нихъ отъ похода и которыя, поднавъ дѣйствію сильнаго, случайнаго или даже искусственнаго освѣщенія—ярко и выпукло разрослись въ непомѣрную и фальшивую величину. Самое худшее при этомъ то, что настоящіе и законные обладатели перваго плана въ романѣ—его герои и связанное съ ними событіе вытѣсняется этимъ нашествіемъ сильнаго элемента, съ которымъ борьба невозможна. Романъ чахнетъ, какъ растительность страны, потоптанной ногами и конями завоевательнаго племени, ее посѣтившаго. Мы не говоримъ, чтобъ именно это случилось съ романомъ Л. Толстого—нѣтъ: онъ еще держитъ историческую часть его на приличномъ, хотя уже и опасномъ, разстояніи отъ своихъ героевъ, онъ бережетъ послѣднихъ, съ неимовѣрнымъ тщаніемъ, отъ излишне рискованныхъ столкновеній съ могущественнымъ историческимъ элементомъ, готовымъ ихъ поглотить, но уже общее положеніе дѣлъ отражается на нихъ неблагопріятно. Героямъ своимъ и частному событію онъ отводитъ столько пространства, свѣта и воздуха, сколько нужно единственно для поддержанія ихъ существованія.

Digitized by Google

Этотъ скудный паекъ, этотъ *le strict nécessaire* предоставленной имъ жизни, при роскоши и богатствѣ обстановки всего прочаго—дѣйствуетъ неблагопріятно на читателя, который, подъ конецъ, догадывается, что существенный недостатокъ всего созданія, несмотря на его сложность, обиліе картинъ, блескъ и изящество—есть недостатокъ *романическаго развитія*.

Романъ не двигается,—сказали мы,—но кромѣ того еще ни одинъ характеръ, ни одно почти положеніе въ немъ не развиваются вплоть до половины третьяго тома. Они только мѣняются, показываютъ новыя стороны, съ каждымъ поворотомъ картины, когда она ихъ захватываетъ, но не развиваются. Иначе и быть не могло. Остановить движеніе сценъ въ пользу разъясненія чьей-либо физіономіи или ближайшаго осмотра психической перемѣны въ человѣкѣ—нѣтъ возможности при толпѣ образовъ и массѣ событій, ожидающихъ своей очереди, чтобы попасть въ картину. Приближающаяся сцена беретъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ своихъ уже совсѣмъ готовыми къ появленію на подмосткахъ, и мы узнаемъ о новыхъ чертахъ, ими пріобрѣтенныхъ, и о новыхъ событіяхъ, измѣнившихъ ихъ внутренній міръ и настроеніе, только тогда, когда авторъ дѣлаетъ повѣрку своего персонала, съ тѣмъ глубокимъ анализомъ, который ему свойственъ. При зарожденіи и ходѣ измѣненій, какимъ подвергались знакомые типы и обстоятельства въ промежутокъ между сценами, читатель не присутствовалъ; измѣненія свершились всѣ въ тайникѣ авторскаго воображенія, куда никто не былъ допущенъ. Мы видимъ лица и образы, когда процессъ превращенія надъ ними уже законченъ,—самаго процесса мы не знаемъ. Правда, что всѣ превращенія эти имѣютъ достаточныя основанія и вышли изъ намековъ и указаній, какія уже заключались и прежде въ характерахъ и предметахъ; нигдѣ не видно яркихъ противорѣчій, какъ нигдѣ не видно ничего произвольнаго и самовластнаго въ придаточныхъ чертахъ; можно было всегда ожидать именно этого хода дѣлъ и этого новаго выраженія физіономій;—но роковая необходимость измѣненій, испытанныхъ тѣми и

Digitized by Google

другими, ничѣмъ не доказана. Да если бы и не было никакой связи между старымъ и новымъ выраженіемъ ихъ дѣло обошлось бы и безъ нея. Блестящая сцена, исполненная эффекта, психическаго анализа, превосходныхъ красокъ—тотчасъ искупила бы неожиданность или искусственность какого-либо оттѣнка, тотчасъ заставила бы позабыть обо всемъ, что есть сомнительнаго и неоправданнаго въ его происхожденіи. Мы не будемъ перебирать снова горячихъ страницъ замѣчательнаго романа для убѣжденія нашихъ читателей, что много лицъ—оба Волконскіе, напримѣръ, Безухій, Наташа, княжна Марія Болконская и проч., нажили въ промежутокъ между первымъ, вторымъ или третьимъ своимъ появленіемъ въ романѣ существенныя физіологическія и нравственныя черты, объясненіе которыхъ должно только искать въ нѣмомъ дѣйствіи времени, протекшаго отъ одного періода ихъ развитія до другого. Такъ же точно и событія показываются намъ только тогда, когда они шумно текутъ уже въ новомъ прорытомъ ими руслѣ, а работа, которую они совершали, при измѣненіи своего теченія, одолѣвая препятствія и уничтожая преюны, по большей части произошла, имѣя свидѣтелемъ опять одно безгласное время. Чѣмъ другимъ можно объяснить, напримѣръ, что распутная жена Пьера Безухаго изъ завѣдомо пустой и глупой женщины пріобрѣтаетъ репутацію необычайнаго ума и является вдругъ средоточіемъ свѣтской интеллигенціи, предсѣдательницей салона, куда съѣзжаются слушать, учиться и блеститъ развитіемъ. Вообще *внѣ* романа происходитъ почти столько же переворотовъ, сколько и въ самомъ романѣ. Ни разу читатель, правда, не поставляется въ необходимость отвергнуть какую-либо подробность, какъ совершенно невозможную, но не столь часто, какъ слѣдовало бы, доходитъ онъ и до убѣжденія, что ничего другого и не могло случиться кромѣ того, что случилось. Вмѣсто такого убѣжденія, авторъ вырываетъ у своей публики тотъ родъ полусогласія, неохотнаго подтвержденія, который на языкѣ политики выражается формулой—*признаніе совершившагося факта*. Фактъ узаконяется этимъ признаніемъ, но оно оставляетъ возможность

Digitized by Google

каждому изъ судей думать про себя, что фактъ могъ бы и не явиться на свѣтъ, пожалуй, въ той формѣ, въ какой явился. Таково обыкновенно дѣйствіе произведеній, страдающихъ, вслѣдствіе особеннаго характера ихъ постройки, недостаткомъ романическаго развитія.

Мы не скрываемъ отъ себя, что въ отвѣтъ на всѣ эти требованія могутъ сказать: Да кому какое дѣло до вашего развитія, когда романъ и въ той формѣ, какая ему дана, достигаетъ всѣхъ своихъ цѣлей и намѣреній. Характеры и съ помощію отдѣльныхъ сценъ пріобрѣтаютъ типическое выраженіе, что̀, въ сущности, только и важно. Картина эпохи, даже и разбитая на множество этюдовъ, тѣмъ не менѣе есть полная картина, сообщающая каждому одно нераздѣльное и неотразимое впечатлѣніе своей истины. Притомъ же, изображенія автора облечены въ такую ткань поэзіи, рисуются съ такимъ участіемъ драматическаго элемента, тонкаго анализа, широкихъ пріемовъ мыслителя и художника, что думать тутъ о развитіи можетъ только человѣкъ, нечувствительный къ этимъ качествамъ. Можетъ быть даже, что трудъ развитія помѣшалъ бы здѣсь свободному проявленію творчества, можетъ быть даже, что само требованіе развитія принадлежитъ къ числу орудій старой *эстетической рутины*, которая не въ силахъ понять новыхъ формъ созданія, возникающихъ у писателя вмѣстѣ съ новыми задачами. Какое развитіе способно замѣнить намъ, хоть, напримѣръ, двѣ, поистинѣ, чарующія сцены, два особенно замѣчательныхъ перла изъ множества перловъ, разсыпанныхъ въ романѣ? Мы говоримъ о двухъ сценахъ изъ эпохи пребыванія полуразоренныхъ Ростовыхъ въ деревнѣ. Въ первой изъ нихъ, Наташа Ростова, мучимая самымъ избыткомъ физическихъ и нравственныхъ силъ, является на охоту за волками, переживаетъ всѣ ея ощущенія и проводитъ часть вечера въ домѣ простяка-помѣщика Илагина, угощающаго ее всѣмъ богатствомъ своего еще нетронутаго русскаго житья-бытья, дворней, составляющей одно лицо съ бариномъ, балалайкой, которая странно потрясаетъ образованный слухъ гостей, и наконецъ своей

Digitized by Google

русской пѣснію, которая вызываетъ у нихъ слезы. Въ др
гой сценѣ, та же Наташа Ростова устраиваетъ переодѣв
ніе на масленицѣ и, захвативъ переряженныхъ подруг
горничныхъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ, въ бѣшеной скач
на тройкахъ, мчится ночью, при лунѣ, мимо лѣса, вдо
снѣжной пустыни къ своей родственницѣ и сосѣдкѣ
имѣнію. Тутъ и безъ развитія отразилась вся русская пр
рода, вмѣстѣ съ упоительными народными, племенными по
тѣхами и мотивами, которые лучше всѣхъ другихъ загл
паютъ, обманываютъ, цѣлятъ страданія даже и *образованно*
русской души. Какое развитіе способно довести писател
и до этой поэзіи и до этихъ откровеній, оно, которое, в
сущности своей, вмѣсто историческихъ, политическихъ
бытовыхъ картинъ, предпочитаетъ долгое, чахлое занятіе
помыслами двухъ-трехъ лицъ, томительное изображеніе пе
реворотовъ ихъ внутренняго міра и возмутительное оправ
даніе ихъ эгоистическаго самозаключенія въ самихъ себѣ

Какъ бы, въ сущности, ни казались намъ эти и подоб
ныя имъ возраженія несправедливыми въ настоящемъ во
просѣ, мы умѣемъ цѣнить все, что подъ ними таится за
конныхъ требованій на дѣльность и серіозность художе
ственныхъ изображеній, на участіе искусства въ разрѣшеніи
и объясненіи задачъ, вопросовъ и чаяній нашего времени.
Но такъ ли вѣрно предположеніе, что въ романѣ исторія
частные характеры достигли всей необходимой полноты и
ясности даже и безъ развитія - это другой вопросъ. Врядъ
ли новое произведеніе гр. Толстого докажетъ возможность
обойтись, въ виду другихъ важныхъ задачъ, безъ исполне
нія какого-либо условія дѣльной художнической работы.
Скорѣе наоборотъ: оно докажетъ необходимость соблюденія
всѣхъ условій ея и невозможность жертвовать ими, ни подъ
какимъ предлогомъ, даже самымъ благовиднымъ. Такъ, оста
ваясь при нашемъ мнѣніи, мы думаемъ, что недостатокъ
развитія повліялъ неблагопріятно даже на историческую и
бытовую сторону его произведенія, къ которымъ теперь
переходимъ.

Что касается до исторической части, то мы намѣрены

Digitized by Google

развить здѣсь нѣсколько подробнѣе положенія, высказанныя нами въ началѣ статьи. Какое бы мѣсто историческая сторона не занимала въ романѣ—первое, послѣднее или серединное, она подчиняется точно тѣмъ же законамъ художническаго существованія, какъ и вымыселъ: она должна доказать свое право выражать то, что̀ выражаетъ. Извѣстно, что весь историческій отдѣлъ романа гр. Толстого построенъ на документахъ и свидѣтельствахъ такъ называемой *маленькой исторіи*, безъ которой, спѣшимъ прибавить, чуть ли и возможно появленіе настоящей, наукообразной исторіи. Трудамъ Шлоссера, Ранке, Гервинуса и проч. предшествовало, конечно, множество нескромныхъ откровеній, частныхъ разоблаченій, тайныхъ записокъ—словомъ, вся работа „маленькой" исторіи, на которую они часто и ссылаются, и которая тогда только и входитъ въ особенный почетъ, когда въ извѣстномъ обществѣ обнаруживается потребность самоопредѣленія. До тѣхъ поръ общество очень хорошо удовлетворяется официальной, условно-учебной и легендарной исторіей; но съ первыми проблесками критической мысли, желающей провѣрить настоящее время прошлымъ временемъ—услуги „маленькой" исторіи неоцѣнимы и принимаются съ великой, вполнѣ заслуженной благодарностью. Она помогаетъ низводить политическихъ дѣятелей съ тѣхъ туманныхъ высотъ, гдѣ они невозмутимо жили дотолѣ, какъ боги Олимпа, въ ряды человѣчества, и дѣлаетъ еще болѣе. Устранивъ ореолы и лучи, приданные имъ суевѣріемъ или политическимъ расчетомъ, она помогаетъ различать ихъ настоящую физіономію и находить въ ней черты, общія людямъ ихъ вѣка. И этимъ еще не ограничиваются ея услуги: она обнаруживаетъ въ великихъ историческихъ событіяхъ присутствіе и вліяніе силъ и причинъ, дѣйствующихъ и теперь, на глазахъ всѣхъ, что̀ способствуетъ политическому воспитанію людей. Отсюда и успѣхъ въ публикѣ тѣхъ впрочемъ почтенныхъ изданій, которыя сдѣлались у насъ органами этой „маленькой" исторіи, да также, отчасти, и успѣхъ книги гр. Толстого, на ней построенной и обнаруживающей большую въ ней начитанность ав-

Digitized by Google

тора. Но при этомъ онъ уже не могъ избѣжать весьма неблагопріятнаго обстоятельства для своей задачи, не существующаго у сборниковъ и изданій, ею занимающихся. Тѣ оставляютъ всѣ документы свои, за очень малыми исключеніями—открытыми вопросами, терпѣливо ожидая приближенія будущей, настоящей и наукообразной исторіи, которая должна ихъ порѣшить и, если дѣлаютъ иногда попытки утвердить за документами своими извѣстный смыслъ, то попытки эти принадлежатъ обыкновенно не къ самой существенной, и даже не къ самой блестящей сторонѣ изданій. Авторъ романа поставленъ въ иное положеніе. Гр. Толстой, напримѣръ, вездѣ говоритъ утвердительно—и долженъ такъ говорить, и говорить иначе не можетъ. Малѣйшее сомнѣніе передъ документомъ было бы здѣсь упраздненіемъ самаго романа, или лучше—его исторической части. Вездѣ и всегда должно слышаться отъ художественнаго произведенія твердое, рѣшительное, смѣлое слово, ибо тамъ, гдѣ рѣчь происходитъ на языкѣ *образовъ*, малѣйшее колебаніе должно внести смуту и неясность въ образы, что̀ равняется уничтоженію, нѣмотѣ, погибели самой рѣчи. Изъ этого выходитъ, что „маленькая“ исторія, положенная въ основу образовъ, вдругъ заявляетъ горделивую претензію раздавать окончательные приговоры лицамъ и событіямъ, какъ будто вся сущность предметовъ исчерпана ею вполнѣ. Судъ свершается такимъ образомъ не совсѣмъ законнымъ, компетентнымъ судьей, и чѣмъ рѣшительнѣе, эффектнѣе его опредѣленія черезъ посредство картинъ и образовъ, тѣмъ болѣе обнаруживается его самозванство. И добро бы убѣжденія и воззрѣнія этого судьи слагались на основаніи всѣхъ документовъ, уже находящихся въ его обладаніи, но условія романа не позволяютъ ему заняться даже и нѣсколько полнымъ разборомъ своего дѣла. Романъ принуждаетъ его, вслѣдствіе внутренняго своего распорядка, вслѣдствіе необходимой для себя экономіи, ограничиться всего чаще одной чертой, одной скудной чертой, чтобы, раздувъ и распространивъ ее до неимовѣрныхъ границъ, онъ, этотъ непризванный судья, могъ въ ней одной заключить и всѣ осно-

Digitized by Google

ванія, поводы и причины своего приговора людямъ и событіямъ. Такимъ образомъ, „маленькая" исторія, сдѣлавшись романомъ, рѣшаетъ вопросъ о личности Кутузова, на основаніи нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ имъ тамъ-и-сямъ, и на основаніи мины, взятой имъ при томъ и другомъ случаѣ; вопросъ о личности Сперанскаго — на основаніи его искусственнаго смѣха и программы, устроенной имъ для разговоровъ за столомъ; вопросъ о проигрышѣ битвы подъ Аустерлицомъ — на основаніи вліянія молодыхъ генераловъ-любимцевъ, окружавшихъ императора Александра, и измѣны своему долгу у остальныхъ, что̀ стоило бы разъясненія... и т. д. Развитія и здѣсь недостаетъ, какъ недостаетъ его въ завязкѣ романа; сцены всегда поразительно отчетливы относительно той минуты, которую изображаютъ, а многое изъ того, что̀ должно оправдать ихъ появленіе, лежитъ опять внѣ романа, въ пустомъ и глухомъ пространствѣ между сценами. Обстоятельство это тѣмъ печальнѣе, что чрезвычайно мѣткія, живыя замѣтки и соображенія автора заставляютъ думать, что онъ самъ гораздо болѣе знаетъ о всякомъ дѣлѣ, чѣмъ его лица и картины. Зато, когда „маленькая" исторія удаляется на задній планъ — возникаютъ картины безусловнаго мастерства, обличающія въ авторѣ необычный талантъ военнаго писателя и художника-историка. Таковы (мы уже имѣли случай сказать объ этомъ) изображенія военныхъ массъ, представляемыхъ намъ, какъ единое, громадное существо, живущее своей особенной жизнью, имѣющее свои страсти, симпатіи, даже мыслящее и по-своему возражающее на ошибочныя или невѣрныя распоряженія; таковы всѣ изображенія канцелярій, штабовъ, австрійскаго тупого, узко-эгоистическаго пониманія вопросовъ и явленій, что̀ отражается на каждомъ лицѣ его двора, носящемъ печать упорной неспособности, но подъ конецъ всегда выигрывающей партію; таковы особенно изображенія пыла, катастрофъ и волненій битвъ, и проч., и проч.

Бытовой отдѣлъ романа возбуждаетъ вопросъ не менѣе важный, чѣмъ тотъ, о которомъ говорили сейчасъ, при изслѣдованіи политическаго отдѣла. Эта часть, заключающая

Digitized by Google

въ себѣ олицетвореніе нравовъ, понятій и вообще культуры высшаго нашего общества въ началѣ текущаго столѣтія, развивается довольно полно, широко и свободно, благодаря нѣсколькимъ типамъ, бросающимъ, несмотря на свой характеръ силуэтовъ и эскизовъ, нѣсколько яркихъ лучей на все сословіе, къ которому они принадлежатъ. Здѣсь уже не найдетъ себѣ мѣста тотъ укоръ въ прославленіи дикости и невѣжества, который дѣлали автору нѣкоторые критики, за лучшій, образцовый его романъ: „Казаки". Здѣсь, наоборотъ, мы находимся въ средѣ утонченнѣйшей цивилизаціи, пресыщены изяществомъ фигуръ, свойственнымъ даже и не совсѣмъ видимымъ фигурамъ, французскимъ діалектомъ и неустаннымъ анализомъ автора, который объясняетъ намъ настоящій смыслъ почти каждаго движенія выводимыхъ имъ лицъ, каждаго ихъ взгляда, слова и костюма, потому что въ этомъ своеобычномъ мірѣ люди выражаютъ свое нравственное содержаніе гораздо болѣе неуловимыми знаками, намеками, бездѣлицами всякаго рода, чѣмъ простой человѣческой рѣчью, поступкомъ или естественной игрой своей физіономіи. Надо запастись особеннымъ *ключомъ*, чтобъ понимать ихъ сношенія между собою, надо быть посвященнымъ въ таинственное значеніе іероглифовъ, которыми они обмѣниваются, чтобъ угадывать ихъ настоящія мысли и намѣренія. Авторъ принадлежитъ къ числу посвященныхъ. Онъ владѣетъ знаніемъ ихъ языка и употребляетъ его на то, чтобъ открыть подъ всѣми формами свѣтскости бездну легкомыслія, ничтожества, коварства, иногда совершенно грубыхъ, дикихъ и свирѣпыхъ поползновеній. Всего замѣчательнѣе одно обстоятельство. Лица этого круга состоятъ словно подъ какимъ-то зарокомъ, присудившимъ ихъ къ тяжелой карѣ—никогда не достигать ни одного изъ своихъ предположеній, плановъ и стремленій. Точно гонимые неизвѣстной враждебной силой, они пробѣгаютъ мимо цѣлей, которыя сами же и поставили для себя, и, если достигаютъ чего-либо, то всегда не того, чего ожидали. Исключенія касаются только самыхъ ничтожныхъ, пошлыхъ замысловъ и расчетовъ: все, что посеріоз-

Digitized by Google

нѣе, никому изъ нихъ не уступаетъ себя. Можно подумать, слѣдя за мастерскимъ изображеніемъ этой среды у нашего автора, что для людей ея существуетъ особо приставленная къ нимъ Немезида, которая поражаетъ ихъ безсиліемъ на полудорогѣ ко всякому предпріятію и постоянно оставляетъ въ ихъ рукахъ пыль и прахъ, вмѣсто искомаго и желаннаго добра. Ничего не удается имъ, и все валится изъ ихъ рукъ. Даже чувство и мысль, самыя простыя и общечеловѣческія въ ограниченномъ значеніи эпитета, или приносятъ не тѣ плоды, какіе отъ нихъ обыкновенно получаются, или разрѣшаются по прошествіи нѣкотораго времени въ нѣчто похожее на свою пародію и карикатуру. Молодой Пьеръ Безухій, способный понимать добро и нравственное достоинство, женится на свѣтской Лансѣ, столь же распутной, сколько и глупой по природѣ. Кн. Болконскій, со всѣми задатками серіознаго ума и развитія, выбираетъ въ жены добренькую и пустенькую свѣтскую куколку, которая составляетъ несчастіе его жизни, хотя онъ и не имѣетъ причинъ на нее жаловаться; сестра его, княжна Марія, спасается отъ ига деспотическихъ замашекъ отца и постоянно-уединенной деревенской жизни въ теплое и свѣтлое религіозное чувство, которое кончается связями съ бродягами-святошами и т. д. Такъ настойчиво возвращается въ романѣ эта плачевная исторія съ лучшими людьми описываемаго общества, что подъ конецъ, при всякой картинѣ, гдѣ-либо зачинающейся юной и свѣжей жизни, при всякомъ разсказѣ объ отрадномъ явленіи, обѣщающемъ серіозный или поучительный исходъ, читателя беретъ страхъ и сомнѣніе: вотъ, вотъ и они обманутъ всѣ надежды, измѣнятъ добровольно своему содержанію и поворотятъ въ непроходимые пески пустоты и пошлости, гдѣ и пропадутъ. И читатель почти никогда не ошибается; они дѣйствительно туда поворачиваютъ и тамъ пропадаютъ. Но, спрашивается — какая же безпощадная рука, и за какіе грѣхи, отяготѣла надъ всей этой средой... Что такое случилось? Повидимому, ничего особеннаго не случилось. Общество невозмутимо живетъ на томъ же крѣпостномъ правѣ, какъ и его предки; Екатерининскіе

Digitized by Google

заемные банки открыты для него такъ же, какъ и прежд
двери къ пріобрѣтенію фортуны и къ разоренію себя
службѣ точно такъ же стоятъ параспашку, пропуск
всѣхъ, у кого есть право на проходъ черезъ нихъ; нак
нецъ, никакихъ новыхъ дѣятелей, перебивающихъ дорог
портящихъ ему жизнь и путающихъ его соображенія —
романѣ графа Л. Н. Толстого вовсе не показано. Отчего
однако общество это, еще въ концѣ прошлаго столѣті
вѣрившее въ себя безгранично, отличавшееся крѣпост
своего состава и легко справлявшееся съ жизнію,—тепер
по свидѣтельству автора, никакъ не можетъ устроить
по своему желанію, распалось на круги, почти презирающ
другъ друга, и поражено безсиліемъ, которое лучшимъ лю
дямъ его мѣшаетъ даже и опредѣлить, какъ самихъ себ
такъ и ясныя цѣли для духовной дѣятельности. Подумайт
что между 1796 и 1805 годомъ, когда начинается роман
Толстого, протекло только девять лѣтъ! Какъ могла совер
шиться въ такой незначительный промежутокъ времени та
кая сильная перемѣна?

Невольно и само собою представляется мысли читател
предположеніе, что романъ, пожалуй, ошибся въ одномъ из
двухъ: или онъ просмотрѣлъ, оставивъ безъ надежнаго пред
ставителя какое-то новое, могущественное начало, появив
шееся въ русской жизни и успѣвшее, въ теченіе 10—15 лѣтъ
незамѣтно подорвать вѣру общества въ основанія, на кото
рыхъ оно жило спокойно дотолѣ; или картина несостоятель
ности этого общества въ первое десятилѣтіе нашего столѣ
тія, и особенно нравственныхъ страданій его, преимуществен
но выражаемыхъ лицомъ князя Андрея Болконскаго, сильно
преувеличена и составляетъ нѣкотораго рода анахронизмъ.
Мы думаемъ, съ своей стороны, что романъ отчасти заслу
жилъ этотъ упрекъ не по одному изъ этихъ пунктовъ, а по
обоимъ вмѣстѣ.

Намъ не приходится учить такого мастера и художника
какъ гр. Толстой, по профессіи романиста; поэтому мы н
позволяемъ себѣ выразить только скромное сожалѣніе объ
отсутствіи въ его книгѣ всякого намека на тѣ начал

Digitized by Google

прямо исшедшія отъ правительства описываемой эпохи, которыя, между многими другими послѣдствіями своими, имѣли и то, что предоставили высшее наше общество суетливымъ хлопотамъ по отысканію настоящаго смысла современныхъ явленій и всего броженія разстроенной силы, нѣкогда видѣвшей ясно свое призваніе, а теперь принужденной гоняться за призваніемъ по всѣмъ лабиринтамъ соціальныхъ, мистическихъ и всяческихъ ученій. Начала эти и прежде были знакомы многимъ на Руси, но они пріобрѣли угрожающій видъ только съ той минуты, когда къ нимъ склонилось правительство, отъ котораго всегда зависѣла и всегда будетъ зависѣть у насъ участь передовыхъ классовъ общества. Опредѣлить этотъ новый, дѣйствующій принципъ, конечно, можно: но опредѣленіе его потребовало бы долгаго развитія, между тѣмъ, какъ онъ весьма хорошо объясняется разницей воззрѣній, существовавшихъ у правительства и высшаго общества на ихъ общаго врага Наполеона I. И то и другое, съ малыми перерывами, употребили первыя пятнадцать лѣтъ столѣтія на энергическую борьбу съ безцеремоннымъ завоевателемъ. Не разъ борьба эта служила и патріотической связью между ними, такъ же точно, какъ она же родила часто и всѣ слои населенія имперіи въ одномъ чувствѣ народной чести, національнаго достоинства. Императоръ французовъ былъ символомъ брани по ту сторону Нѣмана, но онъ устроивалъ миръ и патріотическое общеніе интересовъ внутри Россіи. Со всѣмъ тѣмъ, правительство и высшее общество подразумѣвали нѣчто иное, когда единогласно называли Наполеона „возмутителемъ спокойствія Европы“, „нарушителемъ общихъ правъ“, и т. д. Подъ покровомъ одинаково выражавшагося негодованія, а въ главные моменты борьбы — и одинаковой ненависти, таилось у правительства и высшаго общества вплоть до 1812 года различное пониманіе своихъ словъ. Правительство, какъ и слѣдуетъ всякой законной и сильной власти, оскорблялось преимущественно у Наполеона его системой попиранія всѣхъ основаній прежней политической исторіи, его презрѣніемъ къ самымъ старымъ монархіямъ въ Европѣ, его игрой престолами и трактатами, всѣми

Digitized by Google

признанными; но оно не имѣло ничего противъ новаго стро государственной и общественной жизни, котораго онъ был представителемъ. Правительство Александра I относилось н только не враждебно, но дружелюбно къ принципамъ, унасл дованнымъ Наполеономъ отъ французской революціи и ин воплощаемымъ, посредствомъ новыхъ династій въ Европѣ Оно нисколько не думало бороться съ такими основаніям каковы: равенство всѣхъ гражданъ передъ судомъ, свобод личности, отрицаніе сословныхъ привиллегій, право каждаг на всякую степень въ государствѣ, подъ условіемъ труд и способности и проч. Совсѣмъ наоборотъ, оно думало усво ить ихъ себѣ и положить въ программу собственной своей дѣятельности, со включеніемъ, какъ кажется, и принцип совѣщательныхъ собраній, который никогда не отвергался французскимъ императоромъ, а только заслонялся имъ своей, увѣнчанной славой, особой. Въ такихъ границахъ враща лась вражда къ Наполеону въ правительственныхъ сферах той эпохи. Она, во всякомъ случаѣ, оставляла еще мѣсто другимъ соображеніямъ, даже сочувствію, какъ видимъ изъ попытокъ сближенія съ нимъ...

Совсѣмъ другой видъ имѣла вражда высшаго нашего об щества къ Наполеону: она была полная, безъ оговорокъ и уступокъ. Въ императорѣ французовъ общество это ненави дѣло отчасти и нарушеніе принципа легитимизма, въ чем совершенно сходилось съ правительствомъ, но оно ненави дѣло и тотъ строй, порядокъ жизни, который Наполеономъ олицетворялся. По инстинкту страха и самосохраненія, об щество относилось съ величайшимъ отвращеніемъ точно такъ же къ Наполеону-завоевателю, какъ и къ Наполеону, узаконяющему гражданское наслѣдіе новой европейской исто ріи. Наполеонъ-идея былъ для него столь же противенъ, какъ и Наполеонъ-солдатъ. Подъ мыслію объ опасности для отечества разумѣлось у многихъ, вмѣстѣ съ возможнымъ политическимъ униженіемъ Россіи, и мысль о заразѣ воль нодумными реформами, которыхъ правительство, съ своей стороны, тогда еще нисколько не боялось. Вообще, подра жаніе французамъ, на которое такъ жаловался гр. Ростоп-

Digitized by Google

чинъ, было крайне поверхностное въ обществѣ и ограничивалось ничтожными предметами, конечно, не стоившими жаркихъ филиппикъ этого оригинальнаго патріота. Общество, въ сущности, хотѣло жить по старому.

Когда явились первыя административныя реформы царствованія Александра, онѣ возбудили, какъ извѣстно, ропотъ и сомнѣніе не только въ публикѣ, но и въ нѣкоторой части самой администраціи, имѣвшей причины бояться ихъ духа. Оппозиція не смѣла возвысить голоса внутри имперіи, но она вымѣстила это стѣсненіе на Наполеонѣ, какъ на тайномъ родоначальникѣ всѣхъ русскихъ реформъ. Въ крикахъ общественныхъ кружковъ, такъ хорошо переданныхъ авторомъ при описаніи салона фрейлины Шереръ, противъ Наполеона сказывалось еще и раздраженіе по поводу домашнихъ нашихъ дѣлъ, по поводу реформъ, только-что показавшихся на политическомъ горизонтѣ, и направленіе которыхъ можно было уже предвидѣть. Наполеонъ собиралъ дань гнѣва, слѣдовавшую ему по всѣмъ правамъ, и служилъ проводникомъ оппозиціонной мысли, которую не смѣли послать по настоящему ея адресу. Между общественными и правительственными сферами существовало, такимъ образомъ, въ скрытомъ видѣ довольно сильное разногласіе. Для самой администраціи оно не было серіозной помѣхой на избранномъ ею пути, но оно поколебало общество, оставшееся безъ опоры и повергло его въ то состояніе безпокойства, растерянности, недоумѣнія и безсилія, которое описываетъ авторъ, и которое, обыкновенно, сопровождаетъ первое дѣйствіе новаго начала въ жизни на старыя и отходящія. Вотъ почему мы и выразили сожалѣніе, что авторъ не обратилъ на него вниманія, а показалъ одни результаты его вліянія. Внезапный переворотъ, свершившійся въ высшихъ слояхъ общества, остался, такимъ образомъ, безъ должнаго поясненія; одно историческое звено выкинуто изъ дѣла, и только посильное размышленіе читателя успѣваетъ найти его, работая уже, такъ сказать, за полѣпившагося автора. И въ самомъ дѣлѣ, почти не понятно, какъ могъ авторъ освободить себя отъ

Digitized by Google

необходимости показать рядомъ со своимъ обществомъ присутствіе элемента *разночинцевъ*, получавшаго все болѣе и большее значеніе въ жизни. Два великіе разночинца, Сперанскій и Аракчеевъ, стояли у кормила правленія и не только не дѣлали усилій скрыть свое бѣдное происхожденіе, но гордились имъ и заставляли другихъ чувствовать его, при случаѣ. Дѣти этого новаго, народившагося сословія должны были пробить ряды высшаго дворянства во всѣхъ направленіяхъ; но покамѣстъ въ формѣ самостоятельнаго чиновничества, начинающаго сознавать свою силу, новое сословіе уже распоряжалось матеріальнымъ положеніемъ, дѣлами, а часто вліяніемъ и способностями высокопоставленныхъ лицъ. Изъ него были уже губернаторы, судьи, секретари разныхъ правительственныхъ мѣстъ и проч. На первыхъ порахъ, оружіемъ этой демократіи, скрытой подъ чинами и мундирами, которыми она добывала себѣ значеніе, было лихоимство, притѣсненіе, нажива. Въ театрахъ нашихъ публика еще продолжала смѣяться надъ подьячими и крючкотворцами, думая, что она осмѣиваетъ современные пороки и злоупотребленія, а между тѣмъ въ дѣйствительности, вмѣсто ихъ, существовалъ или начиналъ свое существованіе могущественный и по внѣшнему своему виду весьма приличный классъ людей, который заставлялъ склоняться передъ собой, не покидая своего скромнаго положенія, весьма гордыя головы. Невозможно представить себѣ, чтобъ высшіе круги, изображаемые авторомъ, ничего не знали объ этомъ элементѣ, не чувствовали его вліянія, и не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Чрезвычайно подозрительно это общество *чистѣйшей крови*—pur sang—успѣвшее укрыться отъ историческаго явленія, начинавшаго проникать почти во всѣ отправленія публичной жизни. Изъ видовъ даже простого художническаго расчета можно бы пожелать ему нѣкоторой примѣси сравнительно грубаго, жесткаго и оригинальнаго элемента. Онъ помогъ бы растворить нѣсколько эту атмосферу исключительно графскихъ и княжескихъ интересовъ, выдѣленныхъ, по забывчивости автора, изъ круга другихъ, равносиль-

Digitized by Google

ныхъ имъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, присутствіе въ романѣ новой, отчасти злобной и завистливой, но самоувѣренной и здоровой силы — дало бы возможность читателю отдохнуть нѣсколько отъ постоянно условнаго, иногда манернаго изящества великосвѣтской картины, которую авторъ держитъ передъ его глазами. Мы далеки отъ мысли находить въ этой картинѣ положительное сходство съ рисунками старыхъ севрскихъ и саксонскихъ фарфоровъ (vieux-Sèvres, vieux-Saxe), но не можемъ не сказать, что подъ часъ она невольно напоминаетъ ихъ. Возвращаемся назадъ.

Конечно, были и энтузіасты Наполеона въ этомъ недовольномъ обществѣ, обожавшемъ однакоже своего императора, какъ всѣ его обожали за молодость, красоту, мягкость сердца и умѣренность въ пользованіи своими правами. Авторъ показываетъ намъ такихъ энтузіастовъ Наполеона, положившихъ въ основаніе своихъ протестовъ противъ тогдашней жизни нѣчто подобное соображеніямъ высшаго порядка,—въ двухъ лицахъ, въ Пьерѣ Безухомъ и молодомъ князѣ Андреѣ Болконскомъ. Объ нихъ обоихъ, но всего болѣе о кн. Болконскомъ, можно сказать, что они, по роду своихъ убѣжденій, только номинально принадлежали къ тому обществу, гдѣ судьба привела имъ родиться. Особенно послѣдній — истинный герой романа гр. Толстаго — сколько можно судить по бѣглымъ и еще не конченнымъ очеркамъ этого лица — является намъ человѣкомъ того же самаго закала и направленія, какъ и молодые совѣтники императора Александра I, которыми онъ окружилъ себя, при началѣ царствованія. Та же увѣренность въ себѣ, та же смѣлость въ планахъ и предначертаніяхъ, построенныхъ, безъ участія опыта, на одной собственной, ничѣмъ не провѣренной мысли, то же гуманное, благородное отношеніе къ низшимъ слоямъ общества, при чувствѣ своего превосходства надъ ними, и, наконецъ, то же презрѣніе къ русской жизни, не удовлетворявшей ни въ какой мѣрѣ политическимъ идеаламъ, которые носились передъ ихъ глазами. Только Андрей Болконской не

Digitized by Google

испыталъ блестящей и почетной участи своихъ двойниковъ; оттого недовольство его жизнію и порядкомъ вещей уже связано съ огорченіями и разочарованіями собственной его жизни, какъ и понятно въ безвѣстной единицѣ, пропадающей между рядами окружающей его публики. Со всѣмъ тѣмъ, всякій разъ, какъ онъ выходитъ изъ рядовъ этихъ, онъ носитъ на себѣ печать и обликъ праздпаго министра, не узнаннаго, природнаго совѣтника короны. Въ томъ, кажется, и заключается трагическая сторона его жизни, что онъ *не узнанъ*, и когда онъ говоритъ съ отчаяніемъ о невозможности какого-либо общественнаго труда на Руси, то уже мы знаемъ, что подъ настоящимъ трудомъ онъ подразумѣваетъ только тотъ, который совершается на высшихъ постахъ въ государствѣ—и никакой болѣе.

Это—честолюбецъ, но томящійся вмѣстѣ съ тѣмъ и по доброй, прочной славѣ полезнаго гражданина. Его-то и выбралъ авторъ представителемъ того недовольства, которое, въ отличіе отъ пошлой, слѣпой и корыстной оппозиціи большинства, основывалось на пониманіи истинныхъ условій политическаго развитія обществъ. Здѣсь и встрѣчаемся мы отчасти съ преувеличеніемъ, отчасти съ анахронизмомъ, о которыхъ говорили. Кн. Андрей Болконскій вноситъ въ свою критику текущихъ дѣлъ и вообще въ свои воззрѣнія на современниковъ идеи и представленія, составившіяся объ нихъ въ *наше* время. Онъ имѣетъ даръ предвидѣнія, дошедшій къ нему, какъ наслѣдство, безъ труда, и способность стоять выше своего вѣка, полученную весьма дешево. Онъ думаетъ и судитъ разумно, но не разумомъ своей эпохи, а другимъ, позднѣйшимъ, который ему открытъ благожелательнымъ авторомъ. Онъ умѣлъ счистить съ себя всѣ искреннія, но скучныя и досадныя черты современника той эпохи, о которой говоритъ и въ средѣ которой живетъ. Онъ не можетъ увлекаться, не можетъ состоять подъ вліяніемъ какой-либо замѣчательной личности своего времени, потому что уже знаетъ біографическія подробности и анекдоты о каждой изъ нихъ, собранныя на дняхъ. Ошибокъ онъ тоже не дѣлаетъ, кромѣ тѣхъ, какія

Digitized by Google

дѣлаютъ и источники, откуда онъ почерпнулъ свою сверхъестественную проницательность. Намъ не нужно лучшихъ доказательствъ его знакомства съ работами и изысканіями послѣдняго времени, какъ то обстоятельство, что онъ стыдится своихъ занятій въ комиссіи составленія законовъ, куда онъ попалъ нечаянно начальникомъ отдѣленія. Сослуживцы его, которымъ нельзя отказать въ знаніи и умѣ, поняли невозможность простого переложенія французскаго кодекса на русскіе нравы только послѣ ряда неудачныхъ опытовъ, но Болконскій понялъ это сразу, — потому что превосходитъ ихъ вдохновеннымъ прозрѣніемъ мнѣній, обращающихся *нынѣ* къ исторической литературѣ. Вообще, ему приходятъ въ голову сужденія, которыя современнику эпохи Александра I никогда бы не пришли; но Болконскій современникъ особенный, такой, которому открыто все то, что узнано позднѣе. Мысль его живетъ не съ ровесниками по времени, а съ нынѣшними дилетантами по части новой исторіи Россіи, и отъ нихъ онъ заимствуетъ свой скептицизмъ, свою холодность и трезвость относительно правительственныхъ мѣръ и явленій, изумлявшихъ и волновавшихъ всѣхъ тѣхъ бѣдныхъ людей, которые имѣли несчастіе принадлежать только своему вѣку. Мы даже думаемъ, что роль общественнаго критика, извѣрившагося въ официальныя зачинанія всякаго рода, отзывается у него еще анахронизмомъ. Извѣстно, что только въ 1815—16 годахъ, послѣ трехлѣтней заграничной кампаніи, показалась у насъ партія молодыхъ людей, нашедшихъ жизнь въ Россіи невыразимо пустой и праздной въ сравненіи съ шумомъ, который сопровождалъ движеніе народовъ передъ тѣмъ, и въ сравненіи съ общественными явленіями, которыя возникли на европейской почвѣ вслѣдъ за нимъ. Только тогда впервые зародился у насъ тотъ безусловный скептицизмъ по отношенію къ способности и доброй волѣ администраціи отвѣчать на нужды и потребности общества. До тѣхъ поръ врядъ ли и можно себѣ представить человѣка, равнодушно и величаво относящагося къ такимъ фактамъ и мѣрамъ, какъ возникновеніе государственнаго

Digitized by Google

совѣта, обѣщаніе публичной отчетности по финансовым дѣламъ имперіи, учрежденіе новыхъ народныхъ школъ университетовъ, правила объ обращеніи крестьянъ въ сво бодные хлѣбопашцы, указы объ экзаменахъ на извѣстны чины и проч. и проч. По крайней мѣрѣ, исторія не пред полагаетъ возможности такихъ отношеній между правитель ствомъ и обществомъ въ ту эпоху; но Болконскій, кото рый знаетъ гораздо позднѣйшія идеи, могъ знать и ту которая была къ нему сравнительно ближе и воспользо ваться ею, какъ и всѣми прочими. Такимъ представляется намъ, покамѣстъ, герой романа въ качествѣ передового человѣка своей эпохи: о благородномъ его характерѣ, глу бинѣ психическаго настроенія и трогательной роли въ жиз ни будетъ говорено впослѣдствіи.

Мы останавливаемся здѣсь, не желая и не имѣя права дѣлать какой-либо окончательный выводъ изъ нашихъ словъ до появленія четвертаго и послѣдняго тома замѣчательнаго романа гр. Толстого. Тамъ должна объясниться вполнѣ основная мысль произведенія, картина русскаго быта въ первую половину эпохи Александра, и заключиться зрѣлищемъ самыхъ высокихъ, торжественныхъ ея мгновеній, ко торыя окончательно обнаружатъ все содержаніе завязки ро мана и ея положеніе относительно исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что намъ придется еще многимъ восхищаться въ этомъ, нетерпѣливо ожидаемомъ томѣ, и по многому предлагать вопросы; но мы сдѣлаемъ это съ той же откровенностію и съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ къ необычайно-та лантливому автору и къ его произведенію, составляющему эпоху въ исторіи русской беллетристики.

П. Анненковъ.

* * *

*) Два года тому назадъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ *Тысяча восемьсотъ пятый годъ*, печаталось на чало новаго романа графа Толстого, котораго нынѣ посту-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., № 1. Статья П. Щебальскаго, подъ заглавіемъ: *Война и миръ*, соч. гр. Л. Н. Толстого. Москва 1868 г. Томы I, II и III.

Digitized by Google

вило въ продажу три тома. По слухамъ, ихъ будетъ еще два; передъ нами, слѣдовательно, далеко не все новое произведеніе нашего даровитаго романиста, но даже и теперь можно съ увѣренностію сказать, что оно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій русской литературы и свидѣтельствуетъ, что талантъ графа Толстого находится еще въ порѣ своего развитія. Ни въ одномъ изъ прежнихъ его сочиненій не обнаруживалось столько силы, такого широкаго замысла, такого богатства красокъ и разнообразія въ рисункѣ, какъ въ новомъ, еще не вполнѣ отпечатанномъ его романѣ. *Война и миръ*, — таково названіе этого романа. Самое заглавіе его заставляетъ догадываться, что авторъ поставилъ себѣ обширную задачу — изобразить русское общество въ ту тревожную эпоху, когда жестокія войны прерывались, уступая мѣсто кратковременному миру съ тѣмъ, чтобы возгорѣться съ новою яростію. Дѣйствительно, романъ графа Толстого начинается 1805-мъ годомъ и окончится, какъ слышно, 1812-мъ: богатая тема для даровитаго романиста!

Богатая, да; но, какъ намъ кажется, не совсѣмъ благодарная. По крайней мѣрѣ, намъ случалось слышать замѣчанія, что отъ романа графа Толстого не достаточно вѣетъ эпохой, — замѣчаніе, съ которымъ, однакожъ, мы отнюдь не согласны. *Война и миръ* есть романъ историческій, а принимаясь за подобный романъ, каждый невольно вспоминаетъ Вальтеръ-Скотта; но не всѣ, можетъ быть, принимаютъ при этомъ во вниманіе то, что англійскій романистъ заимствовалъ свои сюжеты изъ временъ весьма отдаленныхъ, въ изображеніи которыхъ, разумѣется, гораздо ощутительнѣе букетъ эпохи, между тѣмъ какъ художественное изображеніе эпохи, отдѣленной отъ насъ полувѣкомъ, требуетъ отъ автора чертъ весьма тонкихъ, а отъ читателя большого вниманія и, такъ сказать, тонкости органовъ. Люди 1805—1812 годовъ почти тѣ же и дѣйствуютъ почти при той же обстановкѣ, какъ и люди настоящаго поколѣнія, одно это *почти* отдѣляетъ ихъ отъ насъ, и это, кажется намъ, достаточно ясно выражено графомъ

Digitized by Google

Толстымъ. Оглянитесь, и вы не найдете вокругъ себя н старо-гусарскаго типа, который выведенъ въ лицѣ Денисова, ни помѣщиковъ, которые разорялись бы такъ ж добродушно, какъ графъ Ростовъ (нынѣ тоже разоряются но при этомъ сердятся), ни доѣзжачихъ, ни масоновъ, н всеобщаго (мы говоримъ, *всеобщаго*) лепета на языкѣ, представляющемъ смѣсь „французскаго съ нижегородскимъ". А съ другой стороны, сколько осязательной связи съ настоящею, теперешнею современностію! Какъ живо чувствуется, что эти Ростовы только что сошли въ могилу, оставивъ свои преданія и — свои долги сыновьямъ своимъ; какъ близокъ къ нимъ типъ реформатора Сперанскаго, или пожилой фройлины Annette Шереръ, которая, вмѣстѣ съ княжной Болконскою, исчерпываетъ типъ извѣстнаго рода русскихъ патріотокъ!.. Если бы цѣль графа Толстого состояла исключительно въ томъ, чтобы нарисовать яркую историческую картину, конечно, онъ лучше сдѣлалъ бы, взявъ сюжетъ изъ XVII вѣка; но нашъ романистъ — психологъ по преимуществу, и мы полагаемъ, что съ этой стороны люди ближайшихъ къ намъ эпохъ представляютъ гораздо болѣе интереса. Но замѣтьте при этомъ: нигдѣ въ романѣ графа Толстого вы не найдете ничего тенденціознаго, ни одной замашки тѣхъ господъ, которые ежедневно проповѣдуютъ намъ, и въ романахъ и въ драмахъ, то западничество, то славянофильство, то гражданскій бракъ, то Жанъ-Жакову методу воспитанія...

Посмотрите: въ тѣсной рамѣ трехъ небольшихъ томовъ художникъ нарисовалъ по менѣе полусотни фигуръ, и каждая изъ нихъ есть живая, осязаемая личность, каждая имѣетъ свою особую физіономію, которую, кажется, вы когда-то и гдѣ-то видали; вамъ хочется назвать этихъ людей, и вы удивляетесь, отчего вамъ никогда не приходило въ голову написать ихъ портреты. Не говоримъ о лицахъ, выведенныхъ на первый планъ, но назовемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые появляются на минуту, эпизодически, которыхъ авторъ могъ бы вовсе не выводить на сцену, если бъ изъ-подъ пера его не сыпались типы съ такимъ

Digitized by Google

же обиліемъ, съ какимъ мелодіи лились съ пера Россини. Не живые ли люди эта Марья Дмитріевна Ахросимова, этотъ дипломатъ Билибинъ, этотъ превосходный офицеръ нѣмецкаго происхожденія Бергъ, этотъ дядя Ростовыхъ, не имѣющій, кажется, и фамиліи, эта ключница Анисья, эти псари, кучера, этотъ австрійскій генералъ Макъ, произносящій не болѣе десяти словъ и остающійся на сценѣ не болѣе десяти минутъ! Графъ Толстой находитъ возможность положить печать особенности даже на первенствующихъ борзыхъ собакъ въ охотахъ Ростовыхъ и ихъ сосѣдей... Въ чемъ же заключается тайна автора? Какъ могъ онъ, давая такъ мало мѣста каждой фигурѣ, сообщить ей столько жизни и живости? Тайна автора заключается въ необыкновенной самобытности его таланта и въ необыкновенной вѣрности его взгляда. Благодаря этой вѣрности взгляда, онъ улавливаетъ какъ въ нравственномъ образѣ человѣка, такъ и въ его внѣшности именно тѣ черты, которыя его характеризуютъ, а благодаря самобытности своего таланта, онъ находитъ въ запасѣ словъ именно такое, которое столько же мѣтко, сколько и оригинально. Въ новомъ романѣ графа Толстого, какъ и въ прежнихъ его сочиненіяхъ, можно безъ всякой придирчивости найти множество поводовъ къ замѣчаніямъ; но никто никогда, конечно, не находилъ въ немъ того, что можно было бы назвать общимъ мѣстомъ, избитою фразой, выраженіемъ, потерявшимъ выпуклость, отъ употребленія. Прослѣдите, напримѣръ, за манерой автора писать портреты своихъ дѣйствующихъ лицъ; у него собственно нѣтъ описаній, т.-е. такихъ мѣстъ, читая которыя, вы могли бы, черта за чертой, нарисовать фигуру; но зато двѣ-три особенности изображаемой фигуры выставлены такъ выпукло, такъ отчеканены необычайно-мѣткимъ словомъ автора, что даровитый рисовальщикъ тотчасъ набросаетъ по нимъ самый живой и оконченный образъ. То же самое замѣчается и относительно цѣлыхъ сценъ и положеній: у графа Толстого есть такіе штрихи, которые одушевляютъ цѣлыя страницы, цѣлыя главы. Такъ, напримѣръ, во второмъ томѣ *Вой-*

Digitized by Google

мы и *мира* есть глава, въ которой описывается поѣзд молодого Ростова въ Тильзитъ съ цѣлью подать импер тору Александру просьбу о помилованіи провинившагос друга своего, Денисова. Глава эта, говоря сравнительн довольно блѣдна; но вотъ Ростову указываютъ *дежурну* куда совѣтуютъ обратиться съ его дѣломъ; онъ отворяе дверь:

„Невысокій, полный человѣкъ, лѣтъ тридцати, въ б лыхъ панталонахъ, ботфортахъ и въ одной, видно, толь что надѣтой, батистовой рубашкѣ, стоялъ въ этой ком тѣ; камердинеръ застегивалъ ему сзади шитыя шелко прекрасныя, новыя помочи, которыя почему-то замѣти Ростовъ. Человѣкъ этотъ разговаривалъ съ кѣмъ-то бы шимъ въ другой комнатѣ.

— „Bien faite et la beauté du diable! говорилъ этот человѣкъ и, увидавъ Ростова, пересталъ говорить и н хмурился.

— Что вамъ угодно? Просьба?..

— „Qu'est ce que c'est? спросилъ кто-то изъ друго комнаты.

— „Encore un petitionnaire, отвѣчалъ человѣкъ въ по мочахъ.

— „Скажите ему, что послѣ. Сейчасъ выйдетъ, изл ѣхать.

— „Послѣ, послѣ, завтра. Поздно...

„Ростовъ повернулся и хотѣлъ выйти, но человѣкъ в помочахъ остановилъ его.

— „Отъ кого? Вы кто?

— „Отъ маіора Денисова, отвѣчалъ Ростовъ.

— „Вы кто? офицеръ?

— „Поручикъ графъ Ростовъ.

— „Какая смѣлость! По командѣ подайте. А сами идт те, идите...

„И онъ сталъ надѣвать подаваемый камердинеромъ мун диръ*.

Или мы очень ошибаемся, или этотъ господинъ въ ши тыхъ помочахъ и батистовой рубашкѣ, комфортабельно ра

Digitized by Google

говаривающій о какой-то актрисѣ или трактирщицѣ на другой день послѣ Фридланда, когда госпитали не вмѣщали раненыхъ и больныхъ, когда только что подписанъ былъ тяжелый Тильзитскій миръ, освѣщаетъ всю среду, называемую главною квартирой!

Возьмемъ другой примѣръ. Послѣ описанной коротенькой сценки въ *дежурной*, авторъ приводитъ своего читателя на площадь, гдѣ происходитъ разводъ отъ Преображенскаго полка въ присутствіи обоихъ императоровъ: опять картина довольно обыкновенная, при чемъ разсказывается весьма извѣстный фактъ о томъ, что Наполеонъ навѣсилъ Légion d'honneur одному русскому гренадеру. Вызванный солдатъ выступилъ изъ рядовъ, говоритъ графъ Толстой:

„Наполеонъ чуть поворотилъ голову назадъ и отвелъ назадъ свою маленькую пухлую ручку, какъ будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись въ ту же секунду въ чемъ дѣло, засуетились, зашептались, передавая что-то одинъ другому, и пажъ, — тотъ самый, котораго вчера видѣлъ Ростовъ у Бориса, выбѣжалъ впередъ, и почтительно наклонившись надъ протянутою рукой и не заставивъ ее дожидаться ни одной секунды, вложилъ въ нее орденъ на красной ленгѣ. Наполеонъ, не глядя, сжалъ два пальца. Орденъ очутился между ними...“

Не открываютъ ли эти нѣсколько строкъ цѣлаго міра отношеній между *маленькимъ капраломъ* и его дворомъ? Не выражено ли этимъ небрежнымъ движеніемъ руки Наполеона все, что можно сказать на тему: „властелинъ Франціи?“

Вотъ одна изъ особенностей нашего автора. Другая заключается въ необычайной его искренности и правдивости. Для него ни что, совершающееся въ человѣкѣ, не маловажно и не безынтересно; онъ все высматриваетъ и все подмѣчаетъ, а подмѣтивъ, не хочетъ и не можетъ маскировать, а тѣмъ не менѣе скрывать, но тотчасъ же фотографируетъ своимъ своеобразнымъ словомъ съ необыкновенною и нерѣдко безпощадною точностію. Князь Василій Курагинъ хочетъ, во что бы ни стало, выдать свою дочь за графа Пьера Безухаго, толстаго, разсѣяннаго добряка

Digitized by Google

и богача. Молодыхъ людей нарочно оставляютъ вдвоемъ, имъ приготовляютъ всевозможныя удобства, а Пьеръ еще и не замѣтилъ, что Еленъ (Helène) пластическою красотой своей напоминаетъ богинь Олимпа. Но вотъ однажды они сидѣли вечеромъ у стола и вели между собой довольно вялый разговоръ.

„Тетушка говорила въ это время о коллекціи табакерокъ, которая была у покойнаго отца Пьера, графа Безухаго, и показала свою табакерку. Княжна Еленъ попросила посмотрѣть портретъ мужа тетушки, который былъ сдѣланъ на этой табакеркѣ.

— „Это, вѣрно, дѣлано Винесомъ, сказалъ Пьеръ, называя извѣстнаго миніатюриста, нагибаясь къ столу, чтобы взять въ руки табакерку и прислушиваясь къ разговору за другимъ столомъ. Онъ привсталъ, желая обойти, но тетушка подала табакерку прямо черезъ Еленъ, позади ея. Еленъ нагнулась впередъ, чтобы дать мѣсто и, улыбаясь, оглянулась. Она была какъ и всегда на вечерахъ, въ весьма открытомъ, по тогдашней модѣ, спереди и сзади платьѣ. Ея бюстъ казавшійся всегда мраморнымъ Пьеру, находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ его глазъ, что онъ своими близорукими глазами невольно различалъ живую прелесть ея плечъ и шеи, и такъ близко отъ его губъ, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться до нея. Онъ слышалъ тепло ея тѣла, запахъ духовъ и скрипъ ея корсета при движеніи. Онъ видѣлъ не ея мраморную красоту, составлявшую одно цѣлое съ ея платьемъ, онъ видѣлъ и чувствовалъ всю прелесть ея тѣла, которое было закрыто только одеждой. И разъ увидавъ это, онъ не могъ видѣть иначе, какъ мы не можемъ возвратиться къ разъ объясненному обману".

Нельзя не согласиться, что нашъ авторъ поразительными чертами изобразилъ это „страстное, звѣрское чувство", которое свойственно человѣку; но нельзя не сказать, съ другой стороны, что замѣчательный реализмъ его таланта приводитъ его на ту черту, за которою кончается область художества. Старая фрейлина Пронская собирается на балъ;

Digitized by Google

она похожа на развалину, но, говоритъ авторъ, „такъ же было надушено, вымыто, напудрено ея старое, некрасивое тѣло; такъ же старательно промыто за ушами“... И подобныхъ мѣстъ много въ романѣ графа Толстого. Но особенно много у него такихъ, гдѣ авторъ какъ бы играетъ съ тѣмъ „страстнымъ звѣрскимъ чувствомъ“, о которомъ сказано выше. Вотъ одно изъ нихъ еще. Наташа Ростова невѣста князя Андрея Болконскаго; она, какъ ей кажется, влюблена въ своего жениха, который находится за границей, и о разлукѣ съ нимъ она сокрушается, проводя скучную зиму въ деревнѣ. Но женихъ ея скоро долженъ возвратиться. Ее везутъ въ Москву, гдѣ дѣлаютъ ей приданое, и гдѣ она съ часу на часъ ожидаетъ возвращенія князя Андрея. Въ театрѣ она замѣчаетъ очень краснваго адъютанта, Анатолія Курагина, и Анатолій тоже замѣчаетъ ее. Онъ входитъ въ ложу сестры своей, Еленъ Безухой, гдѣ Наташа находится, садится возлѣ нея, придвигается къ ней очень близко, начинаетъ съ ней разговаривать, какъ старый знакомый, ласково и упорно смотритъ на нее.

„Говоря это, онъ не спускалъ улыбающихся глазъ съ лица, съ шеи, съ оголенныхъ рукъ Наташи. Наташа несомнѣнно знала, что онъ восхищается ею. Ей было это пріятно, но почему-то ей тѣсно и тяжело становилось отъ его присутствія. Когда она не смотрѣла на него, она чувствовала, что онъ смотрѣлъ на ея плечи, и она невольно перехватывала его взглядъ, чтобъ онъ ужъ лучше смотрѣлъ на ея глаза. Но глядя ему въ глаза, она со страхомъ чувствовала, что между нимъ и ею совсѣмъ нѣтъ той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама не зная какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно близкою къ этому человѣку. Когда она отворачивалась, она боялась, какъ бы онъ сзади не взялъ ее за голую руку, не поцѣловалъ бы ее въ шею. Они говорили о самыхъ простыхъ вещахъ, и она чувствовала, что они близки, какъ она никогда не была съ мужчиной. Наташа оглядывалась на Еленъ и на отца, какъ будто спрашивая ихъ, что̀ такое это зна-

Digitized by Google

чило; но Елена была занята разговоромъ съ какимъ-то генераломъ, и не отвѣтила на ея взглядъ, а взглядъ отца ничего не сказалъ ей, какъ только то, что онъ всегда говорилъ: „весело, ну я и радъ“.

Вотъ первое впечатлѣніе. Оно было совершенно ново и не непріятно Наташѣ, такъ не непріятно, что она чувствуетъ себя очень расположенною ѣхать нѣсколько дней спустя къ графинѣ Безухой, гдѣ непремѣнно встрѣтитъ ея брата. Дѣйствительно, она встрѣтила его и тотчасъ же почувствовала „отсутствіе нравственныхъ преградъ между ею (собою) и имъ“. Чѣмъ кончились отношенія, начавшіяся такимъ образомъ, читатель узнаетъ изъ романа графа Толстого (если онъ не прочелъ еще его); мы же скажемъ, что подобныя положенія спасаются отъ цинизма, лишь благодаря тому вліянію чувства высокой нравственности, которое носится надъ всѣми сочиненіями этого писателя. Но горе тому, кто вздумалъ бы ему подражать!

Будемъ слѣдить далѣе за особенностями нашего замѣчательнаго романиста. Графъ Толстой по преимуществу наблюдатель и психологъ. Но такъ какъ онъ въ то же время художникъ и поэтъ,—то-есть человѣкъ, такъ сказать, думающій образами,—то результаты своихъ наблюденій онъ передастъ не въ видѣ скучнаго анализа, а живыми представленіями. Онъ не задастъ себѣ вопроса: „Что могъ бы сдѣлать такой-то въ такомъ-то положеніи? Что могъ бы онъ чувствовать и что могъ бы сказать?“ Въ его фантазіи одновременно создается и положеніе и роль въ ономъ дѣйствующаго лица: качество драгоцѣнное, безъ котораго невозможно быть ни хорошимъ романистомъ, ни хорошимъ драматургомъ. Но намъ кажется, что графъ Толстой недостаточно разборчивъ въ предметѣ своихъ наблюденій, и нерѣдко впадаетъ въ мелочность. Выразимъ нашу мысль яснѣе. Графъ Толстой, какъ мы сказали, обладаетъ необыкновенною силой взгляда. Воображаемыя лица стоятъ передъ нимъ какъ живые натурщики; онъ ихъ разсматриваетъ, поворачиваетъ, заставляетъ дѣлать движенія, и какъ скоро подмѣтитъ какую-нибудь черту, затрогивающую его художественное чув-

Digitized by Google

ство, тотчасъ отмѣчаетъ ее на бумагѣ. Что за дѣло ему, что эта черта тонка какъ волосъ, что это движеніе души мимолетно: поэтому-то самому оно ему и дорого! Да и какъ не дорожить! Это перлъ, добытый изъ самыхъ глубокихъ безднъ души человѣческой, это алмазъ, вырванный изъ таинственныхъ нѣдръ природы! И такихъ алмазовъ у графа Толстого множество. Но, по нашему мнѣнію, они иногда портятъ общій эффектъ картины... Чтобъ еще болѣе выяснить нашу мысль, сопоставимъ различные способы изображать характеры. Писатели прежняго времени брали человѣка en bloc. У нихъ были герои или добродѣтельные или порочные, твердые или слабохарактерные, прямодушные или лукавые; оттѣнковъ они не дѣлали; добродѣтель была 84-й пробы, порокъ изображался „безъ смягчающихъ обстоятельствъ". Фигуры, которыя такимъ образомъ выходили, были точно обведены карандашемъ Альберта Дюрера: сухія, холодныя и безжизненныя, но твердо поставленныя. Новѣйшая школа писателей поступаетъ иначе. Она избѣгаетъ слишкомъ опредѣленныхъ чертъ; она выходитъ изъ той точки зрѣнія, что нѣтъ въ природѣ ни безусловно добродѣтельныхъ, ни абсолютно порочныхъ людей, ни храбрецовъ, которые когда-нибудь не трусили бы, ни трусовъ, которые хоть разъ въ жизни не обнаружили бы смѣлости Задавшись такою, совершенно справедливою мыслію, они *накладываютъ* (выражаясь языкомъ живописцевъ) тонъ,— положимъ,—храбрости, но тотчасъ же накидываютъ на него полутоны, начинаютъ доискиваться, почему человѣкъ храбръ, точно ли онъ храбръ, какого рода его храбрость: отъ пылкости, отъ самолюбія ли она происходитъ? есть ли она результатъ убѣжденія и силы воли надъ слабостію нервовъ, или тупого непониманія опасности, или же страха передъ судомъ свѣта?... Но такъ или иначе, только послѣ всѣхъ этихъ изысканій оказывается, что нашъ храбрецъ есть трянка, и что весь свѣтъ пошло ошибается, почитая его храбрецомъ... Къ такимъ-то послѣдствіямъ приводитъ злоупотребленіе психологическимъ анализомъ,—и, признаемся откровенно, намъ кажется, что графъ Толстой не из-

Digitized by Google

бѣгаетъ упрека въ этомъ недостаткѣ, происходящемъ отъ избытка въ немъ силы наблюденія. Возьмемъ для примѣра одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ его романѣ, князя Андрея Болконскаго. Въ первыхъ главахъ мы видимъ въ немъ молодого человѣка, чрезвычайно самолюбиваго и честолюбиваго, сильно вѣрующаго въ свои дарованія, расположеннаго работать серіознымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать карьеру, и встрѣтившаго въ жизни своей лишь одного человѣка, къ которому онъ чувствуетъ почтеніе: къ отцу своему, „одному изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени“. Все остальное или возбуждаетъ его презрѣніе, или не возбуждаетъ ровно ничего. Въ высшихъ кругахъ петербургскаго общества онъ появляется на минуту, бросаетъ направо и налѣво нѣсколько разсѣянныхъ словъ, опускается на кресло, какъ надломленный, и ходитъ не расправляя колѣнъ: они расправляются только тогда, когда онъ входитъ въ кабинетъ своего отца, да еще подъ пулями. Только съ отцомъ своимъ, да еще съ Пьеромъ Безухимъ Андрей говоритъ серіозно, при чемъ, однакожъ, онъ говоритъ Пьеру *ты*, а тотъ ему *вы*. Всѣ эти черты развиты въ сотнѣ различныхъ положеній въ первомъ томѣ романа: при прощаніи князя Андрея съ отцомъ и беременною женой, когда онъ ѣдетъ въ армію адъютантомъ Кутузова, въ сношеніяхъ его съ товарищами, надъ которыми онъ безусловно господствуетъ, въ отношеніи его къ Кутузову, который оказываетъ ему особенное вниманіе, въ аудіенціи съ императоромъ Французовъ, надъ которымъ чувствуется его нравственное превосходство, наконецъ, въ сраженіи подъ Аустерлицомъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ долженъ дѣйствовать человѣкъ съ его честолюбіемъ и его энергіей. Но на Аустерлицкомъ полѣ съ нимъ совершается нѣчто новое, неожиданное. Разскажемъ этотъ важный моментъ въ жизни князя Андрея словами самого автора... (Слѣдуетъ выписка изъ романа, начинающаяся словами:—„Болконскій, прошепталъ Кутузовъ дрожащимъ отъ сознанія своего старческаго безсилія голосомъ.—Болконскій, прошепталъ онъ, указывая на разстроенный баталіонъ...“ Выписка заканчи-

Digitized by Google

вается фразой: „Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу!...".

Едва переживъ свою рану, Болконскій уѣзжаетъ въ деревню. Честолюбіе его вогнато внутрь; онъ становится раздражителенъ и начинаетъ напоминать отца своего, котораго вѣрно не забыли читатели *Русскаго Вѣстника*. Но въ то же время вліяніе другого рода оказываютъ на него деревенская тишина, присутствіе маленькаго сына, который родился въ его отсутствіе, наконецъ, невольное раскаяніе въ томъ, что онъ слишкомъ явно обнаруживалъ пренебреженіе къ женѣ своей, умершей, когда онъ гонялся за славой. Личность князя Андрея, поставленная подъ такое двойное освѣщеніе, изображена въ нѣсколькихъ мастерскихъ сценахъ. Въ это время наѣзжаетъ къ нему Пьеръ Безухій сдѣлавшійся между тѣмъ масономъ, и двойственность борющихся въ его душѣ вліяній блеститъ въ разговорѣ между ними самыми яркими красками. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, князю Андрею пришлось куда-то выѣхать..." (Слѣдуетъ выписка изъ романа, начинающаяся словами: „Проѣхали перевозъ, на которомъ онъ годъ тому назадъ говорилъ съ Пьеромъ"... и кончающаяся словами: „Нѣтъ, жизнь не кончена въ тридцать одинъ годъ, вдругъ окончательно, безповоротно рѣшилъ князь Андрей").

Все это прекрасно, прекрасно и прекрасно; но не забудемъ: князь Андрей рѣшилъ „безповоротно", что онъ возвращается къ жизни. Посмотримъ же, поведетъ ли его авторъ твердымъ шагомъ къ возрожденію. Князь Андрей ѣдетъ въ Петербургъ и встрѣчается со Сперанскимъ, находившимся въ апогеѣ своей силы. Онъ принимаетъ участіе въ работахъ знаменитаго реформатора и до нѣкоторой степени испытываетъ на себѣ его вліяніе или, по крайней мѣрѣ, то чувство уваженія и признанія его достоинствъ, которое до сихъ поръ онъ питалъ въ отношеніи одного только отца своего. Въ самый день открытія государственнаго совѣта, онъ обѣдаетъ у Сперанскаго. Наканунѣ онъ былъ на балѣ. „Отъ усталости или отъ безсонницы день былъ нехорошій для занятій". Къ нему между тѣмъ навернулся

Digitized by Google

нѣкто Бицкій и съ непомѣрнымъ восхищеніемъ разсказалъ всѣ обстоятельства открытія государственнаго совѣта.

„Князь Андрей слушалъ разсказъ объ открытіи государственнаго совѣта, котораго онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ и которому приписывалъ такую важность, и удивлялся, что событіе это теперь, когда оно совершилось, не только не трогало его, но представлялось болѣе чѣмъ ничтожнымъ. Онъ съ тихою насмѣшкой слушалъ восторженный разсказъ Бицкаго. Самая простая мысль приходила ему въ голову. „Какое дѣло мнѣ и Бицкому, какое дѣло намъ до того, что̀ государю угодно было сказать въ совѣтѣ? Развѣ все это можетъ сдѣлать меня счастливѣе и лучше?“

„И это простое разсужденіе вдругъ уничтожило для князя Андрея весь прежній интересъ совершаемыхъ преобразованій“.

Странно! неужели вліяніе усталости или напускной восторгъ пустомели могъ вдругъ совершенно измѣнить образъ мыслей такого человѣка, какимъ мы знаемъ князя Андрея? Если же это не что̀ иное какъ мимолетное впечатлѣніе, то стоило ли отмѣчать его?.. Но пойдемъ далѣе. Болконскій ѣдетъ къ Сперанскому...“ (Приводится изъ романа описаніе обѣда у Сперанскаго).

„Обѣдъ у Сперанскаго принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ сценамъ во всемъ романѣ; невозможно нарисовать болѣе живой, болѣе осязательной картины болѣе тонкими, почти неуловимыми чертами. Но что̀ же однако? Тотъ ли передъ нами князь Андрей, котораго мы видѣли въ 1805 году? Если разочарованіе насчетъ Сперанскаго и очарованіе въ отношеніи Дрона-старосты были въ немъ впечатлѣніемъ мимолетнымъ, то о немъ не стоило и упоминать, подобно множеству другихъ мимолетныхъ впечатлѣній, которыя онъ испыталъ въ продолженіе тридцати лѣтъ своей жизни; если же впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ разсказа Бицкаго и обѣда у Сперанскаго, оставили въ немъ слѣдъ, то, повторяемъ: тотъ ли это честолюбивый человѣкъ, „одаренный практическою цѣпкостію“, котораго мы

Digitized by Google

знали прежде? Что же онъ теперь сдѣлаетъ? Оставитъ Сперанскаго? Станетъ на сторону Балашова или Ростопчина? Поѣдетъ въ деревню, къ своему Дрону-старостѣ?... Ничуть: онъ остается въ Петербургѣ и влюбляется въ Наташу Ростову.

На томъ самомъ балѣ, съ котораго унесъ онъ такую обильную послѣдствіями усталость, князь Андрей увидѣлъ Наташу, танцовалъ съ ней, и „вино ея прелести ударило ему въ голову“. Во время котильона онъ слѣдилъ за нею глазами, когда она порхала по паркету, и вдругъ: „Ежели она подойдетъ прежде къ своей кузинѣ, а потомъ къ другой дамѣ, то она будетъ моею женой“, сказалъ *совершенно неожиданно* самъ себѣ князь Андрей... Что жъ это такое? Неужели мы станемъ слѣдить за всѣми „неожиданными“, стало-быть, совершенно случайными движеніями человѣческаго духа? Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же конецъ роману и гдѣ предѣлы наблюденію? Если на бѣду авторъ сдѣлаетъ предметомъ своихъ наблюденій какого-нибудь нервнаго субъекта, то онъ легко можетъ разогнать свои наблюденія на двѣнадцать томовъ: только это уже будетъ не романъ, а дневникъ психіатра. Но намъ придется поставить еще не одинъ вопросительный знакъ предъ портретомъ князя Андрея. Онъ влюбляется въ Наташу Ростову не на шутку. Лицо его принимаетъ „молодое выраженіе“, онъ пишетъ стихи въ альбомъ Наташи; онъ „никогда не испытывалъ ничего подобнаго“. Онъ нарочно пріѣзжаетъ къ Пьеру Безухому, чтобы высказаться предъ нимъ.

„Это чувство сильнѣе меня“, говорилъ онъ. „Вчера я мучился, страдалъ, но и мученья этого я не отдамъ ни за что въ мірѣ. Я не жилъ прежде. Только теперь я живу, но я не могу жить безъ нея. Но можетъ ли она меня любить? Я старъ для нея... Чтожъ ты не говоришь?“

По время разговора съ Пьеромъ, замѣчаетъ авторъ, князь Андрей казался и былъ совершенно другимъ человѣкомъ; онъ легко и смѣло дѣлалъ планы на продолжительное будущее. Онъ не только фантазировалъ, но поѣхалъ къ отцу за разрѣшеніемъ, готовый, впрочемъ, даже и на ссору

Digitized by Google

съ нимъ, въ случаѣ весьма вѣроятнаго съ его стороны упрямства. И вотъ онъ возвращается, уладивъ кое-какъ дѣло съ несговорчивымъ старикомъ, дѣлаетъ формальное предложеніе, получаетъ формальное согласіе матери невѣсты и признаніе въ любви со стороны Наташи.

— „Ахъ, я такъ счастлива, отвѣчала она, улыбнулась сквозь слезы, нагнулась ближе къ нему, подумала секунду, какъ будто спрашивая себя, можно ли это, и поцѣловала его.

„Князь Андрей держалъ ея руки, смотрѣлъ ей въ глаза, и не находилъ въ своей душѣ прежней любви къ ней. Въ душѣ его вдругъ перевернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желанія, а была жалость къ ея женской и дѣтской слабости, былъ страхъ передъ ея преданностью и довѣрчивостью, тяжелое и вмѣстѣ радостное сознаніе долга, навѣки связавшаго его съ нею. Настоящее чувство, хотя и не было такъ свѣтло и поэтично какъ прежнее, было серіознѣе и сильнѣе“.

Здѣсь мы рѣшительно становимся въ тупикъ. Не то чтобы такой поворотъ казался намъ невозможнымъ: всякія противорѣчія и неожиданности возможны; но какую же цѣль имѣетъ авторъ? Неужели онъ силится показать въ лицахъ, что „всякій человѣкъ есть ложь“, что сердце человѣческое есть „кладезь мрачный?“ Но что-бъ оно ни было, мрачный кладезь или лабиринтъ, авторъ,—который вводитъ въ него читателя, — долженъ умѣть не заблудиться въ немъ! Признаемся, намъ лучше нравятся тѣ лица графа Толстого, отдѣлка которыхъ не доведена, какъ на портретахъ академика Зарянки, до излишества. Онъ, какъ мы уже сказали, имѣетъ завидную способность нѣсколькими мѣткими чертами обрисовывать фигуру такъ, что воображеніе читателя само додѣлываетъ нѣкоторыя детали. Посмотрите, напримѣръ, фигуры стараго князя Болконскаго, его дочери, графа Ростова отца: это мастерскіе и, по нашему мнѣнію, совершенно доконченные типы, и мы полагаемъ, что дальнѣйшая отдѣлка только ослабила бы производимое ими впечатлѣніе. Портреты Наташи и особенно князя Андрея грѣ-

Digitized by Google

шатъ именно этою чрезмѣрною отдѣлкой, хотя, конечно, мы и не рѣшаемъ безусловно до окончанія романа.

Совершенно противоположный упрекъ принуждены мы сдѣлать относительно внѣшней стороны романа: она положительно страдаетъ недостаткомъ отдѣлки. Неправильности въ слогѣ автора не рѣдки, повтореніе сряду одного слова часто встрѣчается; на 85 страницѣ, второй части, т. I. у императора Александра голубые глаза, а на 118—сѣрые. На страницѣ 56, тома III, читаемъ: „31-го декабря наканунѣ Новаго 1810 года, la réveillon, былъ балъ у Екатерининскаго вельможи“. На этомъ балѣ нѣкто баронъ Фиргофъ разговаривалъ „о *завтрашнемъ* предполагаемомъ первомъ засѣданіи государственнаго совѣта“. *На другой день* пріѣхалъ къ князю Андрею Бицкій и сообщилъ ему подробности засѣданія государственнаго совѣта *вчерашняго утра*. Вслѣдъ за тѣмъ, князь Андрей ѣдетъ обѣдать къ Сперанскому и находитъ его „въ томъ еще бѣломъ жилетѣ и высокомъ бѣломъ галстухѣ, въ которыхъ онъ былъ въ знаменитомъ засѣданіи государственнаго совѣта“. Котораго же числа происходило это засѣданіе? Всѣ эти небрежности прискорбно видѣть въ сочиненіи, на которое положено авторомъ такъ много дарованія и, безъ сомнѣнія, много времени и любви; не менѣе прискорбно замѣтить, что оно и издано небрежно: съ большимъ количествомъ опечатокъ, какимъ-то неуклюжимъ шрифтомъ, на бумагѣ, какая употребляется за границей развѣ для учебниковъ.

Мы кончили. Но намъ хотѣлось бы разстаться съ графомъ Толстымъ и съ его прекраснымъ романомъ не иначе какъ со словомъ сочувствія на устахъ. Поэтому позволимъ себѣ сдѣлать еще одну выписку, а именно описаніе поѣздки всей молодежи семейства Ростовыхъ, *ряженыхъ*, въ зимнюю, рождественскую ночь...“ (Слѣдуетъ выписка, начинающаяся словами: „Тройка стараго графа, въ которую сѣлъ Диммлеръ (учитель музыки) и другіе ряженые, изъ которыхъ полозьями, какъ будто примерзая къ снѣгу и побрякивая густымъ колокольцомъ, тронулась впередъ...“ Кончается выписка фразой: „Дѣйствительно это была Мелюковка“).

* * * *П. Щебальскій.*

Digitized by Google

*) На безлюдьи нашей современной беллетристики, — вдавшейся, съ одной стороны, въ неприличную инсинуацію и скрежетъ зубовный, а съ другой, въ мелочную дагерротипную копировку житейскихъ случайностей, — какъ-то особенно повезло роману гр. Л. Толстого: „*Война и миръ*". Его покупаютъ всѣ нарасхватъ, не жалѣя при этомъ довольно крупныхъ денегъ за аляповато-напечатанные томы; читаютъ, что называется, въ засосъ; толкуютъ и спорятъ не просто съ увлеченіемъ, но даже съ какимъ-то запоемъ и сладострастіемъ. Что-то будетъ съ Андреемъ Болконскимъ? (Бѣдный! онъ раненъ пулей въ животъ и лежитъ теперь въ военно-походномъ госпиталѣ). Въ какія отношенія станетъ Пьеръ Безухій къ отверженной всѣми Наташѣ Ростовой? Будетъ ли Анатоль Курагинъ, послѣ тяжелой ампутаціи, танцовать и прыгать на одной ногѣ, или онъ закажетъ себѣ другую, деревянную — на манеръ той удивительной ноги съ пружинкой, которая, по догадкамъ Гоголевскаго почтмейстера, могла быть придѣлана коллежскому совѣтнику Чичикову? Куда дѣнется пресловутый, дважды разжалованный Долоховъ и не выпьетъ ли онъ, въ кругу друзей, второй бутылки рома, уже не на скользкомъ уступѣ окна, а прямо такъ, на воздухѣ? Всѣ эти вопросы и глубокомысленныя соображенія, вызываемыя ими, сильно волнуютъ впечатлительныя сердца многихъ читателей и заставляютъ ихъ забывать на время интереснѣйшія политическія событія: и кандійскихъ патріотовъ, и ирландскихъ феніевъ, и послѣдніе циркуляры графа Голуховскаго, и послѣднюю полемику съ Наполеономъ г. Краевскаго. Толки о романѣ идутъ параллельно въ литературѣ и въ частныхъ кружкахъ. Описаніе бородинскаго боя у гр. Толстого вызвало газетную перепалку между фельетонистомъ „Голоса" и генераломъ Липранди — героемъ 1812 и 1848 гг.; при чемъ этотъ послѣдній не преминулъ заявить публикѣ, что онъ „какъ на службѣ, такъ и внѣ оной, всегда предпринималъ только то, что соотвѣтствовало его силамъ, взгля-

*) „Недѣля" 1868 г., №№ 22, 23 и 26. Статья А. П. Пятковскаго, подъ заглавіемъ: „Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстого".

Digitized by Google

ахъ и стремленіямъ". Это, можетъ быть, совершенная правда, но къ роману не относится. Больше относится къ ѣлу статья г. Щебальскаго, въ первой книжкѣ „Русскаго ѣстника" за нынѣшній годъ. „Русскому Вѣстнику" захоѣлось возвеличить романъ, изъ котораго нѣсколько главъ ыло напечатано въ этомъ журналѣ, подъ названіемъ „Тыяча восемьсотъ пятый годъ"; читатели же, большею частію, люди не взыскательные и вѣрятъ на слово патріотическимъ редакторамъ, не подозрѣвая въ ихъ патріотизмѣ никакой своекорыстной цѣли. При этихъ условіяхъ, повала гр. Толстому приняла дѣйствительно грандіозные азмѣры... безцеремонности... (Приводится выписка изъ критической статьи г. Щебальскаго, начинающаяся словами: Передъ нами далеко не все новое произведеніе нашего даровиаго романиста, но даже и теперь съ увѣренностью можно казать, что оно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ вленій русской литературы"... Оканчивается выписка словами: „Это алмазъ, вырванный изъ таинственныхъ нѣдръ природы! И такихъ алмазовъ у гр. Толстого множество"). Только въ одномъ мѣстѣ г. Щебальскій, вспомнивъ, что ъ слыветъ историкомъ, дѣлаетъ гр. Толстому легкія заѣчанія насчетъ разныхъ историческихъ неточностей. Неочности эти, въ самомъ дѣлѣ, важнаго свойства: такъ, апр., въ 1-мъ томѣ романа, на одной страницѣ у—ператора Александра голубые глаза, а на другой—сѣрые; ъ третьемъ томѣ сбивчиво опредѣленъ первый день засѣанія государственнаго совѣта. Но хотя рецензенту „прискорбно было видѣть всѣ эти небрежности въ сочиненіи, ъ которое положено авторомъ такъ много дарованія", тѣмъ е менѣе онъ „хочетъ разстаться съ гр. Толстымъ и его рекраснымъ романомъ не иначе, какъ словомъ сочувствія ъ устахъ" и, въ концѣ статьи, цитируетъ еще одну вотительную страницу... „Необыкновенная сила взгляда!" Перлы!" „Алмазы!" — нельзя сказать, чтобы г. Щебальій поскупился на изъявленіе своего восторга. Онъ, какъ аменитый одописецъ сатирѣ Дмитріева, не знаетъ, съ мъ и сравнять своего героя...

Digitized by Google

„Съ Румянцовымъ его ль съ Грейгомъ, ль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что въ древнихъ я не читывалъ, а съ новымъ
Неловко что-то все—да просто напишу:
Ликуй герой! ликуй, герой ты! возглашу"

Если повѣрить на слово рецензенту, то гр. Толстой уже заткнулъ за поясъ Вальтеръ Скотта въ вѣрномъ изображеніи исторической эпохи, и читателю потребно имѣть особенную „тонкость органовъ", чтобы насладиться вдоволь всѣми несказанными красотами „Войны и Мира". Конечно, никакому автору не поздоровится отъ подобныхъ похвалъ, въ особенности, если публика своимъ неразборчивымъ сочувствіемъ станетъ поддерживать литературныя рекламы. Для публики, правда, есть одно большое извиненіе: ей надоѣли наконецъ клубничныя повѣсти и старческое, злобное шипѣніе отжившихъ литературныхъ корифеевъ, и она почувствовала желаніе отдохнуть на *Шенграбенскомъ сраженіи* отъ всѣхъ этихъ стриженыхъ дѣвъ, косматыхъ юношей и самодовольно тупого, благонамѣреннаго филистерства. Дѣла давно минувшихъ дней, описанныя въ романѣ съ чисто внѣшней, безобидной стороны, не шевелятъ ума, не волнуютъ пичьихъ страстей,—а между тѣмъ книга прочтена, время убито, и убито не совсѣмъ непріятно: точно взглянулъ въ панораму или прошелся по галлереѣ съ эффектными батальными картинами. Въ сочувствіи публики къ гр. Л. Толстому есть, безъ сомнѣнія, значительная доза апатіи; но авторъ „Войны и Мира", кажется, не догадывается объ этомъ и, видя, съ какой неестественной жадностью покупаются и прочитываются четыре тома его „неотмѣнно длиннаго, длиннаго романа", вообразилъ себѣ, что онъ чуть ли не сдѣлалъ этимъ романомъ новой эпохи въ исторіи русской литературы. По крайней мѣрѣ, въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ", гр. Толстой дѣлаетъ въ такомъ смыслѣ комментаріи къ своему собственному произведенію. „Что такое „Война и Миръ?" спрашиваетъ онъ самъ себя. Это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника. „Война и Миръ" есть то, что хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той фор-

Digitized by Google

мѣ, въ которой она выразилась. Такое заявленіе о пренебреженіи автора къ условнымъ формамъ прозаическаго художественнаго произведенія могло бы показаться самонадѣянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имѣло примѣровъ. Исторія русской литературы со времени Пушкина не только представляетъ много примѣровъ такого отступленія отъ европейской формы, но не даетъ даже ни одного примѣра противнаго. Начиная отъ „Мертвыхъ Душъ" Гоголя и до „Мертваго Дома" Достоевскаго, въ новомъ періодѣ русской литературы нѣтъ ни одного художественнаго прозаическаго произведенія, немного выходящаго изъ посредственности, которое бы вполнѣ укладывалось въ форму романа, поэмы или повѣсти. „Мертвый Домъ" и въ особенности „Мертвыя Души!" *Excuses du peu.* Гр. Толстой пренебрегаетъ условными литературными формами потому, что ими пренебрегали всѣ знаменитости русской литературы, начиная съ Пушкина; онъ не желаетъ стоять въ одномъ ранжирѣ съ простыми смертными, и подыскиваетъ для себя самыя выгодныя и почетныя исключенія. Но вѣдь „Мертвыя Души" были, дѣйствительно, въ свое время новымъ, живымъ словомъ въ русской литературѣ, въ юмористической картинѣ, нарисованной Гоголемъ, отразилась вся современная ему Россія съ крѣпостнымъ правомъ, взятками, непроходимой тупостью и безпредѣльнымъ нравственнымъ индифферентизмомъ; богатство содержанія этого произведенія и оригинальность литературныхъ пріемовъ не укладывались въ рутинныя формы тогдашней беллетристики и потребовали для себя большей свободы и простора на зло бездарнымъ критикамъ, вопившимъ о нарушеніи поэтическихъ правилъ и приличій. Съ „Мертвыхъ Душъ" началась у насъ новая *натуральная школа* въ поэзіи, на защиту которой истратилъ Бѣлинскій всѣ громадныя силы своего таланта; какъ бы ни пала низко наша современная литература, но она не можетъ (если бы и хотѣла) отступить въ общемъ своемъ характерѣ далѣе той черты, которую указалъ ей Гоголь, не можетъ забыть вполнѣ усвоенныхъ ею преданій. Посмотримъ, что же по-

Digitized by Google

добнаго даетъ намъ гр. Толстой въ новомъ произведеніи? Что говоритъ онъ самостоятельнаго, чего не слыхали мы прежде, какой путь указываетъ современной литературѣ?

Гр. Толстой отказывается дать своему *сочиненію* какое-нибудь опредѣленное литературное названіе: онъ не согласенъ признать его ни романомъ, ни поэмою, ни исторической хроникой.

Названіе, конечно, пустая вещь, если его даютъ только для наблюденія формальной риторической терминологіи; но не пустая вещь — опредѣлить господствующій характеръ литературнаго произведенія, чтобы выставить, сообразно съ нимъ, извѣстныя критическія требованія. По балладамъ Шиллера никто не станетъ учиться естественной исторіи и наоборотъ, изъ учебника зоологіи никто не вздумаетъ почерпать фантастическихъ представленій. Отъ автора можно требовать только того, что̀ хотѣлъ и что̀ могъ дать онъ, и судить его должно на основаніи его собственной программы, въ предѣлахъ его собственнаго замысла. Присматриваясь съ этой точки зрѣнія къ сочиненію гр. Толстого, мы легко замѣтимъ, что, какъ бы ни старался авторъ отклонить отъ „Войны и Мира“ всѣ установившіяся названія, — произведеніе это все-таки историческій романъ, пожалуй не просто историческій, а батально историческій, если обратить вниманіе на необыкновенное обиліе батальныхъ подробностей, обиліе, доходящее до того, что авторъ не затруднился приложить къ своему роману примѣрный планъ Бородинскаго сраженія и вступилъ даже, по этому поводу, въ ученое препирательство съ нашими военными историками. Что „Война и Миръ“ есть историческій романъ, т.-е. имѣетъ цѣлью представить въ стройной, законченной картинѣ цѣлую историческую эпоху, это видно изъ того же самаго письма гр. Толстого. „Характеръ времени, — пишетъ онъ, — какъ мнѣ выражали это нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, недостаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ рома-

Digitized by Google

нѣ: это ужасы крѣпостного права, закладываніе женъ въ стѣны, сѣченіе взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п. и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи, я не считалъ вѣрнымъ, и не желаю выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь или когда-либо. Въ тѣ времена такъ же любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями; та же была сложная умственно-нравственная жизнь даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, это только оттого, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстяхъ и романахъ до насъ наиболѣе доходили выступающіе случаи насилія и буйства. Заключить о томъ, что преобладающій характеръ того времени — было буйство, также несправедливо, какъ несправедливо заключилъ бы человѣкъ, изъ-за горы видящій одни макушки деревъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ большой отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п. И этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить". Слѣдовательно гр. Толстой желалъ очертить характеръ александровскаго времени, представить его въ живыхъ, вѣрно схваченныхъ типахъ — и вотъ это-то желаніе или, лучше сказать, эта попытка имѣть право его сочиненію называться историческимъ романомъ. Другое дѣло—насколько удалось автору выполнить свою задачу. Понялъ ли онъ духъ избранной имъ эпохи, оцѣнилъ ли значеніе историческихъ личностей, служившихъ представителями различныхъ направленій общественной мысли, вѣрны ли и характеристичны ли подмѣченныя имъ черты? Въ строкахъ, приведенныхъ мной выше, гр. Толстой отказывается видѣть въ своевольствѣ и грубой силѣ отличительную черту того времени; онъ не считаетъ

Digitized by Google

пресловутую Салтычиху рельефной вывѣской помѣщичь
добродѣтели. Салтычиха, какъ извѣстно, производила сво
тиранства въ царствованіе Екатерины II-й, и ея дѣятел
постью нельзя измѣрять болѣе мягкіе, сравнительно, нрав
александровскаго времени; но гр. Толстой уже слишком
добръ къ старому времени, приравнивая его къ пережив
емой нами теперь эпохѣ. Дикости, своевольства и дах
варварства, въ точномъ смыслѣ этого слова, было ещ
очень довольно въ ту пору, и мы можемъ только удивит
ся, какимъ образомъ авторъ не замѣтилъ всего этого в
своемъ же собственномъ разсказѣ. Какъ вамъ понравится
читатель, слѣдующая, разсказанная гр. Толстымъ сценка

„Проѣзжая по болотной площади (въ Москвѣ), Пьер
увидалъ толпу у Лобнаго мѣста, остановился и слѣзъ с
дрожекъ. Это была экзекуція французскаго повара, обви
неннаго въ шпіонствѣ. (Дѣйствіе происходитъ въ 1812 г.
когда въ шпіонствѣ подозрѣвали всякаго, говорящаго по
французски. Даже Сперанскій былъ обвиненъ въ тайных
сношеніяхъ съ Наполеономъ). Экзекуція только что кон
чилась, и палачъ отвязывалъ отъ кобылы жалобно сто
навшаго толстаго человѣка съ рыжими бакенбардами, в
синихъ чулкахъ и зеленомъ камзолѣ. Другой преступник
(?), худенькій и блѣдный, стоялъ тутъ же. Оба, судя по
лицамъ, были французы. Съ испуганно болѣзненнымъ ви
домъ, подобнымъ тому, который имѣлъ худой французъ,
Пьеръ протолкался сквозь толпу. — Что это? Кто? За что?
спрашивалъ онъ. *Но вниманіе толпы — чиновниковъ, мѣ
щанъ, купцовъ, мужиковъ, женщинъ въ сапогахъ и шу
бахъ, — такъ жадно сосредоточено на то, что происхо
дило на Лобномъ мѣстѣ, что никто не отвѣчалъ ему.*

Толстый человѣкъ поднялся; нахмурившись, пожалъ пле
чами и, очевидно желая выразить твердость, сталъ, не
глядя вокругъ себя, надѣвать камзолъ; но вдругъ губы его
задрожали, и онъ заплакалъ, самъ сердясь на себя, как
плачутъ взрослые сангвиническіе люди. Толпа громко заго
ворила... — „Поваръ чей-то княжескій...

— „Что, мусью, видно русскій соусъ киселъ француз

Digitized by Google

ился... оскомину набилъ“, сказалъ сморщенный при-ный, стоявшій подлѣ Пьера въ то время, какъ фран-зъ заплакалъ. Приказный оглянулся вокругъ себя, види-, ожидая оцѣнки своей шутки. Нѣкоторые засмѣялись, которые испуганно продолжали смотрѣть на палача, ко-рый раздѣвалъ другого“. Гр. Толстой, по своему при-рному добродушію, затушевываетъ, сколько возможно, зобразную сторону этого событія; но въ дѣйствительно-и подобныя сцены были еще отвратительнѣе, чѣмъ въ аткомъ описаніи незлобиваго художника. Можно предста-ть себѣ, каково было ожесточеніе народа противъ всѣхъ, зъ различія, французовъ, когда самая его жалостливость состраданіе принимали, напримѣръ, такія наивно-варвар-ія формы:

„Поймали мы одну семью
Отца да мать съ тремя щенками,
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи—кулаками!
Жена давай вопить, стонать;
Рветъ волоса; глядимъ да тужимъ!
Жаль стало: топорищемъ хвать—
И протянулась рядомъ съ мужемъ.
Глядь, дѣти! Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,
Лепечутъ—не поймешь словца,
И въ голосъ, бѣдненькія, плачутъ.
Слеза прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? Мы долго толковали,
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали...“

(*Некрасовъ*).

Въ томъ же четвертомъ томѣ, откуда мы заимствовали исаніе экзекуціи, есть другая сцена, не менѣе прежней, дѣтельствующая о кротости сердецъ нашихъ дѣдовъ. Но, бы насладиться вполнѣ букетомъ ея, нужно предпослать нѣкоторое объясненіе. У князя Андрея Болконскаго, од-о изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, есть село учарово, крестьяне котораго отличались искони вольно-бивымъ и мятежнымъ характеромъ. „Между ними всегда

Digitized by Google

ходили какіе-нибудь неясные толки: то о перечисленіи ихъ всѣхъ въ казаки, то о новой вѣрѣ, въ которую ихъ обратятъ, то о царскихъ листахъ какихъ-то, то о присягѣ Павлу Петровичу въ 1794 г. (про которую говорили, что тогда еще воля выходила, да господа отняли), то объ имѣющемъ черезъ 7 лѣтъ воцариться Петрѣ Оедоровичѣ, при которомъ все будетъ вольно и такъ будетъ просто, что ничего не будетъ. Слухи о войнѣ и Бонапарте и о его нашествіи соединились для нихъ съ такими же неясными представленіями объ антихристѣ, концѣ свѣта и чистой волѣ... Алпатычъ (управляющій Болконскаго), пріѣхавъ въ Богучарово, замѣтилъ, что между народомъ происходило волненіе и что крестьяне, какъ слышно было, имѣли сношенія съ французами, получали какія-то бумаги, ходившія между ними и оставались на мѣстахъ. Онъ зналъ чрезъ преданныхъ ему дворовыхъ людей, что ѣздившій на дняхъ съ казенной подводой мужикъ Карпъ, имѣвшій большое вліяніе на міръ, возвратился съ извѣстіемъ, что казаки разоряютъ деревни, изъ которыхъ выходятъ жители, но что французы ихъ не трогаютъ. Онъ зналъ, что другой мужикъ вчера привезъ даже изъ села Вислоухова, гдѣ стояли французы, бумагу отъ генерала французскаго, въ которой жителямъ объявлялось, что имъ не будетъ сдѣлано никакого вреда и за все, что у нихъ возьмутъ, заплатятъ, если они останутся". Въ это самое время княжна Марья, сестра Андрея Болконскаго, собралась выѣзжать изъ Богучарова и предложила крестьянамъ выселиться изъ деревни вслѣдъ за нею. Крестьяне, сообразивъ всѣ слухи, доходившіе до нихъ, рѣшили, что они и сами не станутъ вывозиться, и княжны не выпустятъ изъ деревни. „Я прошу васъ, говорила княжна мужикамъ, уѣзжать со всѣмъ имуществомъ въ нашу подмосковную, и тамъ я беру на себя и обѣщаю вамъ, что вы не будете нуждаться. Вамъ дадутъ и дома и хлѣбъ". Но предложеніе домовъ и хлѣба показалось и вовсе подозрительнымъ взманеннымъ волею мужикамъ. „Вишь научила ловко, отвѣчали они. За ней въ крѣпость поди. Дома разори да въ кабалу и ступай. Какъ же? Я хлѣбъ молъ, от-

Digitized by Google

ямъ! слышались голоса въ толпѣ“. На выручку княжны
ается графъ Ростовъ — пылкій юноша, влюбляющійся
е только въ женщинъ, но даже въ мужчинъ. „Какъ толь-
ко Ростовъ подошелъ къ толпѣ мужиковъ, Карпъ, зало-
кивъ пальцы за кушакъ, слегка улыбаясь, вышелъ впередъ.
Толпа сдвинулась плотнѣе. — „Эй. кто у васъ староста
тутъ? крикнулъ Ростовъ, быстрымъ шагомъ подойдя къ
толпѣ. „Староста-то? На что вамъ?..“ спросилъ Карпъ. Но
не успѣлъ онъ договорить, какъ шапка слетѣла съ него,
и голова мотнулась на бокъ отъ сильнаго удара. „Шапки
долой, измѣнники! крикнулъ полнокровный голосъ Ростова.
Гдѣ староста?“ неистовымъ голосомъ кричалъ онъ. —„Ста-
росту, старосту кличетъ... Дронъ Захарычъ, васъ“, по-
слышались кое-гдѣ торопливо-покорные голоса, и шапки
стали сниматься съ головъ. —„Намъ бунтовать нельзя, мы
порядки блюдемъ“, проговорилъ Карпъ, и нѣсколько голо-
совъ, сзади въ то же мгновеніе заговорили вдругъ: „какъ
старички порѣшили, много васъ начальства...“ „Разгова-
ривать? Бунтъ! Разбойники! Измѣнники! безсмысленно, но
звонкимъ голосомъ завопилъ Ростовъ, хватая за воротъ Кар-
па. Вяжи, вяжи его! кричалъ онъ, хотя некому было вя-
зать его, кромѣ Лаврушки и Алпатыча. Лаврушка (донс-
кой) однако подбѣжалъ къ Карпу и схватилъ его сзади,
за руки“. —„Прикажете нашихъ (т.-е. гусаровъ) изъ подъ
горы кликнуть?“ крикнулъ онъ. Алпатычъ обратился къ
мужикамъ, вызывая двоихъ по именамъ, чтобы вязать Кар-
па. Мужики покорно вышли изъ толпы и стали распоясы-
ваться. „Староста гдѣ?“ кричалъ Ростовъ. Дронъ, съ на-
хмуреннымъ и блѣднымъ лицомъ, вышелъ изъ толпы. „Ты
староста? Вязать, Лаврушка! кричалъ Ростовъ, какъ будто
это приказаніе не могло встрѣтить препятствій. И дѣй-
ствительно, еще два мужика стали вязать Дрона, кото-
рый, какъ бы помогая имъ, снялъ съ себя кушакъ и по-
далъ имъ“.

И эта полиція внѣ полиціи, этотъ бывшій студентъ и
настоящій гусаръ, мгновенно обратившійся въ разъяренно-
го звѣря — неужели не служитъ замѣчательнымъ образчи-

Digitized by Google

комъ нашего роднаго своевольства, которое (въ особенности 40—50 лѣтъ тому назадъ) весьма наивно считало себя положительнымъ правомъ? Да и почему не считать, когда въ каждомъ цвѣтномъ околышѣ фуражки — темный народъ провидѣлъ свое начальство, властное карать и миловать...

Итакъ, первый и второй комментарій гр. Толстого къ своему роману (т. е. сравненію себя съ Гоголемъ и общая характеристика александровскаго времени) обнаруживаютъ въ комментаторѣ ту громадную самонадѣянность, которая еще больше выяснится въ концѣ нашего разбора, то громадное непониманіе даже того, что самъ онъ описалъ въ своемъ батально-историческомъ разсказѣ. Но гр. Толстой не ограничился тѣмъ, что показалъ свое непониманіе въ одномъ частномъ случаѣ: нѣтъ! онъ потороплился выложить передъ своими читателями цѣлую теорію историческаго развитія, изъ которой мы убѣждаемся, что онъ и *не можетъ* понимать вообще никакихъ историческихъ эпохъ и отдѣльныхъ явленій въ народной жизни. Это обвиненіе такъ серіозно, что мы вынуждены для доказательства, привести безъ выпусковъ всѣ относящіяся сюда разсужденія гр. Толстого... (Слѣдуетъ выписка изъ объясненія гр. Толстого („Русск. Арх. 1868 г., № 3), начинающаяся словами: „Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событій и столь близкую къ намъ..." и оканчивающаяся: ...„Поддѣлывать въ своемъ воображеніи цѣлый рядъ ретроспективныхъ умозаключеній, имѣющихъ цѣлью доказать ему самому его свободу...").

Читатель, пожалуй, замѣтитъ намъ, что нельзя ставить въ вину роману того, что сказано въ частномъ письмѣ; бывали случаи, что авторы ошибаясь глубоко въ объясненіи причинъ и послѣдствій описанныхъ ими событій, все-таки описывали недурно самыя эти событія. Это предполагаемое замѣчаніе могло бы имѣть силу, если бы гр. Толстой не принялъ съ своей стороны всѣхъ возможныхъ для него мѣръ, чтобы отдѣлаться отъ такого рода защиты. Мысли, высказанныя въ письмѣ, повторяются цѣликомъ во многихъ мѣ-

Digitized by Google

стахъ романа; всѣ историческія событія, всѣ поступки и размышленія дѣйствующихъ лицъ вгоняются, насильственнымъ образомъ, въ заранѣе указанныя для нихъ рамки; словомъ, историческая эпоха понадобилась гр. Толстому „только въ смыслѣ иллюстраціи того закона предопредѣленія, который управляетъ исторіей" — какъ это и сказано категорически въ пресловутомъ письмѣ. Такъ, напр., размышляя въ своемъ романѣ о причинахъ войны 1812 г., гр. Толстой приводитъ ихъ множество: несоблюденія континентальной системы, обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, властолюбіе Наполеона, твердость Александра и пр., но ни одна изъ этихъ причинъ не удовлетворяетъ его. Можно бы надѣяться, что авторъ, презрительно отвергнувъ всѣ неудовлетворительныя объясненія историковъ, дастъ намъ свое заключеніе, болѣе зрѣлое и обдуманное, вполнѣ сообразное съ логикой и обставленное лучшими доказательствами. О, надежда, кроткая посланница небесъ! Тебѣ суждено, кажется, всегда обманывать довѣрчивыхъ людей. Вмѣсто всякихъ объясненій, гр. Толстой подчуетъ насъ слѣдующей лирической тирадой:

„Ничто не было исключительной причиной этого событія, а событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться. Должны были милліоны людей, отрекшись отъ своихъ человѣческихъ чувствъ и своего разума, итти на востокъ съ запада и убивать себѣ подобныхъ, точно такъ же, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ съ востока на западъ шли толпы людей, убивая себѣ подобныхъ. Дѣйствія Наполеона и Александра, отъ слова которыхъ зависѣло, казалось, чтобы событіе совершилось или не совершилось — были такъ же мало произвольны, какъ и дѣйствіе каждаго солдата, шедшаго въ походъ по жребію или по набору. Это не могло быть иначе, потому что для того, чтобы (и языкъ такъ же хорошъ въ письмѣ, какъ романъ) воля Наполеона и Александра была исполнена, необходимо было совпаденіе безчисленныхъ обстоятельствъ, безъ одного изъ которыхъ событіе не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы милліоны людей, въ рукахъ кото-

Digitized by Google

рыхъ были дѣйствительныя силы, солдаты, которые стр
ляли, везли провіантъ и пушки—надо было, чтобы они с
гласились исполнить эту волю единичныхъ и слабыхъ л
дей и были приведены къ этому безчисленнымъ колич
ствомъ сложныхъ причинъ. Фатализмъ въ исторіи неизбѣж
для объясненія неразумныхъ явленій, т.-е. тѣхъ, разумнос
которыхъ мы не понимаемъ. Чѣмъ болѣе мы стараемся р
зумно объяснить эти явленія въ исторіи, тѣмъ они стан
вятся для насъ неразумнѣе, непонятнѣе. Каждый человѣ
живетъ для себя, пользуется свободой для достиженія своих
личныхъ цѣлей и чувствуетъ всѣмъ существомъ своим
что онъ можетъ сейчасъ сдѣлать или не сдѣлаетъ такое-
дѣйствіе; но какъ скоро онъ сдѣлаетъ его, такъ дѣйств
это, совершенное въ извѣстный моментъ времени, становит
невозвратимымъ и дѣлается достояніемъ исторіи, въ которо
оно имѣетъ не свободное, а предопредѣленное значеніе. Ест
двѣ стороны жизни въ каждомъ человѣкѣ: жизнь личная
которая тѣмъ болѣе свободна, чѣмъ отвлеченнѣе ея инте
ресы, и жизнь стихійная, роевая (или табунная, какъ вы
ражался нѣкогда г. Скарятинъ), гдѣ человѣкъ неизбѣжн
исполняетъ предписанные ему законы. Человѣкъ сознатель
но живетъ для себя, но служитъ безсознательнымъ орудіем
для достиженія историческихъ, общечеловѣческихъ цѣлей
Совершонный поступокъ невозвратимъ, и дѣйствіе его
совпадая во времени съ милліонами дѣйствій другихъ лю
дей, получаетъ историческое значіе. Чѣмъ выше стоитъ
человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ большимъ
людьми онъ связанъ (то-есть съ большимъ количествомъ лю
дей или съ людьми болѣе значительными? Къ вашему тек
сту необходимы подстрочныя примѣчанія, и въ этомъ отно
шеніи—только въ одномъ этомъ—вы сравнялись съ знаме
нитыми древними писателями),—тѣмъ больше власти онъ
имѣетъ на другихъ людей, тѣмъ очевиднѣе предопредѣлен
ность и неизбѣжность каждаго его поступка. Сердце царево
въ рукѣ Божіей. Царь есть рабъ исторіи. Исторія, то-есть
безсознательная, общая, роевая жизнь человѣчества, всякой
минутной жизни и царей, пользуется для себя, какъ ору
діемъ для своихъ цѣлей."

Digitized by Google

Далѣе авторъ, приступая уже къ описанію самой войны, снова затягиваетъ старую пѣсню... (Приводится изъ романа выписка, начинающаяся словами: „Наполеонъ началъ войну съ Россіей потому, что онъ не могъ не пріѣхать въ Дрезденъ, не могъ не отуманиться почестями..." Конецъ выписки заключается словами: „Ежели бы событіе не совершилось, то нам"и эти были бы забыты, какъ забыты теперь тысячи и милліоны противоположныхъ намековъ и предположеній, бывшихъ въ ходу тогда, но оказавшихся несправедливыми и потому забытыхъ").

Въ своемъ подробномъ разсказѣ о Бородинскомъ сраженіи гр. Толстой опять напоминаетъ намъ о своей фаталистической теоріи: „Давая и принимая Бородинское сраженіе, — говоритъ онъ, — Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно. А историки подъ совершившіеся факты уже потомъ подвели хитросплетенныя доказательства, предвидѣнія и геніальность полководцевъ, которые изъ всѣхъ непроизвольныхъ орудій міровыхъ событій были самыми рабскими и непроизвольными дѣятелями".

Чтобы выдержать свою теорію историческаго безсмыслія и примѣнить ее къ цѣлому ряду фактовъ, гр. Толстой нарочно старается напутать и нагородить какъ можно больше въ своемъ романѣ; у него достается одинаково и вымышленнымъ лицамъ и историческимъ дѣятелямъ. Александръ Павловичъ выходитъ въ романѣ только въ сраженіяхъ — и выходитъ только затѣмъ, чтобы взлянуть въ золотой лорнетъ и сказать кн. Чарторижскому: Quelle terrible chose, que la guerre!" Наполеонъ смотритъ какимъ-то развоевавшимся школьникомъ, котораго, вотъ того и гляди, побьютъ товарищи; князь Андрей Болконскій предается ожесточенно мистическимъ размышленіямъ, весьма сходнымъ съ размышленіями самого гр. Толстого, на тему ничтожества земного величія, а либералъ Пьеръ Безухій (подѣломъ ему, либералу!) — тотъ уже просто ведетъ себя какъ полоумный...

Теперь читатель ясно видитъ, что мы имѣли полное право воспользоваться письмомъ гр. Толстого, какъ лучшимъ поясненіемъ къ его роману. Странно только, что, разсу-

Digitized by Google

ждая такимъ образомъ объ историческихъ событіяхъ, гр Толстой относится съ замѣтной проніей къ старому князю Болконскому (отцу Андрея).

„Старый князь — говоритъ авторъ — былъ убѣжденъ не только въ томъ, что всѣ теперешніе дѣятели были мальчишки, не смыслившіе и азбуки военнаго и государственнаго дѣла, и что Бонапарте былъ ничтожный французишка, имѣвшій успѣхъ только потому, что уже не было Потемкиныхъ и Суворовыхъ противопоставить ему; но онъ былъ убѣжденъ даже, что никакихъ политическихъ затрудненій не было въ Европѣ, не было и войны, а была какая-то кукольная комедія, въ которую играли нынѣшніе люди, притворяясь, что дѣлаютъ дѣло".

За что же вы, почтенный авторъ, обижаете старика? Что же смѣшного въ его разсужденіяхъ? Развѣ вы сами видите въ исторіи что-нибудь, кромѣ кукольной комедіи, „и развѣ дѣятели, выведенные вами, не притворяются также, что дѣлаютъ дѣло"?

Изумительная философія, которую высказываетъ гр. Толстой, какъ въ своемъ письмѣ, такъ и въ романѣ,—не заслуживала бы опроверженія, не стоила бы даже упоминанія, если бы она не проводилась въ публику подъ фирмою автора, все еще уважаемаго многими читателями за его прежніе очерки и разсказы чисто художественнаго свойства (какъ, напр., Дѣтство и Отрочество), безъ всякой претензіи на рѣшеніе міровыхъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Кромѣ того, философія эта составляетъ, такъ сказать, карикатуру на нѣкоторые выводы новѣйшей исторической науки и, при поверхностномъ взглядѣ, можетъ быть легко оправдана ими. Видно, что гр. Толстой слышалъ звонъ, но не знаетъ, гдѣ онъ...

„Такое событіе, — говоритъ гр. Толстой,—гдѣ милліоны людей убивали другъ друга, не можетъ имѣть причиной волю одного человѣка; какъ одинъ человѣкъ не могъ бы подкопать гору, такъ не можетъ одинъ человѣкъ заставить умирать 500 тысячъ". „Чтобы воля Наполеона и Александра была исполнена, необходимо было совпаденіе безчисленныхъ

Digitized by Google

обстоятельствъ, безъ одного изъ которыхъ, событіе не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы милліоны людей, въ рукахъ которыхъ были дѣйствительныя силы, солдаты, которые стрѣляли, везли провіантъ и пушки — надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичныхъ и слабыхъ людей и были приведены къ этому безчисленнымъ количествомъ сложныхъ, разнообразныхъ причинъ“. Все это совершенно справедливо и давно разъяснено намъ мыслящими историками. Всякое историческое событіе — сопровождалось ли оно рѣзнею или не сопровождалось — выростало медленно въ жизни народовъ, и для объясненія его недостаточно указать на одну внѣшнюю, ближайшую причину. Чтобы такое событіе совершилось, необходима извѣстная обстановка, которая слагается исподоволь, вѣками, какъ вѣками же выдвигается изъ моря и снова пропадаетъ въ немъ коралловый островъ. Многочисленныя причины, событія, тянутся одна за другой, непрерывной цѣпью, такъ что, напр., для пониманія разныхъ фактовъ современной русской исторіи полезно обращаться мыслью къ монгольскому игу и къ послѣдовавшему за нимъ непомѣрному униженію народа передъ центральной властью. Столь же справедливо разсужденіе гр. Толстого о роли великихъ людей въ исторіи, за которыми онъ не признаетъ способности мгновенно передѣлывать цѣлую жизнь народа. „Самая сильная, тяжелая и постоянная связь съ другими людьми — говоритъ онъ — есть такъ называемая власть надъ другими людьми, которая въ своемъ истинномъ значеніи есть только наибольшая зависимость отъ нихъ...“ „Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ больше власти имѣетъ надъ другими людьми — тѣмъ очевиднѣе (мы выбрасываемъ здѣсь только одно нелѣпое слово) неизбѣжность каждаго его поступка“. Это опять-таки вполнѣ справедливо, если мы, подъ словомъ *неизбѣжность*, согласимся понимать тѣснѣйшую связь между причиной и слѣдствіемъ. Мы ничего также не имѣемъ сказать и противъ глумленія гр. Толстого надъ способностью человѣка, исполняющаго самый несвободный, неизбѣжный поступокъ — „поддѣлывать въ своемъ

Digitized by Google

воображеніи цѣлый рядъ ретроспективныхъ умозаключен
съ цѣлью доказать свою свободу". Повидимому, гр. Толст
говоритъ то же самое, что привыкли мы встрѣчать у наиб
лѣе смѣлыхъ прогрессивныхъ писателей настоящаго времен
Да, *повидимому!* Въ сущности же авторъ „Войны и Мира
такъ сумѣлъ исказить долетѣвшія къ нему откуда-то здр
выя мысли, такъ перетасовалъ ихъ и подвелъ къ нимъ та
кіе, ни съ чѣмъ несообразные, аргументы, что намъ остает
только, по восточному обычаю, воскликнуть: Аллахъ! и по
ложить въ ротъ палецъ изумленія. Прежде гр. Толстой ужасн
испугался, чтобы его не приняли какъ-нибудь за матеріа
листа, и началъ выгораживать изъ своихъ логическихъ по
строеній такъ называемую свободу воли. „Есть двѣ сторон
жизни въ каждомъ человѣкѣ — сказано въ романѣ — жизн
личная, которая *тѣмъ болѣе свободна*, чѣмъ отвлеченнѣе е
интересы, и жизнь стихійная, роевая, гдѣ человѣкъ неизбѣжн
исполняетъ предписанные ему законы. Человѣкъ *сознатель*
живетъ для себя, но служитъ безсознательнымъ орудіем
для достиженія историческихъ общечеловѣческихъ цѣлей".
Подробнѣе эта разница изъяснена въ письмѣ къ редактору
„Русскаго Архива", гдѣ гр. Толстой усиливается доказать,
что маханье руками по воздуху, чтеніе книги, раздумье
объ Америкѣ и пр. — все это дѣйствія свободныя, касаю
щіяся только одного человѣка, и потому зависящія отъ его
воли, а фронтовая служба, защита обвиненнаго на судѣ,
сѣченье розгами дѣтей — дѣйствія, касающіяся до общества,
и потому несвободныя или, какъ выражается авторъ, *пре-
допредѣленныя* свыше. Трудно понять, на чемъ основывается
эта произвольная классификація человѣческихъ поступковъ.
Если свобода воли есть нѣчто независимое отъ внѣшнихъ
условій, есть сила, дѣйствующая по своимъ собственнымъ
законамъ, то она должна выразиться одинаково, какъ въ
маханьи рукой по воздуху, такъ и въ битьѣ розгой по дѣт-
ской спинѣ. Хочу махнуть — махну, хочу посѣчь — посѣку;
ничто мнѣ не указъ, кромѣ моего личнаго, неограниченнаго
произвола. Если же воля человѣка дѣйствуетъ въ зависи-
мости отъ среды, въ которой обращается онъ, если для ка-

Digitized by Google

хлаго моего поступка есть причина, его обусловливающая, и я не могу, напр., не переставъ быть самимъ собою, унизиться до ручной расправы съ ребенкомъ или до умышленной потери дѣла на судѣ,—въ такомъ случаѣ меня не соблазнятъ ни подкупъ противной стороны, ни розги, лежащія подъ моею рукою. Наоборотъ, при другихъ условіяхъ моего собственнаго развитія, и розги и сребренники будутъ для меня непобѣдимымъ соблазномъ, съ которымъ мнѣ не подъ силу бороться. Какъ провести границу, придуманную гр. Толстымъ, между поступками, касающимися одной моей личности и поступками, въ которыхъ замѣшанъ общественный интересъ? Самоубійство, напр., произвольное или непроизвольное дѣйствіе? Поступленіе на службу съ цѣлью добыть средствъ для личнаго пропитанія? Гр. Толстого можно закидать подобными вопросами, и онъ не сумѣетъ отвѣтить на нихъ. Вѣдь личный интересъ служитъ стимуломъ въ общественной дѣятельности и, наоборотъ, мысль объ обществѣ, хотя бы въ формѣ княгини Маріи Алексѣевны, присутствуетъ въ головѣ каждаго Фамусова. Гдѣ жъ кончается область личнаго интереса? и когда вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ перестаетъ быть свободнымъ и становится историческою маріонеткою въ рукахъ таинственнаго фатума? Такимъ образомъ, гр. Толстой не только не рѣшаетъ интереснаго психологическаго вопроса о свободѣ воли, но запутываетъ его еще болѣе... За это не скажутъ ему спасибо ни идеалисты, ни матеріалисты. Такъ же точно исковеркалъ гр. Толстой мысли о значеніи великихъ людей въ исторіи и о сложности причинъ, производящихъ крупныя историческія событія. Великіе люди не появляются ex abrupto въ исторіи, они не всесильны, и успѣхъ ихъ дѣятелей обусловливается степенью подготовленности общества, важныя историческія событія производятся совокупностью разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою долю вліянія. Съ этимъ мы уже согласились, но тутъ не кончается аргументація гр. Толстого. Далѣе онъ доказываетъ намъ, что великіе люди безсильны не потому, что дѣятельность ихъ спотыкается о тысячу мелкихъ, незамѣтныхъ препятствій, воз-

Digitized by Google

двигаемыхъ общественною традиціей хорошаго или дурног закала — но потому, что жизнью ихъ руководитъ какое-т невѣдомое міру *предопредѣленіе*, отчасти похожее на маго метанскій фатализмъ, отчасти на русскаго *суженаго*, кото раго, по пословицѣ, конемъ не объѣдешь. Важнѣйшія исто рическія явленія не могутъ быть объяснены одною ближай шею причиною также не потому, что зерно ихъ созрѣвал медленно въ цѣломъ рядѣ продыдущихъ событій, — но по тому, что ими распоряжалось все то же, никому не отда ющее отчета, чудесное предопредѣленіе. „Событія совер шаются только потому, что *должны* совершаться; фата лизмъ въ исторіи неизбѣженъ; чѣмъ болѣе мы стараемс разумно объяснить себѣ историческія явленія, тѣмъ они становятся для насъ непонятнѣе, неразумнѣе“. Вотъ вѣ нецъ философіи гр. Толстого. Мудрено наговорить въ нѣ сколькихъ фразахъ столько очевидныхъ абсурдовъ. Хоти бы подумалъ гр. Толстой, что никому не лестно быть на мѣстѣ его предопредѣленія, которое буквально не вѣдаетъ, что творитъ, которое сегодня разрушаетъ то, что созда вало вчера, а завтра начинаетъ прежнюю работу съ тѣмъ, чтобы кончить ее также внезапно и безсмысленно. Совре менная историческая теорія, изложенная нами, установляя тѣсную связь между событіями, стремится водворить между ними нѣкоторый смыслъ и порядокъ, указать путеводную нить въ изученіи прошлаго, а гр. Толстой, вывернувъ на изнанку эту теорію и пришивъ къ ней хвостъ собствен наго издѣлія, вноситъ повсюду одинъ лишь хаосъ и без смыслицу.

Спрашивается теперь: неужели эпоха, описываемая гр. Толстымъ, такъ нелѣпа сама по себѣ, такъ исполнена вну треннихъ противорѣчій и до такой степени не подходитъ подъ разумный историческій масштабъ, что для объясненія ея понадобилось сочинить чудовищную теорію историческої безпричинности и безсмыслія? Ничуть не бывало! Матеріа лы, уже теперь напечатанные (а гр. Толстой пользовался, кромѣ того, многими рукописями), даютъ намъ столько вѣрныхъ и характеристическихъ фактовъ, что по нимъ

Digitized by Google

легко реставрировать поблѣднѣвшую отъ времени историческую картину. Мы попробуемъ здѣсь сгруппировать ихъ, чтобы выяснить сколько-нибудь настоящій духъ и смыслъ Александровской эпохи.

Воспитаніе Александра I-го было самое счастливое: его наставникъ Лагарпъ можетъ быть названъ, по справедливости, однимъ изъ честнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Онъ, не стѣсняясь, раскрывалъ передъ внукомъ Екатерины II-й свой либеральный образъ мыслей, внушалъ ему любовь къ свободѣ, ненависть къ деспотизму и такъ искусно велъ свое дѣло, что успѣлъ, въ короткое время, привлечь къ себѣ умъ и чувство своего молодого, впечатлительнаго ученика. Напрасно благонамѣренные граждане, въ особенности послѣ первыхъ политическихъ волненій во Франціи, старались шпіонствомъ и всякими происками вооружить Екатерину противъ опаснаго педагога (объ этомъ повѣствуетъ самъ Лагарпъ въ своихъ недавно изданныхъ запискахъ), напрасно представляли ей, что не слѣдуетъ-де львенку получать орлиное воспитаніе, какъ это позже доказано Крыловымъ въ извѣстной баснѣ:—императрица долго не внимала гласу благоразумія, и когда рѣшилась намекнуть объ этомъ Лагарпу, дѣло было уже сдѣлано и переучивать юношу не пришлось. Честныя мысли, внушенныя ему Лагарпомъ, о правахъ народовъ, о необходимости политическихъ гарантій для народной свободы, о личномъ благородствѣ и личной отвѣтственности монарховъ предъ судомъ современниковъ и потомства,—всѣ эти мысли, попавши разъ въ молодую неиспорченную душу, произвели въ ней глубокое впечатлѣніе, которое сохранялось долго, несмотря на разныя неблагопріятныя вліянія. Но тогдашняя дѣйствительность горько противорѣчила возвышеннымъ идеаламъ: ни люди, ни учрежденія, господствовавшіе вокругъ великаго князя, нисколько не походили на тѣхъ прекрасныхъ людей и на тѣ широкія свободныя учрежденія, которыя рисовала ему смѣлая рука даровитаго наставника. „Придворная жизнь — писалъ онъ въ 1796 г. своему другу, князю

Digitized by Google

Кочубею — не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда должонъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя лакеями... Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія?“ (Восшествіе на престолъ имп. Николая, соч. бар. Корфа). Отсюда возникаетъ у Александра мысль отказаться отъ престола — мысль, которая то утихала, то возбуждалась въ немъ съ новою силою, въ теченіе всего его царствованія. Вступивъ на престолъ неожиданно для себя самого, молодой императоръ увлекся широкою перспективой, открывавшейся передъ нимъ, и началъ дѣйствовать въ духѣ политическихъ идей, внушенныхъ ему съ дѣтства. Онъ окружилъ себя людьми, завѣдомо преданными его реформаторскимъ планамъ. Одинъ изъ этихъ людей, при вступленіи его на престолъ (Строгановъ), писалъ Новосильцову: „*Arrivez mon ami... Nous allons avoir une constitution*“. Образовался сейчасъ же негласный комитетъ, состоявшій изъ четырехъ лицъ (Строгановъ, Новосильцевъ, Кочубей, Чарторижскій), въ которомъ обсуждались всѣ важнѣйшіе вопросы государственнаго устройства. Рѣшено было заняться сначала общимъ обзоромъ дѣйствительнаго состоянія имперіи, затѣмъ перейти къ реформамъ въ различныхъ частяхъ администраціи и покончить все это прочною политическою гарантіею, т.-е. „конституціей, согласной съ истиннымъ духомъ народа“. (Перв. эпоха преобразованій имп. Алекс. I, ст. Богдановича). Изъ протоколовъ этого комитета, веденныхъ въ 1801 г. гр. Павломъ Строгановымъ видно, что пренія касались многихъ, весьма

Digitized by Google

важныхъ сторонъ государственной жизни. Такъ, напр., одинъ за другимъ, подняты были вопросы: о нашей внѣшней политикѣ, объ уничтоженіи крѣпостного права, о введеніи *habeas corpus* *), о преобразованіи сената въ законодательный корпусъ, о народномъ образованіи и проч. Но толки эти не привели ни къ чему рѣшительному, несмотря на искреннее желаніе императора „наложить узду на произволъ нашего правительства“. Причины неуспѣха были слѣдующія. Во-первыхъ, самъ императоръ, при всемъ благородствѣ своихъ намѣреній, не обнаружилъ достаточно твердости и энергіи характера, чтобы итти, не уклоняясь, по однажды избранному пути; во-вторыхъ — даже самые лучшіе изъ его совѣтниковъ не могли выставить цѣльной, вполнѣ обдуманной политической программы, и часто расходились другъ съ другомъ по вопросамъ первостепенной важности. Только одинъ Радищевъ высказывался вполнѣ опредѣленно въ законодательной комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, но именно эта опредѣленность сильно не понравилась предсѣдателю комиссіи, и онъ, безъ дальнихъ околичностей, напомнилъ строптивому члену о Сибири, изъ которой онъ только что воротился. Радищевъ, къ сожалѣнію, не былъ приближенъ къ особѣ императора, и мнѣнія его могли доходить до Александра только черезъ третьи руки. Въ то время, какъ ближайшіе совѣтники государя разногласили между собою и не знали какъ и за что приняться, противники всякихъ реформъ доказывали дружно, что и не слѣдуетъ ни за что приниматься, потому что все обстоитъ благополучно. Кончилось тѣмъ, по словамъ г. Богдановича, что „молодые сотрудники императора, не видя никакой пользы отъ своихъ нововведеній, упали духомъ; государь сталъ менѣе вѣрить ихъ способностямъ, а они потеряли надежду на его опору!“

Но проклятый конституціонный духъ, противъ котораго

*) Habeas corpus — такъ называется въ англійской конституціи право каждого гражданина требовать суда или освобожденія отъ ареста, незаконно наложеннаго. Оно дано въ 1680 г. и служитъ главнымъ основаніемъ личной свободы въ Англіи.

Digitized by Google

такъ ревностно вооружался Гавріилъ Державинъ, не испарился и послѣ паденія интимнаго комитета. Вмѣсто цѣлаго комитета, одинъ Сперанскій сталъ у трона и началъ новыя преобразовательныя попытки, уже не на англійскій (какъ прежде), а на французскій образецъ. Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія, задуманный Сперанскимъ, былъ выполненъ только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностяхъ. „Важнѣйшія части этого плана — говоритъ баронъ Корфъ,—никогда не осуществились. Приведено было въ дѣйствіе лишь то, что самъ Сперанскій считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша". Но судя по нѣкоторымъ частямъ этого плана, уже приведеннымъ въ исполненіе, можно съ достовѣрностью сказать, что въ немъ-то и заключалась обѣщанная въ 1801 г. конституція. Сперанскій, повидимому, настаивалъ на быстромъ и одновременномъ осуществленіи всѣхъ частей своего проекта; но этотъ смѣлый шагъ показался, должно быть, опаснымъ самому государю, предупрежденному противъ Сперанскаго Карамзинымъ и другими усердными патріотами. „Полезнѣе, можетъ быть, было бы—писалъ Сперанскій къ Александру изъ ссылки—всѣ установленія плана, приготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности, и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но ваше величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣно сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣреніе его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій". Мы думаемъ, что уновленія эти были вовсе не радикальныя, и конституція вышла бы самая скромная, т. е. самая необидная для правъ

Digitized by Google

и преимуществъ верховной власти; но уже одного слова „конституція" было достаточно въ то время, чтобы поставить на ноги всѣхъ защитниковъ доброй старины. Если ужъ выраженіе: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта" казалось многимъ оскорбленіемъ величества (см. Жизнь гр. Сперанскаго, т. 1, стр. 120), то можно представить себѣ, какой переполохъ поднялся бы при выполненіи другихъ, болѣе существенныхъ, частей проекта Сперанскаго. Объ этомъ переполохѣ можно судить по тѣмъ возраженіямъ, которыя дѣлалъ Карамзинъ на самые невинные пункты реформы Сперанскаго. Такъ, напр., въ одномъ параграфѣ общаго учрежденія министерствъ постановлено было, что „не вмѣняются въ отвѣтственность министра тѣ распорядительныя мѣры, которыя, по особеннымъ высочайшимъ повелѣніямъ, будутъ доставлены къ исполненію министра безъ его скрѣпы". Это значило, что верховная власть имѣетъ право лично повелѣть министру исполнить какую-нибудь мѣру и что министръ, какъ исполнитель верховной власти, уже не подлежитъ отвѣтственности за эту мѣру. Карамзинъ въ секретной запискѣ, поданной государю, перетолковалъ этотъ пунктъ и затѣмъ пустился сѣтовать объ упадкѣ верховной власти въ Россіи. „Осуждаю — пишетъ онъ — постановленіе, если государь издастъ указъ, несогласный съ мыслями министра, то министръ не скрѣпляетъ онаго своею подписью. (Какъ это похоже на приведенный нами пунктъ!). Слѣдственно (?), въ государствѣ самодержавномъ министръ имѣетъ право объявить публикѣ, что выходящій указъ, по его мнѣнію, вреденъ? Министръ есть рука вѣнценосца — не больше, а рука не судитъ головы. Министръ подписываетъ именные указы *не для публики*, а для императора, въ увѣреніе, что они написаны слово въ слово такъ, какъ онъ приказалъ. Подобныя ошибки въ коренныхъ государственныхъ понятіяхъ едва ли извинительны". Чтобы опредѣлить важную отвѣтственность министра, авторъ (т.-е. Сперанскій пишетъ: „министръ судится въ двухъ случаяхъ: когда преступитъ мѣру власти своей или когда не воспользуется данными ему способами для отвра-

Digitized by Google

щенія зла". Гдѣ же означена сія мѣра власти и сіи способы? („Въ томъ же учрежденіи министерствъ", замѣчаетъ на это баронъ Корфъ).—Прежде надобно дать законъ, а послѣ говорить о наказаніи преступника. Сія громогласная отвѣтственность министровъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть предметомъ торжественнаго суда въ Россіи? Кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ безъ шума, тихо и скромно. Худой министръ есть ошибка государства; должно исправлять подобныя ошибки, но скрытно, чтобы народъ имѣлъ довѣріе къ выборамъ царскимъ. Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія и видя ихъ незрѣлость, добрые россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ у насъ шли дѣла, и прошло блистательное царствованіе Екатерины II-й. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ". Эти добрые россіяне такъ хлопотали о Сперанскомъ въ 1812 г., что его, безъ суда и слѣдствія, сослали въ Пермь. Радость ихъ по этому случаю была необычайная. Вотъ что писалъ Булгаковъ (А. Я.), современникъ этого событія, въ своемъ дневникѣ: „*Марта 22*. Открытъ въ Петербургѣ заговоръ, состоявшій въ томъ, чтобы продать Россію французамъ. Бездѣльный Сперанскій и Магницкій арестованы и въ крѣпость посажены; бумаги ихъ разсматриваются комиссіей, составленной изъ гр. Салтыкова (А. Н.), Р. А. Кошелева и Балашова. Славный Армфельтъ (баронъ Густавъ Мавринкій, впослѣдствіи графъ), вступившій недавно въ нашу службу генералъ-губернаторомъ Финляндіи, все открылъ государю черезъ Ник. Ив. Салтыкова. Участники суть: Маринъ, Воейковъ, Болговскій и пр. Они всѣ взяты и заключены. Какъ не сдѣлать примѣрнаго наказанія—Сперанскаго не повѣсить? О извергъ, чудовище, неблагодарная, подлая тварь! Ты не былъ достоинъ званія россійскаго дворянина: оттого-то ты ихъ и гналъ! 26 марта Жерье отставленъ. Иллюминатская шайка истребляется по-

Digitized by Google

малу... Теперь видна дьявольская рука, которая вела насъ къ пропасти. У насъ вошло въ пословицу говорить при появленіи всякаго указа и манифеста: ежели бы нарочно дѣлали, нельзя бы хуже сдѣлать того, что мы видимъ. Оно такъ и было. Разрушительный геній Сперанскаго руководилъ всѣмъ". Далѣе слѣдуетъ у Булгакова списокъ тяжкихъ государственныхъ преступленій Сперанскаго: 1) „онъ открылъ государственную тайну; объявилъ манифестомъ 650 милліон. ассигнацій: рубль сдѣлался четверть въ ту же минуту. 2) Составилъ совѣтъ (государственный) изъ сорока человѣкъ: вещь безразсудная и не имѣющая примѣра. 3) Позволилъ напечатаніе Строгановскаго сочиненія: объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами. 4) Преградилъ дворянству путь къ чинамъ асессора и статскаго совѣтника" (т.-е. заставилъ ихъ держать на эти чины экзаменъ въ университетѣ). Такъ разсуждали наши ретрограды вслѣдъ за паденіемъ Сперанскаго и, укрѣпляясь болѣе и болѣе въ мнѣніи государя, выставляли себя спасителями отечества. Между тѣмъ ни Чарторижскій ни Чацкій (сдѣлавшіеся нынѣ мишенью для патріотическихъ нападеній) не повредили Россіи столько, сколько повредила ей эта нелѣпая, упрямая партія, подкапывавшаяся съ тайнымъ злорадствомъ подъ всѣ реформы Александровскаго царствованія.

Чарторижскій, безъ сомнѣнія, желалъ пользы своему отечеству; какъ природный и знатный полякъ, стоявшій въ двухъ шагахъ отъ польскаго престола, онъ мечталъ о возстановленіи Польши, и надѣялся добиться этого, при добровольномъ содѣйствіи государя, который, еще бывши великимъ княземъ, не разъ говаривалъ, что „дѣйствія Екатерины въ отношеніи Польши кажутся ему несправедливыми, и что онъ сочувствуетъ національнымъ стремленіямъ поляковъ" (См. стат. г. Богдановича). Все это очень естественно и иначе быть не могло. Но пользу своего отечества Чарторижскій видѣлъ въ большей свободѣ, предоставленной самимъ русскимъ, въ большемъ политическомъ развитіи страны, имѣвшей прямое и непосредственное вліяніе на его родину; этимъ путемъ надѣялся онъ установить ме-

Digitized by Google

жду Россіей и Польшей менѣе тягостныя условія зависимости. Мы не знаемъ, напр., откуда почерпнулъ г. Ратчъ свое свѣдѣніе о томъ, что Чарторижскій способствовалъ паденію Сперанскаго и былъ врагомъ освобожденія крестьянъ,—ничего подобнаго не нашли мы въ матеріалахъ, которые имѣются у насъ подъ руками. Напротивъ, въ протоколахъ гр. Строганова (ревностнаго защитника крестьянской свободы) прямо сказано, что Чарторижскій поддерживалъ его сторону и рѣшительно осуждалъ „ужасное право" русскихъ помѣщиковъ. О враждѣ его съ Сперанскимъ ничего неизвѣстно, скорѣе можно думать, что онъ сочувствовалъ реформамъ, такъ какъ онѣ клонились къ расширенію политической свободы въ Россіи. Врагомъ просвѣщенія въ Россіи его также нельзя назвать: планъ устройства учебныхъ заведеній, составленный имъ, вошелъ въ число важнѣйшихъ матеріаловъ, которыми руководствовалось главное правленіе училищъ при образованіи нашей системы общественнаго воспитанія. (См. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи г. Сухомлинова). Совсѣмъ иначе смотрѣли на пользу Россіи приверженцы ретроградной партіи—Державинъ, Шишковъ, а за ними и Карамзинъ, почерпнувшій изъ русской исторіи полнѣйшую ненависть ко всѣмъ либеральнымъ идеямъ, заносимымъ къ намъ съ запада. По ихъ мнѣнію, крестьянъ освобождать не слѣдовало, потому что имъ хорошо живется и при крѣпостномъ правѣ; думать о какихъ-то политическихъ гарантіяхъ свободы — тоже не подобало; что же касается до развитія просвѣщенія и литературы въ Россіи, то Шишковъ совѣтовалъ усилить строгость цензуры, чтобы прекратить „умышленныя и неумышленныя худости, служащія къ воспламенѣнію умовъ и къ распространенію заблужденій" и, кромѣ того, предлагалъ внимательнѣе наблюдать за лекціями профессоровъ, которые „пріучились думать и писать обо всемъ свободно или, лучше сказать, разсуждать и умствовать дерзко, не соображаясь ни съ какими общими правилами, ниже съ правоученіями вѣры". Понятно, куда привели Россію эти самозванные благодѣтели отечества, вошившіе ежеминутно объ

Digitized by Google

упадкѣ религіи, о растлѣніи нравственности, объ опасностяхъ революціи, готовой воспламениться отъ проектируемыхъ реформъ, журнальныхъ статей и общественныхъ училищъ. Крестьянскую реформу они успѣли таки затормазить, — и въ 1812 г., цѣлыя селенія, подальше отъ Москвы, (какъ это видно изъ романа гр. Толстого) ожидали себѣ свободы отъ иноземнаго нашествія. *Народная* война, о которой наговорили намъ столько басенъ, оказывается, при ближайшемъ изслѣдованіи, далеко не народною. Сражалось сначала одно только войско, предводимое полководцами, потерявшими голову, а народъ, во многихъ мѣстностяхъ, прельщенный свободою, которую сулили ему французскіе генералы, мирно оставался подъ своими кровлями и даже не выпускалъ своихъ помѣщиковъ. Казаки грабили деревни, оставляемыя жителями, а французы платили за провіантъ: помѣщикамъ—золотомъ, а крестьянамъ—ассигнаціями. Эти ассигнаціи были, правда, фальшивыя; но вѣдь крестьяне и теперь не мастера различать фальшивыя бумажки отъ настоящихъ, и наполеоновскія поддѣлки мало кого приводили въ смущеніе. Въ Москвѣ, по вступленіи французовъ въ Россію, обнаружилось противъ нихъ безпощадное ожесточеніе; французскій языкъ на время былъ изгнанъ изъ салонныхъ бесѣдъ, и многіе аристократы взяли себѣ русскихъ учителей; на улицѣ опасно было произнести хоть одно французское слово, потому что всякій говорящій на языкѣ Наполеона считался уже его союзникомъ. Въ эту эпоху патріотическаго терроризма всплывала наружу вся грубость нравовъ, едва прикрытая внѣшнимъ европейскимъ лоскомъ, и публика просвѣщенная и непросвѣщенная съ удовольствіемъ присутствовала на экзекуціяхъ заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ французовъ. Но съ приближеніемъ Наполеона поромѣнилось во многомъ и настроеніе Москвы. „Въ Москвѣ—говорится въ одной интересной статьѣ о гр. Растопчинѣ—жили не одни патріоты и храбрецы. Были въ ней и малодушные, и легковѣрные люди, и себялюбы, готовые поклониться въ поясъ побѣдителю, лишь бы сберечь свое достояніе и свою безполезную

Digitized by Google

жизнь; были въ ней и надѣявшіеся, по пристрастію своему къ иностранцамъ, всего лучшаго для себя при завоеваніи Россіи французами. Въ народѣ ходили всевозможные толки и слухи. Однихъ они приводили въ трепетъ, другихъ въ искушеніе". Гр. Растопчинъ старался подзадоривать упавшій духъ народа своими юмористическими афишками; но люди побогаче, купцы, дворяне, чиновники съ женами и дѣтьми, не довѣряясь хвастливымъ внушеніямъ московскаго градоначальника, одинъ за другимъ, оставляли Москву. Бѣднѣйшій классъ народа (такъ называемое простонародье), которому нечего было терять и который болѣе всего довѣрялъ растопчинскимъ афишкамъ, хладнокровно смотрѣлъ на эту поголовную эмиграцію барства и воздерживался отъ всякихъ демонстрацій; но какъ только разнеслась вѣсть о скорой сдачѣ Москвы Наполеону—онъ сбросилъ съ себя узду и пустился грабить кабаки (см. Чтен. въ Имп. общ. древн. Рос. 1861 г., кн. 4). 31 августа въ Москву вступаютъ, ретируясь отъ непріятеля, наши казачьи отряды и, первымъ дѣломъ, разграбливаютъ скотный дворъ, принадлежавшій Воспитательному Дому. За ними, 1 сентября, приходятъ регулярныя войска и разбиваютъ нѣсколько питейныхъ домовъ, изъ которыхъ рабочіе люди обоего пола и караульщики таскаютъ вино ведрами, горшками, кувшинами. 2-го сентября, въ день вступленія французовъ въ Москву, народъ, еще оставшійся въ городѣ, окружаетъ домъ главнокомандующаго и требуетъ отъ него, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе и шелъ сражаться, во главѣ этого импровизованнаго войска, съ Наполеономъ. Но писать игривыя афишки было легче, чѣмъ итти, въ самомъ дѣлѣ, съ вилами и рогатинами противъ хорошо вооруженнаго непріятеля... Чтобы отвлечь отъ себя грозу, Растопчинъ придумалъ недурной громоотводъ. Въ тюрьмѣ, въ это время, сидѣлъ нѣкто Верещагинъ, сынъ пивовара, обвиненный (неизвѣстно—справедливо ли) въ томъ, что онъ перевелъ на русскій языкъ и распространялъ въ Москвѣ двѣ наполеоновскія прокламаціи. Верещагина привели изъ временной тюрьмы, и Растопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ на-

Digitized by Google

роду, толпившемуся на его дворѣ: „Онъ измѣнникъ! отъ него погибаетъ Москва!“ Тутъ ординарецъ Бурдаевъ ударилъ его саблей въ лицо; несчастный палъ, испуская стоны; народъ сталъ терзать его и волочить по улицамъ. Растопчинъ же, по словамъ современника, Бестужева,—воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошолъ съ крыльца и въ задніе ворота своего дома выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ. Война сдѣлалась народною только тогда, когда французы потеряли уже всѣ шансы на успѣхъ, когда они сами предались мародерству и, наконецъ, стали утекать восвояси. Тутъ, дѣйствительно, поднялись крестьяне съ вилами, топорами и прочими аттрибутами народной войны, и надъ плѣнными французами стали совершаться экзекуціи, подобныя той, какая описана въ стихотвореніи Некрасова. Словомъ, говоря стихами Пушкина:

Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.

Но когда еще нельзя было предвидѣть, что проклятіе полетитъ вослѣдъ отступающей и разбитой арміи - отъ него воздерживались одинаково и помѣщики и крестьяне. Такимъ образомъ, если мы зададимъ себѣ вопросъ: отчего же, какими судьбами погибло въ Россіи огромное, отлично дисциплинированное и воодушевленное именемъ своего вождя войско Наполеона, то получимъ отвѣтъ, вовсе неутѣшительный для нашей патріотической гордости. Оно погибло всего менѣе отъ нашей храбрости и нашего единодушія и всего болѣе—отъ страшной опрометчивости самого Наполеона. Начни онъ войну двумя мѣсяцами раньше, и, къ тому же, начни ее не съ сѣвера, а съ юга, какъ Карлъ XII или какъ Наполеонъ III, и, Богъ вѣсть, въ чьихъ бы рукахъ находились теперь наши южныя и юго-западныя провинціи. Тогда тридцатиградусный морозъ не былъ бы нашимъ безкорыстнымъ союзникомъ, и вилы и топоры, пожалуй, и вовсе не поднялись бы на защиту отечества. Чѣмъ дальше отъ Москвы, и именно чѣмъ дальше по направленію къ югу, къ Малороссіи, которая недавно была закрѣпощена и живо

Digitized by Google

чувствовала тяжесть рабства — тѣмъ чаще повторялись бы аресты помѣщиковъ крестьянами и тѣмъ менѣе помогало бы имъ заступничество поручиковъ Ростовыхъ.

Мы охотно признаемъ, вмѣстѣ съ нашими военными историками, что русская армія оказала подъ Бородинымъ чудеса мужества, что Багратіонъ умеръ героемъ, что Кутузовъ былъ опытный и искусный генералъ; но всего этого, повторяемъ, было слишкомъ недостаточно, чтобы спасти Россію, если бы не присоединились къ этому суровость сѣвернаго климата, громадность разстояній, совсѣмъ не принятая Наполеономъ въ соображеніе и, вслѣдствіе того, неосторожная растянутость операціонной линіи непріятеля. Графъ Толстой правъ, говоря, что у насъ слишкомъ много приписываютъ талантамъ и предусмотрительности полководцевъ. Участіе народныхъ массъ было самое ничтожное въ наиболѣе критическую минуту „народной войны“; да оно и не мудрено! За что стали бы сражаться эти народныя массы, обдѣленныя, по милости нашихъ псевдо-патріотовъ, первѣйшимъ благомъ гражданской жизни—личной свободою? Онѣ могли только слѣпо подчиняться внѣшней иниціативѣ — сегодня французскому генералу, завтра поручику Ростову. Религіозный стимулъ, правда, дѣйствовалъ въ нашемъ народѣ, и одному энергическому священнику удалось, кажется, поднять малочисленную толпу крестьянъ; но вѣдь 1812 годъ—не время крестовыхъ походовъ, и полагаться на одно религіозное возбужденіе было очень и очень рискованнымъ дѣломъ. Другого же стимула, который дѣйствуетъ въ наше время сильнѣе всѣхъ прочихъ, того могучаго чувства, которое Карамзинъ называетъ „политическою любовью“ къ странѣ, къ ея учрежденіямъ—не было и не могло быть въ нашихъ народныхъ массахъ. „Вишь научила ловко!—отвѣчали крестьяне своей госпожѣ, Марьѣ Болконской. За ней въ крѣпость (т.-е. подъ крѣпостное право) пойди. Дома разори да въ кабалу и ступай“. Нужно сознаться, что въ этихъ словахъ была своя, сильная логика отчаянія. Кто-жъ виноватъ въ недостаткѣ этого политическаго чувства въ народѣ — тогдашніе либералы, говорившіе новѣйшимъ офран-

Digitized by Google

дуженнымъ стилемъ, или самозванные патріоты, гордившіеся (какъ Шишковъ) церковно-славянскимъ пошибомъ рѣчи? — рѣшить этотъ вопросъ не трудно, имѣя всѣ данныя подъ руками.

Счастливое избавленіе Россіи отъ грозившей ей опасности показалось до того необычайнымъ нашимъ предкамъ, что они всецѣло приписали его одной волѣ Божіей, при слабомъ участіи человѣческихъ силъ и средствъ. Съ этого времени начали распространяться у насъ, подъ благовиднымъ покровомъ религіи, подновленное масонство и туманнѣйшій мистицизмъ. Многіе (въ числѣ ихъ самъ государь) отдавались при этомъ искреннему порыву своего сердца, другіе же (большая часть) поддѣлывались только подъ тонъ, господствовавшій въ обществѣ и, всего болѣе, въ верхнихъ слояхъ его. Подъ этимъ мистическимъ настроеніемъ заключили мы священный союзъ, принципы котораго, при помощи Голицына, Магницкаго и др., стали переселяться изъ внѣшней политики въ нашу внутреннюю жизнь. Священный союзъ, какъ это признано нынче всѣми, сдѣлалъ русское имя—символъ всякаго ретрогадства и косности—ненавистнымъ въ Европѣ. Внутри Россіи цензура, руководствуемая княземъ Голицынымъ, угнетала, какъ никогда, русскую мысль. Реакціонная партія, прикрывавшаяся прежде патріотизмомъ, вооружилась теперь папускной религіозностью.

„Тотъ самый духъ,—говоритъ Магницкій, — который у Іосифа II подъ личиною филантропіи (авторъ только изъ приличія, а можетъ быть страха ради іудейскаго, не упомянулъ здѣсь о Екатеринѣ II), у Фридриха, Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ подъ скромнымъ плащемъ философизма, въ царствованіе (?) Робеспьера подъ красною шапкою свободы, у Бонапарте подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, въ коронѣ императорской, искалъ овладѣть вселенною, низвергнуть алтари Господни и престолы законныхъ государей, спустить съ цѣпи всѣ страсти падшаго человѣка (что за безсмысленный наборъ словъ!) и преобразить землю во адъ,—тотъ самый духъ нынѣ, съ трактатами философіи и съ хартіями конституцій въ рукѣ, по-

Digitized by Google

ставилъ престолъ свой на западѣ и хочетъ быть равенъ Богу... Когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса (свящ. союзъ), когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада (?!). Что значитъ неслыханное сіе въ исторіи явленіе? Чего хотятъ народы посреди общаго спокойствія, подъ властію кроткихъ государей, среди всѣхъ благъ законной свободы? Чего хотѣли Вандъ (убійца продажнаго писателя Коцебу), Тистельвудъ, Лувель? Нѣтъ ни враговъ ни опасности, и все въ движеніи. Константинополь покоенъ, въ Парижѣ и Лондонѣ жалуются на тиранство. Не очевидно ли изъ самаго хода и безумства сихъ происшествій, откуда они рождаются: „Прочь алтари, прочь государи, смерть и адъ надобны", вопіютъ уже во многихъ странахъ Европы (?!). Какъ не узнать, чей это голосъ? Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ... Слово человѣческое есть проводникъ адской силы, книгопечатаніе — орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству".

Записка Магницкаго была подана въ главное правленіе училищъ въ 1820 г. Напрасно Фусъ, благоразумнѣйшій членъ главнаго правленія, возражалъ противъ этого горячечнаго бреда, противъ этого безстыднаго лганья на исторію и на здравый человѣческій смыслъ вообще: — его слабое возраженіе не было услышано, потому что Магницкій былъ очень силенъ въ то время, и всѣ университеты признаны безбожными. Казанскій университетъ не былъ закрытъ, только благодаря личному вмѣшательству государя; профессора петербургскаго университета были отданы подъ судъ, и одинъ изъ нихъ пострадалъ за то, что знакомилъ студентовъ съ философіей Шеллинга, „открыто противной божественному ученію". Дерзость Магницкаго доходила до того, что онъ писалъ доносъ Александру на вел. кн. Николая Павловича за то, что послѣдній дозволилъ профессору Арсеньеву, удаленному изъ петербургскаго университета, давать уроки

Digitized by Google

въ инженерномъ корпусѣ. Въ 1824 г. министръ просвѣщенія Голицынъ былъ признанъ недостаточно благочестивымъ, и лишился мѣста по происканъ архимандрита Фотія, Магницкаго (своего прежняго кліента) и Аракчеева. (См. Воспоминанія Панаева.) Учредитель военныхъ поселеній дѣлается, уже безъ всякаго совмѣстничества, главнѣйшимъ лицомъ въ правительствѣ.

„Графъ Сперанскій и графъ Аракчеевъ — справедливо изумляется г. Ковалевскій — какимъ образомъ сопоставить два эти лица вмѣстѣ? Одинъ съ обширнымъ образованіемъ, съ умомъ, на лету уловляющимъ идеи и слова Александра и излагающимъ ихъ въ прекрасной формѣ на бумагѣ, съ манерами вкрадчивыми, льстивыми безъ униженія, съ побужденіями возвышенными, со страстями благородными, скитающійся въ отчаяніи въ лѣсу по смерти своей нѣжной и милой Элизы. Другой — нрава крутого, сердца жестокаго, неумолимаго, любовникъ чудовищной Настасьи, который, по смерти ея, тоже приходитъ въ отчаяніе, но выражаетъ его иначе—истязаньемъ бѣдныхъ крестьянъ Грузина, мало образованный, не умѣющій написать дневного приказа безъ грамматическихъ ошибокъ. Одинъ, въ пылкомъ воображеніи своемъ, хотѣлъ создать для Россіи храмъ славы, въ которой могъ бы внести свое окруженное блескомъ имя; другой строилъ для нея казарму и ставилъ у дверей фельдфебеля, чтобы легче было наблюдать за нею“.

Быть можетъ, въ этой краткой характеристикѣ авторъ нѣсколько изукрасилъ личность Сперанскаго, но насчетъ Аракчеева съ нимъ слѣдуетъ вполнѣ согласиться.

Либеральное движеніе, возникшее въ русскомъ обществѣ съ первыхъ годовъ царствованія Александра, не затихло и послѣ 12 года; оно даже усилилось послѣ похода русскихъ войскъ въ Парижъ и, въ особенности, послѣ рѣчи, произнесенной (въ 1818 г.) императоромъ въ Варшавѣ при открытіи польскаго сейма. „Варшавская рѣчь — говоритъ Пушкинъ—отразилась въ сердцѣ нашихъ молодыхъ людей“. Въ то время, когда въ Россіи цензура преслѣдовала „духъ журналовъ“ за его конституціонное направленіе, Александръ

Digitized by Google

въ Варшавѣ говорилъ польскимъ депутатамъ, что законно свободныя постановленія не суть мечта опальная; напротивъ, таковыя постановленія совершенно согласуются съ порядкомъ и утверждаютъ истинное благоденствіе народовъ".

При такой двойственности въ направленіи нашей политики воспиталось поколѣніе 14 декабря. Пылкіе умы, проникнутые либеральными идеями, отголоски которыхъ громко раздавались въ Россіи, долго ждали мирнаго ихъ осуществленія въ русской жизни; наконецъ, понадѣявшись на свои силы, пошли путемъ, строго осуждаемымъ положительными законами. Послѣдствія извѣстны. Цвѣтъ русскаго общества, который, при другихъ условіяхъ, могъ бы составить силу и гордость родной страны, погибъ въ ссылкѣ и въ заточеніи.

Въ краткомъ очеркѣ александровскаго царствованія, составленномъ нами по однимъ лишь печатнымъ источникамъ, мы хотѣли показать, что сущность и смыслъ этого интереснѣйшаго періода въ новой русской исторіи заключается въ постоянной, напряженной борьбѣ между реакціей и либеральнымъ направленіемъ, сильно распространявшимся въ Россіи. Гр. Толстой, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, кромѣ печатныхъ, еще и рукописные матеріалы, долженъ былъ замѣтить это въ бо́льшей степени, чѣмъ мы. Эта борьба вовсе не была мелка и ничтожна; она охватывала все наше образованное и даже грамотное общество, ей приносились на жертву и личное спокойствіе и эгоистическіе интересы коноводовъ движенія.

Въ своихъ замѣчаніяхъ на исторію Карамзина, Никита Муравьевъ не соглашается съ мыслію, что исторія должна мирить людей съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ.

„Конечно — говоритъ онъ — несовершенство есть неразлучный товарищъ всего земного; но исторія должна ли только мирить насъ съ несовершенствомъ, должна ли погружать насъ въ нравственный сонъ квіетизма? Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань

Digitized by Google

вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; до-
родѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ
ротиву заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ
есовершенствомъ, не удовлетвореніе суетнаго любопытства,
не пища чувствительности, не забавы праздности составля-
отъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ,
робуждаетъ душевныя наши силы и устремляетъ къ тому
овершенству, которое суждено на землѣ. Священными
стами исторіи праотцы взываютъ къ намъ: „не посрамите
емли русскія“. (Журн. Минист. Нар. Просв. 1867 г. ст.
. Галахова)“.

Для многихъ мыслящихъ людей того времени эта борьба
о зломъ (такъ, какъ они его понимали) составляла жиз-
енный принципъ, святое и доброе дѣло, которому безраз-
ѣльно отдавались они всею душою. Борьба эта, послѣ 12
ода, при нѣкоторыхъ раздражающихъ обстоятельствахъ,
дѣлалась ярче и страстнѣе; но она очень замѣтна и въ
ервыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Уловилъ ли гр. Тол-
той эту характеристическую черту и, если уловилъ, то
ыполнилъ ли онъ тѣ требованія, которыя, полвѣка тому
азадъ, предъявлялъ Муравьевъ историку народа? Гр. Тол-
той не историкъ, а романистъ; но это только усиливаетъ
трогость требованія. Онъ менѣе былъ стѣсненъ историче-
кими фактами, ему больше было простора выразить свои
ювствія къ той или другой изъ борющихся сторонъ.

Оказывается, что авторъ „Войны и Мира“, желая от-
рыть своимъ романомъ новую эпоху въ исторіи русской
итературы, на самомъ дѣлѣ, воскрешаетъ въ ней эпоху
тарую, да еще и очень старую. Романъ его знакомитъ
съ съ 1812-мъ годомъ столько же (если не меньше),
къ „Юрій Милославскій“ съ 1612-мъ годомъ, хотя, рамки
сторической картины гораздо обширнѣе у гр. Толстого.
илософская же начинка, которою авторъ обильно снабдилъ
ѣлыя главы „Войны и Мира“, если и отличаетъ этотъ ро-
анъ отъ „Юрія Милославскаго“, то отличіе служитъ не
выгодѣ гр. Толстого. Батальныя описанія также хороши
обоихъ романахъ, но добросовѣстность требуетъ приба-

Digitized by Google

зить, что описанія Загоскина обладаютъ качествомъ, котораго нѣтъ у Толстого—именно краткостью. Смысла борьбы которая характеризуетъ объ эти эпохи, раздѣленныя двумя столѣтіями, не ищите ни въ томъ ни въ другомъ романѣ. Герои гр. Толстого, большею частью, упражняются въ стрѣльбѣ, то-есть находятся на войнѣ; въ мирное время они съѣзжаются то у фрейлины Шереръ, то у гостепріимныхъ графовъ Ростовыхъ (семейство очень любезное автору), пьютъ, ѣдятъ, часто танцуютъ и болтаютъ на ужасномъ французско-нижегородскомъ нарѣчіи самыя незначительныя и пустыя вещи. Герои эти—всѣ люди съ хорошими манерами, принадлежатъ къ сливкамъ высшаго общества и, можетъ быть, по сходству съ извѣстными покойниками интересны для двухъ-трехъ читателей. Вообще романъ гр. Толстого представляетъ, съ этой стороны, какую-то семейную хронику великосвѣтскихъ фамилій... Между всѣми этими личностями, прилично говорящими пустяки или неприлично болтающими свысока или о „важныхъ матеріяхъ", мы не нашли ни одного человѣка, который могъ бы назваться представителемъ тогдашней русской интеллигенціи.

Князь Андрей Болконскій? Пьеръ Безухій? Графъ Николай Ростовъ? ужъ не они ли изображаютъ собой типъ развитыхъ людей александровской эпохи? Кажется, авторъ думалъ, дѣйствительно, возвести ихъ въ этотъ санъ по крайней мѣрѣ первыхъ двухъ. Но что это за жалкія, картонныя фигуры... Ихъ въ самомъ дѣлѣ, можно поворачивать во всѣ стороны, какъ справедливо выразился г. Щебальскій, воображая, что сказалъ похвалу..." (Далѣе разбираются: Андрей Болконскій, Пьеръ Безухій и Николай Ростовъ. См. въ IV части: „Разборы отдѣльныхъ типовъ").

Не поймавъ главной характеристической черты александровскаго времени, не оцѣнивъ значенія важнѣйшихъ историческихъ лицъ, гр. Толстой, естественно, не могъ сконцентрировать своего романа и разбросался въ мелочахъ и деталяхъ, не связанныхъ никакою общею идеею. Онъ принялся описывать баталіи, московскія сплетни, салонныя интриги и любовныя приключенія. Эпоха 12-го года заняла

Digitized by Google

уже цѣлый томъ, а читатель все-таки не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Только одна сценка, невзначай разсказанная гр. Толстымъ (она приведена нами въ первой статьѣ), бросаетъ лучъ свѣта на закулисную исторію народной войны. Остальное все какъ въ реляціяхъ: Кутузовъ, Багратіонъ, Шевардинскій редутъ и пр.—Благодаря отсутствію всякаго плана и всякой логической концепціи между разсказываемыми событіями, романъ гр. Толстого можно разогнать не на четыре, а на двадцать четыре тома. Хватитъ ли только у публики терпѣнія дождаться конца? А гр. Толстой, кажется, не намѣренъ церемониться и, какъ слышно, написалъ уже пятый томъ. Конца же все нѣтъ какъ нѣтъ.

А. Пятковскій.

* * *

*) Въ ожиданіи выхода въ свѣтъ послѣдняго тома романа графа Л. Н. Толстого, мы не рѣшаемся говорить подробно какъ о существенной сторонѣ главной его идеи (если только такая *идея* окажется у гр. Толстого), такъ и о характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Мы можемъ относительно только познакомить читателя съ первымъ впечатлѣніемъ, которое оставили въ насъ первые четыре тома и съ тѣми, можетъ быть, исключительными частностями, которыя нѣсколько могутъ характеризовать достоинства и недостатки этого батальнаго произведенія.

Драматическая эпоха, избранная романомъ, внутренняя жизнь общества, салоны Петербурга и Москвы, походы и битвы русской арміи, Аустерлицкое сраженіе, свиданіе императора Александра I съ Наполеономъ, дальше массонскія ложи, наконецъ всѣ главные представители того времени, портреты Аракчеева и Сперанскаго — все это интересуетъ читателя, какъ исторія, изложенная не въ догматической формѣ, а въ ряду картинъ и живыхъ лицъ. Картины эти и дѣйствующія лица не связаны между собою никакой ру-

*) „Дѣло" 1868 г., № 4. „Новыя книги".

Digitized by Google

ководящей мыслію, ничѣмъ, что бы походило на внутрен
нюю жизнь этихъ монументальныхъ бездушностей или н
логику происшествій: все смѣшивается въ общей массѣ, гд
не видишь ни причинъ ни послѣдствій появленія и исчез
новенія героевъ и фактовъ. Какъ въ древнихъ трагедіяхъ
въ которыхъ *судьба* управляла волей и умомъ дѣйствую
щихъ лицъ, въ романѣ г. Толстого есть своя судьба и
свое предопредѣленіе, распоряжающееся событіями и люд
ми, какъ куклами.

Первые два тома посвящены преимущественно картинам
сраженій, походной жизни и только съ половины третьег
тома авторъ становится на чисто романическую почву, —
романъ (если только „Война и Миръ“ романъ, и если только
одинъ романъ, а не два и не три вмѣстѣ) входитъ, так
сказать, въ обыденную колею романа, гдѣ уже рѣзче и
полнѣе обрисовываются характеры, завязывается интрига и
историческій элементъ отходитъ на задній планъ, стано
вится какъ бы преддверіемъ, какъ бы необходимымъ нача
ломъ или первымъ словомъ какой-то мысли, какой-то за
дачи, которую авторъ имѣетъ въ виду осуществить, по ко
торую, надо замѣтить, нигдѣ и ни въ чемъ, ни въ одномъ
даже словѣ не высказываетъ теперь, эта какая-то неопре
дѣленная таинственность мысли возбуждаетъ интересъ чи
тателя и толки самые живые. Одни думаютъ, что авторъ
хочетъ довести романъ до двадцатыхъ годовъ и показать
начало мыслящихъ людей, которыхъ создало наше близкое
соприкосновеніе съ Европой; другіе полагаютъ, что онъ
укажетъ только ту невозможность и немыслимость проявле
нія и существованія какой бы то ни было новой идеи сред
барства, укажетъ на тѣ язвы и зло, которое замкнуло и
отдѣлило его навѣчно отъ всего живого и свѣжаго; нѣко
торые останавливаются на частностяхъ и задаютъ себѣ во
просы: чѣмъ авторъ разрѣшитъ судьбу своихъ главныхъ
героевъ, чѣмъ у него подъ конецъ явятся кн. Болконскій,
графъ Безухій, Наташа, кн. Друбецкой, кого онъ изберетъ
на какое-нибудь будущее осмысленное дѣло, на чемъ онъ
завяжетъ его причину, будетъ ли также кто-нибудь избранъ

Digitized by Google

въ это дѣло изъ числа существующихъ въ романѣ и введетъ ли авторъ еще новыхъ, болѣе свѣжихъ, не закончитъ ли наконецъ романъ однимъ ихъ появленіемъ и т. д... тянутся разнаго рода вопросы и соображенія, которые всѣ говорятъ въ пользу читателей, ищущихъ въ романѣ прежде всего его главную, основную задачу, и никакъ не желающихъ заполучить въ немъ одинъ только историческій разсказъ или что-нибудь въ родѣ „Двѣнадцатаго года" Даниловскаго въ лицахъ, или же художественно собранные анекдоты, характеризующіе жизнь нашего барства.

Пока, впрочемъ, говоря о первомъ впечатлѣніи, которое производитъ романъ, мы видимъ его не больше, какъ въ интересномъ положеніи, готовымъ что-то родить, но не рождающимъ и не родившимъ еще ничего. Историческая сторона романа, существующая въ описательной формѣ, не связана до сихъ поръ ни съ чѣмъ и представляетъ рядъ довольно живыхъ картинъ; другая же сторона романа — это интриги, честолюбіе, развратъ, распущенность,—однимъ словомъ тѣ, давно ужъ извѣстныя, положенія строя высшей сферы общественной жизни, также представляемыя авторомъ съ большимъ знаніемъ и довольно рельефно.

Эти-то придворныя и честолюбивыя интриги при изображеніи картины сраженія подъ Аустерлицемъ, когда въ силу ихъ ведутся на бойню тысячи людей, нѣсколько какъ будто наводятъ читателя на какую-то мысль и дѣлаютъ его впечатлѣніе болѣе серіознымъ. Картина аустерлицкой битвы, послѣ салонной игры, послѣ описанія беззаботной, праздной и развратной жизни московскихъ и петербургскихъ салоновъ, невольно какъ-то останавливаетъ читателя этими ужасами оборванной, голодной толпы солдатъ, пожирающихъ какой-то губительный Машкинъ сладкій корень,— гоняемыхъ тысячами, какъ стадо барановъ, съ мѣста на мѣсто, и затѣмъ переходомъ отъ описанія госпиталя, гдѣ при самомъ входѣ докторъ объявляетъ Ростову, что тутъ *домъ прокаженныхъ, кто ни взойдетъ—смерть*,—переходомъ къ другой картинѣ народовъ въ Тильзитѣ, празднествъ, иллюминацій, съ обѣдами, кутежами, съ безмятежными тор-

Digitized by Google

жественными лицами расфранченныхъ камергеровъ, послѣ того, какъ вы не опомнились еще отъ впечатлѣнія дома прокаженныхъ, послѣ того, какъ вы только-что видѣли его лица и слѣдующую обстановку, искусно нарисованную въ слѣдующей картинѣ: Ростовъ съ фельдшеромъ вошли въ коридоръ. Больничный запахъ былъ такъ силенъ въ этомъ темномъ корридорѣ, что Ростовъ схватился за носъ и долженъ былъ остановиться, чтобы собраться съ силами и итти дальше. Направо отворилась дверь, и оттуда высунулся на костыляхъ, худой, желтый человѣкъ, босой и въ одномъ бѣльѣ. Онъ, опершись о притолку, блестящими, завистливыми глазами поглядѣлъ на проходящихъ. Заглянувъ въ дверь, Ростовъ увидалъ, что больные и раненые лежали тамъ на полу, на соломѣ и шинеляхъ.

— „А можно войти посмотрѣть?—спросилъ Ростовъ.

— „Что же смотрѣть?“—сказалъ фельдшеръ.—Но именно потому, что фельдшеръ, очевидно, не желалъ впустить туда, Ростовъ вошелъ въ солдатскія палаты. Запахъ, къ которому онъ уже успѣлъ придышаться въ коридорѣ, здѣсь былъ еще сильнѣе. Запахъ этотъ здѣсь нѣсколько измѣнился: онъ былъ рѣзче, и чувствительно было, что отсюда-то именно онъ и проходилъ. „Въ длинной комнатѣ, пріосвѣщенной солнцемъ въ большія окна, въ два ряда, головами къ стѣнамъ и оставляя проходъ по серединѣ, лежали больные и раненые. Большая часть изъ нихъ были въ забытьи и не обращали вниманія на пришедшихъ. Тѣ, которые были въ памяти, всѣ приподнялись или подняли свои худыя, желтыя лица, и всѣ съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ надежды на помощь, упрека и зависти къ чужому здоровью, не спуская глазъ, смотрѣли на Ростова. Ростовъ вышелъ на средину комнаты, заглянулъ въ сосѣднія двери комнатъ съ растворенными дверями, и съ обѣихъ сторонъ увидалъ то же самое. Онъ остановился, молча оглядываясь вокругъ себя. Онъ никакъ не ожидалъ видѣть это. Передъ самимъ имъ лежалъ почти поперекъ средняго прохода, на голомъ полу, больной, вѣроятно казакъ, потому что волосы его были обстрижены въ скобку. Казакъ этотъ лежалъ навзничь, раскинувъ

Digitized by Google

огромныя руки и ноги. Лицо его было багрово-красно, глаза совершенно закачены, такъ что видны были одни бѣлки, и на босыхъ ногахъ его и на рукахъ, еще красныхъ, жилы напружились, какъ веревки. Онъ стукнулся затылкомъ о полъ и что-то хрипло проговорилъ и сталъ повторять это слово. Ростовъ прислушался къ тому, что онъ говорилъ, и разобралъ повторяемое имъ слово. Слово это было: испить, пить, испить! Ростовъ оглянулся, отыскивая того, кто бы могъ уложить на мѣсто этого больного и дать ему воды.—Кто тутъ ходитъ за больными?—спросилъ онъ фельдшера.—Въ это время изъ сосѣдней комнаты вышелъ фурштадтскій солдатъ, больничный служитель и отбивая шагъ, вытянулся передъ Ростовымъ.—Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! прокричалъ этотъ солдатъ, выкатывая глаза на Ростова и, очевидно, принимая его за больничное начальство.—Убери же его, дай ему воды,—сказалъ Ростовъ, указывая на казака.—Слушаю, ваше высокоблагородіе, съ удовольствіемъ,—проговорилъ солдатъ, выкатывая глаза и вытягиваясь, но не трогаясь съ мѣста.—Нѣтъ, тутъ ничего не сдѣлаешь, подумалъ Ростовъ, опустилъ глаза, и хотѣлъ уже выходить, но съ правой стороны онъ чувствовалъ устремленный на себя значительный взглядъ и оглянулся на него. Почти въ самомъ углу, на шинели сидѣлъ съ желтымъ, какъ скелетъ, худымъ, страшнымъ лицомъ и небритой сѣдой бородой, старый солдатъ и упорно смотрѣлъ на Ростова. Съ одной стороны сосѣдъ стараго солдата что-то шепталъ ему, указывая на Ростова. Ростовъ понялъ, что старикъ намѣренъ о чемъ-то просить его. Онъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что у старика была согнута только одна нога, а другой совсѣмъ не было выше колѣна. Другой сосѣдъ старика, неподвижно лежавшій съ закинутой головой, довольно далеко отъ него, былъ молодой солдатъ съ восковой блѣдностью на курносомъ, покрытомъ еще веснушками, лицѣ, и съ закаченными подъ вѣки глазами. Ростовъ поглядѣлъ на курносаго солдата, и морозъ пробѣжалъ по его спинѣ... —Да вѣдь этотъ, кажется... — обратился онъ къ фельдшеру. Ужъ какъ просили, ваше благородіе, — сказалъ

Digitized by Google

старый солдатъ съ дрожаніемъ нижней челюсти. — Еще утромъ кончился. Вѣдь тоже люди, а не собаки...— Сейчасъ пришлю, уберутъ, уберутъ,—поспѣшно сказалъ фельдшеръ. —Пожалуйте, ваше благородіе.—Пойдемъ, пойдемъ, — поспѣшно сказалъ Ростовъ, и опустивъ глаза, и сжавшись, стараясь пройти незамѣченнымъ сквозь строй этихъ укоризненныхъ и завистливыхъ глазъ, устремленныхъ на него, онъ вышелъ изъ комнаты".

Но всѣ эти картины вмѣстѣ съ другими, имъ противоположными, надо сказать, не больше, какъ только вѣрны дѣйствительности изображаемаго предмета; но мы не видимъ въ нихъ ничего цѣльнаго и опредѣленнаго, въ чемъ бы нѣсколько высказывалась главная, основная мысль или задача романа. Въ первыхъ трехъ томахъ романъ представляетъ одинъ толко матеріалъ, рядъ хорошо написанныхъ сценъ, рядъ отдѣльныхъ мотивовъ: но никакъ не больше. Замѣтимъ, что нѣкоторыя сцены и предметы, какъ, напримѣръ, портреты Александра I, Сперанскаго, описаны какъ будто, мимоходомъ, вскользь, такъ что нѣкоторыя черты въ портретѣ Сперанскаго неопредѣленны, неясны, а между тѣмъ при исторической задачѣ романа такія двѣ противоположныя и сильныя личности, какъ Сперанскій и Аракчеевъ на ряду съ Александромъ I, очень и очень, намъ кажется, должны были бы обратить вниманіе автора. Впрочемъ, все это можетъ быть впереди и, можетъ быть, все теперь неопредѣленное — опредѣлится послѣ и вся кажущаяся безсодержательность получитъ впослѣдствіи содержаніе, вслѣдствіе чего мы и разборъ романа также откладываемъ до выхода его окончанія. Впрочемъ, съ появленіемъ четвертаго тома, смѣло можно сказать, что и далѣе будетъ то же самое, т.-е. та же безсодержательность и тѣ же достоинства одной только батальной живописи. Явившійся четвертый томъ съ описаніями Бородинскаго сраженія, перехода черезъ Нѣманъ, взятія Смоленска, не добавилъ къ первымъ тремъ томамъ ровно ничего, исключая этихъ новыхъ описаній и исключая еще очень не новой и куріозной философіи самого автора. Съ первыхъ же страницъ четвертаго

Digitized by Google

тома, графъ Л. Н. Толстой пускается (чего съ нимъ не случалось въ первыхъ томахъ) въ такія объясненія съ читателемъ объ исторіи, что какъ-то невольно можетъ каждому подуматься—не шутитъ ли графъ; но изъ объясненія графа, явившагося вслѣдъ за четвертымъ томомъ въ 3-мъ нумерѣ „Русскаго Архива", оказывается, что графъ не шутитъ и что онъ „*при наилучшихъ условіяхъ жизни, посвятивши себя непосредственно и исключительно этому труду, додумался и доработался въ продолженіе пяти лѣтъ до слѣдующихъ соображеній:* я—говоритъ графъ Толстой въ шестомъ нумерѣ своихъ соображеній (у него они раздѣлены на 6 нумеровъ, съ которыми познакомится читатель далѣе)—пришелъ къ очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся историческихъ событій", „что разсматривая исторію съ общей точки зрѣнія, мы (т.-е. гр. Толстой) несомнѣнно убѣждены, въ предвѣчномъ законѣ, по которому совершаются событія", и что „почти всѣ, писавшіе о 12 годѣ, видѣли въ этомъ событіи что-то особенное и роковое". И къ числу этихъ всѣхъ мыслящихъ по законамъ предопредѣленія графъ Толстой присоединяетъ и себя. Это объясненіе предопредѣленія выражается авторомъ въ романѣ разными *если, если бы* и *ежели бы* и (въ такомъ родѣ, что *ежели бы*,—говоритъ авторъ,—солдатъ не захотѣлъ итти на службу и не захотѣлъ бы другой и третій, на столько менѣе людей было бы въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть"). На этихъ *ежели* и *если бы* графъ Толстой строитъ такой старый философски-мистическій выводъ, что „фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій (то-есть тѣхъ, добавляетъ авторъ, разумность которыхъ мы не понимаемъ) и что „чѣмъ болѣе мы стараемся (т.-е. гр. Толстой) разумно объяснить эти явленія въ исторіи, тѣмъ они становятся для насъ неразумнѣе, непонятнѣе", и что вслѣдствіе этого „исторія, т.-е. безсознательная, общая, роевая жизнь человѣчества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей".

Послѣ такихъ умозаключеній, достойныхъ самаго наи-

Digitized by Google

достойнѣйшаго изъ учениковъ Кайданова, мы ограничимся разсмотрѣніемъ еще одного параграфа соображеній графа Толстого,—параграфа, въ которомъ авторъ опредѣляетъ или объясняетъ задачу и общую цѣль своего произведенія. Авторъ говоритъ: „Мнѣ хотѣлось, чтобы читатели не видѣли и не искали въ моей книгѣ того, чего я не хотѣлъ и не желалъ выразить, и обратили бы вниманіе на то именно, что я *хотѣлъ выразить, но на чемъ* (по условіямъ произведенія) *не считалъ удобнымъ останавливаться*“. Какъ же это *хотѣлъ, но не могъ* по условіямъ произведенія, а условія произведенія опредѣляются такъ: „Война и миръ“ не есть романъ, поэма, историческая хроника, а есть то, что *хотѣлъ* и *могъ* выразить авторъ въ той формѣ, въ которой оно выразилось.

Хотѣлъ же авторъ, какъ оказывается далѣе, очертить характеръ того времени и характеръ, выражающійся не въ ужасахъ крѣпостного права, не въ закладываніи женъ въ стѣны, сѣченьи взрослыхъ сыновей, Салтычихи и т. п., что, по его мнѣнію, одинаково принадлежитъ и нашему времени, а хотѣлъ онъ выразить характеръ, вытекающій изъ большой отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. д. „И этотъ-то характеръ, я старался, заключаетъ Толстой, сколько умѣлъ выразить“.

Не желая останавливать читателя на слѣдующихъ, еще болѣе куріозныхъ, объясненіяхъ автора, отвѣтимъ въ заключеніе своей бѣглой замѣтки самому Толстому на его стараніе выразить характеръ очерчиваемой имъ эпохи, его-жъ отвѣтомъ, что онъ „старался или хотѣлъ, да не могъ“.

Объ этомъ мы будемъ говорить подробно по окончаніи романа.

Изъ журн. „Дѣло“.

* * *

Digitized by Google

*) Между огромнымъ количествомъ бездарныхъ произведеній современной нашей литературы есть однако нѣкоторыя, блещущія талантомъ и полныя самыхъ высокихъ достоинствъ. Къ числу такихъ явленій принадлежатъ многія изъ національно-историческихъ нашихъ драмъ и романъ графа Толстого „Война и Миръ“. Если на нашихъ глазахъ совершилось обмеленіе таланта г-на Тургенева, если г-нъ Писаревъ, быстро истративъ всѣ свои заряды, распустился окончательно въ водяныхъ пучинахъ „Дѣла“, если на нашихъ глазахъ совершилось истощеніе и опошленіе еще нѣсколькихъ недюжинныхъ талантовъ, если наше время производитъ невообразимое количество журнальныхъ инфузорій, которымъ суждено оставить громадные литературные пласты въ глубинахъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ журналовъ, то зато на нашихъ же глазахъ формируется одна изъ необходимѣйшихъ принадлежностей самобытной литературы—народная и историческая драма. Талантливыя и глубоко-добросовѣстныя работы г. Костомарова дали матеріалъ Толстому, Островскому и нѣсколькимъ другимъ для нѣсколькихъ драмъ, служащихъ началомъ, я въ этомъ глубоко увѣренъ, для цѣлаго направленія въ литературѣ, направленія существенно-необходимаго для ея органическаго развитія и обѣщающаго чрезвычайно много.

Читатели видятъ, что я говорю афоризмами. Доказывать мнѣ теперь не время и не мѣсто. Въ настоящей статьѣ я хочу говорить не объ исторической драмѣ, а объ историческомъ романѣ.

Взглядъ Виктора Гюго (въ его геніальномъ трудѣ о Шекспирѣ), открывающій въ романѣ лиризмъ, эпику и драматизмъ, прилагается съ успѣхомъ только къ самымъ талантливымъ романамъ. Въ большинствѣ посредственныхъ произведеній нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго.

Романъ Толстого, какъ одно изъ самыхъ крупныхъ произведеній литературы романовъ, могъ бы смѣло доставить

*) „Одесскій Вѣстникъ“ 1868 г., №№ 153 и 155. Статья С. И. Сычевскаго, подъ заглавіемъ: „Очерки новѣйшей русской литературы. „*Война и Миръ*“ гр. Л. Н. Толстого. II“.

Digitized by Google

матеріалъ на десятокъ драмъ, сотни на двѣ лирическихъ стихотвореній и на одну большую эпическую поэму. Все это заключается въ тѣхъ четырехъ частяхъ, которыя появились въ печати. Пятая еще неизвѣстна.

Разсказывать содержаніе этого романа — глубоко безполезно. Историческія событія 1806—1812 года, вѣроятно, извѣстны каждому, а если нѣтъ, то онъ можетъ найти описаніе ихъ въ огромномъ количествѣ разныхъ ученыхъ и учебныхъ книжекъ. Интрига собственно романа очень проста и не отличается ничѣмъ отъ тысячи романическихъ интригъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Но есть въ романѣ Толстого много такого, что встрѣчается въ романахъ очень рѣдко и каждый разъ возбуждаетъ новый и живой интересъ. Это — изображеніе русской жизни и нѣсколькихъ историческихъ личностей.

По мастерскому изображенію жизни, Толстой стоитъ рѣшительно на ряду съ самыми лучшими современными англійскими писателями. Я бы могъ приравнять его только къ Диккенсу, и то не совсѣмъ: у Толстого нѣтъ того саркастическаго юмора, съ которымъ всегда относится къ изображаемой жизни Диккенсъ. Но, съ другой стороны, Толстой далеко стоитъ и отъ того тепловато-религіознаго настроенія, которымъ дышатъ сочиненія очень талантливыхъ барынь—миссъ Каммингсъ, миссъ Эгуларъ и т. п. Въ романѣ Толстого дышешь чистымъ воздухомъ, въ которомъ не слышится ни звука ѣдкаго смѣха ни запаха ладона.

Жизнь общества, изображенная Толстымъ, носитъ на себѣ отпечатокъ извѣстнаго времени и извѣстнаго круга. Видно, что и это время и этотъ кругъ близко ему знакомы. Онъ изображаетъ главнымъ образомъ жизнь того, что по-французски называется la bonne compagnie, а по-русски приблизительно можно перевести словомъ аристократія, употребляя это слово въ его не филологическомъ и историческомъ, а ходячемъ значеніи. Но подъ массой мелкихъ частностей, отличающихъ *хорошее* общество отъ обыкновеннаго, Толстой далъ именно столько значенія, сколько слѣдуетъ, истинно человѣческимъ, общимъ чертамъ.

Digitized by Google

Я теперь договорился до цѣли моей настоящей статьи. Я хочу показать, руководствуясь романомъ Толстого, каково было русское общество и русскій человѣкъ въ то время, которое изображается въ романѣ „Война и Миръ", хочу выслѣдить въ живыхъ картинахъ этого романа тѣ основные элементы, изъ которыхъ сложился типъ русскаго человѣка *хорошаго* круга.

Какой-то нѣмецкій остроумецъ, кажется Бёрне, написалъ ругательную статью объ аристократахъ, въ которой, боясь опустить какое-нибудь качество ихъ, началъ перебирать въ алфавитномъ порядкѣ всѣ ругательства. Статья эта возбудила въ свое время большой хохотъ въ томъ кругѣ, который Прудонъ называлъ les démocrates assermentés; но ни самая статья и никто изъ смѣявшихся—никогда, нигдѣ и ничѣмъ не доказали пониманія аристократовъ и умѣнья ихъ воспроизвести со всѣми ихъ недостатками и достоинствами. Графъ Толстой, съ равнодушіемъ художника, воспроизводитъ близко знакомый ему кругъ самыхъ плохихъ аристократовъ,—аристократовъ русско-французскихъ, и воспроизводитъ его во всей жизненной полнотѣ. Какъ на анатомическомъ столѣ, лежитъ передъ вами въ романѣ Толстого прошлая русская аристократія.

На первомъ планѣ въ „Войнѣ и Мирѣ" стоятъ четыре кровно-аристократическихъ семьи: графы Ростовы и Безухіе, князья Болконскіе и Друбецкіе. Весь романъ есть собственно не что иное, какъ семейная хроника этихъ четырехъ фамилій. Нѣтъ ни одного ничтожнаго факта, съ которымъ бы прямо или косвенно не былъ связанъ хоть одинъ членъ этихъ семействъ. На характеристику ихъ графъ Толстой употребилъ много таланта, и зато они стоятъ передъ нами, какъ живые, громко и вразумительно говоря намъ о достоинствахъ и недостаткахъ своего времени и своей среды. Въ романѣ очень много лицъ. Большинство ихъ обрисовано очень хорошо, но всякій знаетъ по собственному опыту, что въ поэтическомъ произведеніи непремѣнно есть герой и героиня, т.-е. непремѣнно есть такія личности, которыя по прочтеніи рѣзко выдѣляются изъ

Digitized by Google

толпы прочихъ; для которыхъ всѣ остальныя служатъ тольк фономъ, аксессуарами для лучшей обрисовки или объясне нія. Викторъ Гюго имѣлъ именно эту мысль, когда онъ съ геніальнымъ лаконизмомъ, охарактеризовалъ богатую со держаніемъ и лицами драму Шекспира „Король Лиръ" слѣ дующими словами: „Lear—c'est l'occasion de Cordélia" Повторяя фразу Гюго, я смѣло могу сказать: „Война и Миръ" „c'est l'occasion de Nathalie de Rostoff et du comte André de Bolkonsky".

Я не шучу. Взгляните на романъ именно съ этой точки зрѣнія, и вы увидите, какимъ стройнымъ, органическимъ, поэтическимъ произведеніемъ являются онъ: въ первой части и въ половинѣ второй—главное лицо неоспоримо Болконскій. Все, что до него касается, обрисовано необыкновенно тщательно. Его личность мотивирована до значительной психологической глубины и вообще онъ, если можно такъ выразиться, является химическимъ продуктомъ всѣхъ элементовъ, сгруппированныхъ въ этихъ частяхъ. Съ половины второго тома начинаетъ останавливать на себѣ наше вниманіе Наташа, которая прежде являлась только очаровательнымъ ребенкомъ. Въ третьемъ томѣ эта маленькая, худенькая, смугленькая шестнадцатилѣтняя дѣвочка наполняетъ собою все и затемняетъ самыя изящно-аристократическія фигуры въ родѣ графини Безухой.

Въ романѣ заключается нѣсколько браковъ: графъ Безухій женится на Элленъ. Вѣра Ростова выходитъ замужъ за Берга... еще больше дѣлается предложеній: Долоховъ дѣлаетъ предложеніе Сонѣ, Ростовъ—тоже, Курагинъ—княжнѣ Марьѣ и т. д., но изъ всѣхъ этихъ браковъ и предложеній вниманіе читателя невольно приковывается и сосредоточивается около отношеній Болконскаго къ Наташѣ, несмотря на то, что авторъ заставляетъ читателя дожидаться этого цѣлые два тома... (Далѣе слѣдуетъ разборъ Наташи. См. IV ч. „Разборы отдѣльныхъ типовъ").

* * *

Digitized by Google

*) Мы видѣли, что сдѣлало русское общество начала нынѣшняго столѣтія съ женщиной. На нашихъ глазахъ одна изъ самыхъ лучшихъ представительницъ русской женской молодежи подчинилась вліянію того свѣтскаго разврата, противъ котораго еще и въ настоящее время не принято радикальныхъ мѣръ. На нашихъ глазахъ жизнь всѣхъ женскихъ личностей романа Толстого проходила безслѣдно, полная пустыхъ сплетенъ, пустыхъ развлеченій и еще болѣе пустыхъ интригъ. Эпическая борьба Европы съ Наполеономъ коснулась ихъ слегка, les a exfleurées—говоря ихъ собственнымъ слогомъ: она побудила ихъ щипать въ богато-убранныхъ гостинныхъ корпію и собирать штрафъ въ пользу раненыхъ съ каждаго французскаго слова, нечаянно произнесеннаго ими. Все нравственное безобразіе такихъ дѣтскихъ отношеній къ такому серіозному дѣлу было имъ совершенно непонятно, да кажется и ихъ мужья ничего болѣе отъ нихъ не ожидали, потому что, за исключеніемъ Андрея Болконскаго, ни одного изъ нихъ не тяготило нравственное и умственное ничтожество его жены. Но если женщины, слабая и прекрасная часть человѣческаго рода, безъ заботно чирикали во время отчаянной борьбы за свободу всей Европы, т.-е. почти всего образованнаго міра, то ихъ супруги, конечно, не оставались къ ней безучастны. Мужчина еще очень недавно былъ во всѣхъ серіозныхъ отношеніяхъ выше женщины. Только со времени статей Михайлова и романа Авдѣева вопросъ этотъ сталъ возбуждать споры. Во время войнъ съ Наполеономъ, самое понятіе объ эмансипаціи женщины не входило въ кругъ женскихъ мыслей, и въ романѣ Толстого не видно ни одного типа со сколько-нибудь эмансипаціонными чертами.

Итакъ, серьезные вопросы были неотъемлемымъ дѣломъ мужчины, а пустяки—дѣломъ женщины. Посмотримъ же, на сколько тогдашній мужчина былъ готовъ къ дѣятельному участію въ тѣхъ всемірно-важныхъ событіяхъ, которыя совершались.

*) „Одесскій Вѣстникъ" 1868 г., № 155.

Digitized by Google

Больше всего въ романѣ Толстого — военныхъ. Оно понятно. Въ то время и на войнѣ и въ мирѣ военные играли самую видную роль. Приглядываясь повнимательнѣе къ питомцамъ Марса, изображеннымъ Толстымъ, мы усматриваемъ въ нихъ одну общую черту: отношеніе ко всему съ точки зрѣнія тактики, фортификаціи и прочихъ полезныхъ наукъ съ еще болѣе мудреными названіями. Это, конечно, имѣетъ свое достаточное основаніе, но въ то же время совершенно исключаетъ возможность видѣть въ совершающихся событіяхъ что-нибудь дальше собственнаго носа. Единственное исключеніе изъ такихъ близорукихъ тактиковъ и фортификаторовъ составляетъ князь Болконскій, о которомъ рѣчь впереди. Борисъ Друбецкой, Николай Ростовъ, Денисовъ и множество другихъ, не исключая и очень высоко-поставленныхъ лицъ, походятъ въ главныхъ чертахъ другъ на друга какъ двѣ капли воды: это все простые смертные, одѣтые въ мундиры съ иголочки въ гостиной и говорящіе краснѣющимъ барышнямъ болѣе или менѣе конфетныя любезности, а въ полку—кутилы, славные товарищи, отличные рубаки, смиренные и безотвѣтные передъ начальствомъ и отнюдь не гуманные съ денщиками и прочими своими подчиненными. Картежъ, кутежъ и война—вотъ ихъ препровожденіе времени. Все, составляющее непремѣнную принадлежность цивилизованнаго человѣка, глохнетъ и вымираетъ въ нихъ на нашихъ глазахъ подъ вліяніемъ такой жизни — и этого никто не замѣчаетъ, всѣ веселы, довольны, счастливы, и все кажется совершенно нормальнымъ. Я не даромъ остановился на этихъ личностяхъ: ихъ типъ до такой степени знакомъ намъ, что говорить о немъ было бы съ моей стороны непростительною банальностью, самымъ безцвѣтнымъ общимъ мѣстомъ, если бы я не намѣревался подмѣтить въ этомъ типѣ одну черту, дѣйствовавшую и дѣйствующую какъ одинъ изъ самыхъ сальныхъ реактивовъ во всемъ процессѣ человѣческой цивилизаціи. Черта эта—я ее только что назвалъ—равнодушіе къ нравственнымъ и умственнымъ продуктамъ цивилизаціи. Всякій, кто только вдумывался въ явленія обыденной рус-

Digitized by Google

ской жизни въ настоящемъ и прошломъ, можетъ подмѣтить дѣйствіе этой нравственной инерціи чуть не въ каждомъ крупномъ явленіи. Въ романѣ Толстого чрезвычайно удобно дѣлать эти наблюденія, потому что въ немъ есть три представителя послѣдовательнаго развитія русскаго *человѣка*: Николай Ростовъ, Пьеръ Безухій и Андрей Болконскій; еще раньше Николая Ростова надобно поставить фалангу Берговъ, Денисовыхъ, Друбецкихъ и т. д., которые играютъ роль нуля, т.-е. начало положительныхъ величинъ..." (Далѣе слѣдуетъ анализъ Николая Ростова. См. IV часть. „Разборы отдѣльныхъ типовъ").

Ни одна изъ женщинъ не является у Толстого вполнѣ самостоятельнымъ дѣятелемъ, за исключеніемъ развратной Элленъ. Всѣ прочія только и годятся для того, чтобы дополнить мужчину. Въ гражданскую дѣятельность не мѣшается ни одна изъ нихъ. Самая свѣтлая изъ всѣхъ женщинъ романа „Война и Миръ"—Наташа—счастливая радостями семейной и личной жизни... Однимъ словомъ, г-нъ Толстой рѣшаетъ женскій вопросъ въ самомъ, такъ называемомъ, отсталомъ, рутинномъ смыслѣ.

Если къ этому прибавить его вѣрное изображеніе масоновъ, наводящее невольно на тѣ соображенія, которыя я уже имѣлъ случай высказать, то сдѣлается совершенно понятнымъ, отчего одинъ изъ нашихъ смѣхотворныхъ журналовъ, не помню — Искра, или Будильникъ, нашелъ удобнымъ поглумиться надъ прекраснымъ романомъ Толстого въ длинной пародіи на Лермонтовское „Бородино". Но отъ такого глумленія роману не сдѣлается ничего: онъ таки прочтется съ удовольствіемъ и пользой всею образованною и полуобразованною русской публикой и займетъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы.

На романъ Толстого дѣлалось много нападокъ: каждый находилъ въ немъ различные недостатки. Это происходило отъ того, что каждый требовалъ совершенства съ своей точки зрѣнія. Я отнесся къ роману, какъ къ поэтическому воспроизведенію эпохи и разсмотрѣлъ только одну, общую сторону его. Но въ романѣ чрезвычайно много и интерес-

Digitized by Google

ныхъ частностей, о которыхъ говорить не буду. Я, напримѣръ, ни однимъ словомъ не указалъ собственно на военную часть романа. Кромѣ тактическихъ соображеній, интересныхъ для людей, придающихъ какое-нибудь значеніе этой сторонѣ дѣла, въ военной части есть множество обще-интересныхъ мѣстъ, прекрасное воспроизведеніе почти всѣхъ героевъ 12-го года и многихъ важныхъ гражданскихъ дѣятелей, напр., Сперанскаго. Я увѣренъ, что всѣ читавшіе этотъ романъ помнятъ всѣхъ этихъ лицъ, какъ живыхъ, и потому позволимъ себѣ не останавливаться на нихъ.

С. И. Сычевскій.

* * *

*) Новый романъ Л. Толстого „Война и Миръ“ публикою жадно читается и раскупается, но въ журналистикѣ онъ не поднялъ того шума, какой поднимало въ недавнее время каждое замѣчательное произведеніе. Авторъ не затрогиваетъ въ романѣ своемъ ни одного изъ насущныхъ вопросовъ, онъ не проповѣдникъ и не гонитель того или другого современнаго направленія,—онъ рисуетъ намъ картину русскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія; вотъ отчего новый романъ, не возбуждая горячей полемики, могъ дать мѣсто нѣсколькимъ критическимъ замѣткамъ о большей или меньшей степени красоты и поэзіи картинъ и исторической вѣрности, да нѣсколькимъ характеристикамъ нѣкоторыхъ лицъ. Оставивъ въ сторонѣ громкія событія того времени и броженіе общества, кидавшагося отъ скептицизма Вольтера въ туманныя созерцанія масонства, мы намѣрены заняться болѣе скромной задачей—женскими характерами, которые встрѣчаются на страницахъ романа. Ни одинъ романъ не можетъ обойтись безъ героини. Много было написано романовъ, много изображено героинь самыхъ разнообразныхъ характеровъ, со всевозможными оттѣнками,

*) „Отечественныя Записки“ 1868 г., т. 178, № 6, отд. II. „Критика“. Статья Николаевой (М. К. Цебриковой), подъ заглавіемъ: „Наши бабушки“. (По поводу женскихъ характеровъ въ романѣ „Война и Миръ“).

Digitized by Google

и наивныхъ дѣтей, такъ очаровательныхъ въ своемъ незнаніи жизни, которую они украшаютъ, какъ прелестные цвѣты, и практическихъ женщинъ, понимающихъ цѣну благамъ міра и знающихъ, какими средствами достигнуть ихъ въ единственно доступной для нихъ формѣ—выгодной партіи, и кроткихъ, нѣжныхъ созданій — назначеніе которыхъ любовь — готовыхъ игрушекъ для перваго встрѣчнаго, кто скажетъ имъ слово любви, и коварныхъ кокетокъ, въ свою очередь безжалостно играющихъ чужимъ счастьемъ, и безотвѣтныхъ страдалицъ, безропотно угасающихъ подъ гнетомъ, и сильныхъ, богато одаренныхъ натуръ, все богатство и сила которыхъ тратится безплодно; и несмотря на это разнообразіе типовъ и несчетное количество томовъ, въ которыхъ намъ изображали русскую женщину, насъ невольно поражаетъ однообразіе и бѣдность содержанія. Напрасно станемъ мы искать тѣхъ свѣтлыхъ, прекрасныхъ образовъ женщины, которые встрѣчаются на страницахъ иностранныхъ литературъ, женщинъ, умѣвшихъ раздвинуть тѣсныя рамки, въ которыя они были поставлены условіями общества, и выйти въ широкій міръ мысли, науки, дѣятельнаго добра. Роль русской женщины очень скромна и ограничена. Она является во всемъ блескѣ и обаяніи молодости и красоты, приковываетъ вниманіе читателя своею любовью къ герою и тою, которую внушаетъ ему, и за исключеніемъ описаній ея чувствъ, нѣжныхъ сценъ, объясненій, свиданій, она постоянно стушевывается за нимъ; оканчивается ли любовь счастливымъ бракомъ или обрывается внезапной катастрофой, роль женщины окончена, и автору не остается ничего другого, какъ свести ее со сцены. Она является еще сестрой, матерью, дочерью, но тогда уже не героиней, а второстепенной личностью, потому что въ такомъ случаѣ интересъ, возбуждаемый ею, несравненно слабѣе, въ описаніи ея тихой привязанности нѣтъ мѣста для тѣхъ поэтическихъ картинъ и горячихъ красокъ, которыя могутъ увлечь читателя. Не разъ писатели, сознавая эту бѣдность и ограниченность, пытались создать намъ идеалъ русской женщины, но такъ какъ смертные лишены возмож-

Digitized by Google

ности создавать изъ ничего, то всѣ эти попытки оказывались безуспѣшными. Гоголь въ своей Уленькѣ далъ намъ блѣдный призракъ. Ольга въ „Обломовѣ“ и Елена въ „Наканунѣ“ несомнѣнно живыя личности, но дальше сознанія неудовлетворенности жизни и тоски по чему-то лучшему, по безыменному, онѣ нейдутъ; при первомъ словѣ мужа, что такъ должно быть, Ольга покоряется, а Елена уходитъ за любимымъ человѣкомъ, что русскія женщины всегда умѣли дѣлать. Въ послѣдніе годы нѣкоторые писатели въ свою очередь захотѣли дать намъ свои идеалы, но и эти идеалы постигла та же участь, что Уленьку; и какъ рѣдкія исключенія женщинъ, умѣвшихъ подняться надъ уровнемъ потребностей и способностей своего пола, служившія имъ образцами, не могутъ составить еще знакомый, рѣзко опредѣлившійся типъ, пустившій глубокія корни въ жизнь, такъ и эти копіи съ нихъ лишь неясныя очертанія, которыя не могутъ сложиться въ образы, полные жизни. Когда рѣдкія исключенія станутъ типомъ, тогда явятся и эти образы женщины, но это покамѣстъ только желанное будущее.

Л. Толстой не пытается создавать идеалы; онъ беретъ жизнь, какъ она есть, и въ новомъ романѣ своемъ выводитъ нѣсколько характеровъ русской женщины въ началѣ нынѣшняго столѣтія, замѣчательныхъ по глубинѣ и вѣрности психологическаго анализа и жизненной правдѣ, которою они дышатъ. Мы видимъ, что это живыя женщины, что такъ именно онѣ должны были чувствовать, мыслить, поступать и всякое другое изображеніе ихъ было бы ложно; мы не можемъ не признать въ нихъ своихъ близкихъ кровныхъ, однимъ словомъ нашихъ бабушекъ. Изо всѣхъ женщинъ, встрѣчающихся въ романѣ, особенно выдаются: княгиня Болконская, невѣстка ея княжна Марья и Наташа Ростова...» (Далѣе идетъ разборъ княгини Болконской, княжны Марьи и Наташи Ростовой. См. въ IV части: „Разборы отдѣльныхъ типовъ“).

«Подводя итоги жизни нашихъ бабушекъ, придется возвратиться къ высказанной уже мною мысли: у женщинъ нѣтъ своей жизни; мужчина—и цѣль и смыслъ ихъ жизни;

Digitized by Google

нѣтъ его—и жизнь ихъ вялое прозябаніе. Вотъ что говоритъ авторъ о вліяніи мужчины на женщину: „И какъ всегда бываетъ для одинокихъ женщинъ, прожившихъ долго безъ мужского общества, всѣ три женщины почувствовали одинаково, что жизнь ихъ была не жизнью до этого времени. Способность мыслить, чувствовать, наблюдать, мгновенно удесятерилась во всѣхъ ихъ, и какъ будто до сихъ поръ проходившая во мракѣ ихъ жизнь вдругъ освѣтилась новымъ, полнымъ значенія свѣтомъ". Это не естественое чувство удовольствія и оживленія, которое испытываетъ женщина въ обществѣ мужчины, какъ и мужчина въ обществѣ женщины—это полнѣйшее нравственное перерожденіе, это воскресеніе изъ мертвыхъ. И кто же былъ этотъ благодѣтельный геній, удесятерившій ихъ способности мыслить, чувствовать, понимать, этотъ свѣтъ, полный значенія, освѣтившій мракъ ихъ жизни? Пустѣйшій и ничтожнѣйшій франтъ, способный испытывать къ женщинамъ одно звѣрское чувство. Цѣлые томы горькихъ филиппикъ не выставятъ такъ ярко всю пустоту женщинъ, всю нищету ихъ жизни, какъ эти немногія строки. Мужчина, какъ братъ, отецъ, мужъ—властелинъ женской жизни женщины, въ его рукахъ ея счастіе и цѣлая жизнь. Взглянетъ онъ благосклонно, — и она счастливая жена и мать; не удостоитъ онъ ее благосклоннаго взгляда, — и жизнь ея не имѣетъ смысла: это душевные подвиги княжны Марьи, вязаньо шарфовъ для пріютившаго ее родственника княжны Катерины, вздыханье, томленье и меланхолія Жюли Курагиной до благополучнаго брака съ Борисомъ, болтовня о политическихъ новостяхъ и устраиванье свадебъ съ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ неудачи выгораживать свое въ нихъ участіе, Annette Шереръ; а для тѣхъ, у кого нѣтъ способностей болтать о политическихъ новостяхъ, одно устраиванье свадебъ, сплетни и карты. Полюбитъ мужчина женщину,—и она готова жизнь отдать за его взглядъ, она готова, какъ вѣрная и добродѣтельная Соня, всю молодость провести въ ожиданіи той счастливой минуты, когда онъ удостоитъ назвать ее своей женой; а этотъ обожаемый *онъ* между тѣмъ, жалѣя свою свободу, которая нужна

Digitized by Google

ему на то, чтобъ спускать тысячи въ банкъ и посѣщат цыганокъ и разныхъ дамъ на бульварѣ, думаетъ: „э, ещ успѣю, много ихъ еще есть тамъ впереди“—и совершенн правъ: потому что для большинства женщинъ такой чест ный, милый и недурной собою мужчина, какъ Никола Ростовъ, вполнѣ удовлетворяющійся дѣловой праздность полковой жизни, заливающій двумя бутылками вина перво пробужденіе безпокойной мысли, которое грозитъ внест разладъ въ свѣтлый міръ его вѣрованій и обожаній, этот страстный охотникъ, переходящій отъ изступленнаго во сторга къ отчаянію и возсылающій Богу пламенную мо литву о томъ, чтобъ его собака, а не соперника, вцѣпилас въ горло волка — есть идеалъ, къ которому стремятся вс помышленія ихъ и мечтанія; замужество съ нимъ—величай шее счастіе жизни. Николай Ростовъ добръ, съ нимъ легк жить, онъ великодушенъ и неспособенъ мучить отдавшееся въ его руки существо, онъ даже самъ способенъ уходить подъ башмакъ; онъ настолько честенъ, что, женившись покончитъ съ цыганками и бульварными дамами и не истер заетъ сердце жены ревностью. Умри этотъ идеалъ, у нея останутся дѣти. Чего не сдѣлаетъ, чего не перенесетъ женщина для дѣтей! Анна Михайловна всю жизнь рада обивать чужіе пороги, клянчить, унижаться, льстить, интриговать, не отступать ни передъ какимъ униженіемъ. „Всему научишься“, говоритъ она съ гордостью своей пріятельницѣ, удивлявшейся ея неутомимости и умѣнью добиваться своего. И она имѣетъ полное право гордиться. Какъ бы низко ни стоялъ человѣкъ, не легко задавить въ себѣ всякое само любіе, не легко выпрашивать, выслушивать отказы, выдер живать пренебрежительные взгляды, сохраняя улыбку. Но всѣ эти жертвы приносятся обожаемому сыну, цѣль оправды ваетъ средства, и она счастлива служить тряпкой, чтоби обтереть низшія ступеньки лѣстницы, по которымъ этот обожаемый сынъ долженъ подняться до высшихъ, до кото рыхъ онъ никогда не поднялся бы, если бъ у него не было матери, исполнявшей за него эту грязную работу.

Еленъ Безухая одна исключеніе изъ этого общаго пра

Digitized by Google

вила, но зато она и не женщина, она — superbe animal. Ни у одного романиста не встрѣчался еще этотъ типъ развратницы большого свѣта, которая ничего не любитъ въ жизни, кромѣ своего тѣла, даетъ брату цѣловать свои плечи, а не даетъ денегъ, хладнокровно выбираетъ себѣ любовниковъ, какъ блюда по картѣ, и не такая дура, чтобъ желать имѣть дѣтей; которая умѣетъ сохранить уваженіе свѣта и даже пріобрѣсти репутацію умной женщины, благодаря своему виду холоднаго достоинства и свѣтскому такту. Такой типъ можетъ выработаться только въ томъ кругу, гдѣ жила Елена; это обожаніе собственнаго тѣла можетъ развиться только тамъ, гдѣ праздность и роскошь даютъ полный просторъ всѣмъ чувственнымъ побужденіямъ; это безстыдное спокойствіе — тамъ, гдѣ высокое положеніе, обезпечивая безнаказанность, научаетъ пренебрегать уваженіемъ общества, гдѣ богатство и связи даютъ всѣ средства скрывать интригу и заткнуть болтливые рты.

Важныя реформы того времени, ожиданіе еще бо́льшихъ, волновавшіе всѣ умы, свободнѣе заговорившая русская рѣчь, лихорадочное метаніе общества отъ скептицизма Вольтера къ мистическія бредни мартинизма, отъ дикаго разгула произвола къ единенію братства во Христѣ, все это прошло надъ головами нашихъ бабушекъ, не коснувшись ихъ, развѣ изъ моды почитывали онѣ иногда Эккартгаузена. Одно чувство, выходившее за узкія рамки ихъ жизни, пробудилось въ нихъ во время отечественной войны—чувство любви къ отечеству. Оно высказалось и въ княжнѣ Марьѣ, когда негодованіе на предложенное ей оскорбительное покровительство французскаго генерала, пробуждаетъ ее отъ нравственнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ она находилась по смерти отца, хотя она не лично для себя сознаетъ всю унизительность этого покровительства, но какъ представительница имени отца и брата; оно высказалось даже въ смѣшной кузинѣ Пьера Безухаго, которая говоритъ, что какая она ни есть, а все подъ бонапартовской властью жить не намѣрена, и въ Наташѣ, когда она сочувствуя одушевленію отца при чтеніи манифеста объ ополченіи, кидается къ нему на шею, восклицая: „что за

Digitized by Google

прелесть этотъ папа". Но дальше этихъ изъявленій чувства, щипанья корпіи, усиленнаго обожанія этого ange l'empereur, до замѣны французскаго языка русскимъ, исковерканнымъ на французскій ладъ, наши бабушки неспособны были итти, это чувство не становится дѣятельнымъ чувствомъ, онѣ не предпринимаютъ ничего, чтобы облегчить ужасы войны, страданія раненыхъ, призрѣть увѣчныхъ, вдовъ сиротъ; онѣ безпечно веселятся, когда непріятель въ нѣсколькихъ дняхъ перехода отъ Москвы, и бѣгутъ, спасая всѣ свои драгоцѣнности и не мало не заботясь объ участи тысячъ своихъ соотечественниковъ, которые гибнутъ отъ холода и голода въ разоренной Москвѣ.

Любовь, безотвѣтная преданность, самоотверженіе, умѣнье очаровывать, міръ гостиныхъ и міръ семьи—вотъ въ чемъ состояла жизнь нашихъ бабушекъ, вотъ что онѣ завѣщали своимъ дочерямъ. Усмѣшкой горькою обманутаго ожиданія наши матери не встрѣтили доставшееся имъ наслѣдство; онѣ приняли его, какъ драгоцѣнную святыню, и неприкосновенно передали намъ. Безотвѣтная покорность, всепрощающая любовь и самоотверженіе княжны Марьи, нѣжность и вѣрность Сони, умѣнье держать себя въ свѣтѣ и купить собою богатаго мужа, Еленъ, игривое кокетство маленькой княгини и очаровательность Наташи, разумѣется, безъ неблагоразумныхъ увлеченій ея,—вотъ тѣ идеалы, по которымъ воспитывали насъ; вотъ та жизнь, къ которой насъ готовили. Усмѣшкой горькою мы, въ свою очередь, не встрѣтили наслѣдства матерей нашихъ,—обманутаго ожиданія не было. Мы рано изъ ихъ собственной жизни поняли всю бѣдность этого наслѣдства, все развращающее вліяніе вѣчной зависимости на женщину и сознали наши права на то, чтобы жизнь наша была въ нашихъ рукахъ, а не зависѣла отъ благосклоннаго взгляда мужчины или прихоти самодура, наши права на свое мѣсто въ обществѣ, которое не онъ дастъ намъ, а сами мы возьмемъ своими силами, на свою собственную жизнь, жизнь трудовой и свободной дѣятельности, настоящую жизнь. Сильныя этимъ сознаніемъ, мы вступаемъ на новый путь. И если первые шаги наши на немъ не

Digitized by Google

тверды и неумѣлы, если торжество достигнутой цѣли не дается намъ, все-таки на нашей совѣсти не будетъ упрека — мы дѣлали, что могли; и неудачи наши, и первые неумѣлые шаги укажутъ путь другимъ поколѣніямъ, и будутъ наслѣдствомъ, которое внучки наши встрѣтятъ не горькой усмѣшкой.

М. Цебрикова.

* * *

*) Поэтическій очеркъ, о которомъ мы говорили въ прошедшемъ году **), выросъ изъ маленькой книжки въ обширное, многотомное сочиненіе, и является теперь передъ нами уже не очеркомъ, а большою историческою картиною. Содержаніе этой картины полно красоты поразительной; но оно такъ обширно и такъ многосложно, что оцѣнить его сразу въ полномъ размѣрѣ его достоинства почти невозможно и надо долго, долго приглядываться, прежде чѣмъ связь между отдѣльными частями выяснится. Читая главу за главой и книжку за книжкой, не разъ остановишься и спросишь себя: да какой же сюжетъ этого обворожительнаго разсказа и гдѣ его центръ? — Вокругъ какого лица или событія группируется вся эта масса линій и красокъ, портретовъ, характеровъ, происшествій и сценъ? Какой историческій мотивъ сообщаетъ свой стройный, широкій смыслъ и могущественное единство всѣмъ этимъ варіаціямъ? Какая драма жизни народной разыгрывается въ судьбѣ этихъ частныхъ лицъ, управляетъ ихъ интересами и страстями, опредѣляетъ ихъ замыслы и поступки, придаетъ величавый эпическій рѣмъ простому, будничному движенію разсказа? Другими словами, мы ждемъ романа по образцу Вальтеръ-Скотта и, не встрѣчая такого, приходимъ въ сомнѣніе. Намъ уже кажется, что въ сюжетѣ гр. Толстого нѣтъ цѣлости, что форма его многотомнаго со-

*) „Всемірный Трудъ“, 1868 г., № 4. Статья Николая Ахшарумова, подъ заглавіемъ: „Война и Миръ. Сочиненіе гр. Толстого. 1—4 части“.

**) Въ шестой книжкѣ „Всемірнаго Труда“, въ статьѣ: „1805-й годъ“, соч. гр. Л. Толстого.

Digitized by Google

чиненія безсвязна, отрывочна, что это не историческая картина, а просто рядъ очерковъ, относящихся къ одному періоду времени и по этой причинѣ связанныхъ. Но такое сужденіе, хотя оно и естественно, было бы очень несправедливо.

Прежде всего мы должны понять, что форма историческаго романа, по образцу Вальтеръ-Скотта, та форма, съ которой мы свыклись и на которой, большею частію, основаны наши требованія, не есть нѣчто выдуманное и произвольно узаконенное. Она находится въ строгой связи съ характеромъ той народной жизни, на почвѣ которой она взросла. Она, такъ сказать, отлита по типу ея. Это одно уже ведетъ къ заключенію, что такая форма, несмотря на ея красоту и стройность, не можетъ имѣть универсальнаго примѣненія, и меньше всего похожа на нашу. Тамъ все пришло сразу въ соприкосновеніе и, быстрымъ размахомъ пройдя сквозь рядъ неизбѣжныхъ толчковъ и колебаній, скоро успѣло найти свой центръ равновѣсія. Въ неизмѣнныхъ предѣлахъ острова, въ массѣ народа, сплоченной хотя и изъ нѣсколькихъ расъ, но сплоченной тѣсно, разнообразные элементы народной жизни не могли оставаться долгое время чужды другъ другу. Они рано вступили въ борьбу и быстро выработали между собой тѣ ясно-опредѣленныя, стойкія отношенія, печать которыхъ лежитъ на всемъ. Тамъ нѣтъ, какъ у насъ, непротоптыхъ уголковъ, неумятыхъ дорожекъ и не знакома пословица: *всякъ молодецъ на свой образецъ*. Духъ цѣлаго тамъ проникаетъ всюду. Тамъ люди не знаютъ и не отцы ихъ, ни дѣды не помнятъ такого неограниченнаго простора жизни, какой существуетъ у насъ. Тамъ нѣтъ средины; одно изъ двухъ: или совсѣмъ не живи, или живи такъ, какъ люди живутъ. Тамъ есть чудаки, мизантропы, выгородившіе себя изъ жизни, — герои своего времени внѣ исторической сцены дѣйствія тамъ невозможны, и если кому покажутся тѣсны эти условія, тотъ, какъ лордъ Байронъ, долженъ покинуть Англію и стать гражданиномъ вселенной.

У насъ совершенно напротивъ. У насъ центръ равновѣсія до сихъ поръ не отысканъ. Головою мы двинулись быстро впередъ, ногами едва научились ступать, не спотыкаясь и

Digitized by Google

не опрокидываясь. Мы выработали государственное единство, но не выработали еще никакого единства между развитіемъ нашимъ и развитіемъ личнымъ. Послѣ долгихъ вѣковъ историческаго существованія отдѣльные элементы нашей народной жизни до сихъ поръ еще такъ слабо связаны между собой, и эта слабость рождаетъ такой просторъ для всякаго уклоненія въ сторону отъ общаго центра движенія, что у насъ можно легко стать человѣкомъ извѣстнымъ и даже героемъ въ глазахъ большаго числа людей и, несмотря на то, оставаться столь же далекимъ отъ какой бы то ни было положительной исторической роли, какъ любая Коробочка или Обломовъ. Эта черта распущенности, это отсутствіе органической связи въ характерѣ нашей народной жизни и была одною изъ главныхъ причинъ той трудности, съ которою хорошо знакомы наши поэты, трудности отыскать въ нашемъ прошедшемъ какой-нибудь стройный и сжатый сюжетъ для поэтической обработки. Во всей нашей тысячелѣтней исторіи мы знаемъ только одинъ небольшой лоскутокъ времени, захватывающій конецъ XVI и начало XVII вѣковъ, въ которомъ поэзія, не гоняясь за призраками, могла отыскать матеріалъ, дѣйствительно подходящій отчасти къ знакомому намъ романскому образцу историческихъ вымысловъ. Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ и Самозванецъ, — вотъ три единственные мотива въ нашей исторіи, которыми до сихъ поръ пользовались наши драматурги и романисты, и всѣ эти мотивы относятся къ одной короткой эпохѣ. До нихъ мы имѣемъ почти только одинъ матеріалъ сѣноплѣнія; а послѣ нихъ начинается періодъ самый неблагодарный для историческаго искусства. Все поэтическое, что прежде существовало въ центрѣ народной жизни, вянетъ и выдыхается подъ гнетомъ крѣпостной власти и чуждыхъ народному духу, насильственныхъ формъ порядка, къ ней приноровленнаго. Энергія покидаетъ сердце Россіи и мѣстѣ съ людьми, теряющими терпѣніе, уходитъ на низовья Волги и Дона. Въ теченіе долгихъ лѣтъ понизовая вольница и ея герои представляютъ собою почти единственный матеріалъ, сколько нибудь пригодный поэту, да и тотъ

Digitized by Google

остался до сихъ поръ неразработаннымъ. Тѣмъ временемъ жизнь политическая сосредоточилась вся въ одинъ тѣсный пунктъ, у Двора, и пошла путемъ мелкихъ интригъ, фаворитизма, солдатчины. Наружнаго блеска и механической силы, страстей, преступленій и казней оставалось попрежнему вдоволь; но историческій интересъ измельчалъ, а съ нимъ сталъ мелокъ и матеріалъ для поэтической обработки исторіи. Личность Петра стоитъ, какъ его монументъ на площади, одна, совершенно уединенная, а такія фигуры, какъ Меншиковъ, Долгорукіе, Остерманъ, Биронъ, Волынскій и проч. могли быть весьма интересны и даже страшны для ихъ непосредственной обстановки, но въ поэтическомъ смыслѣ исторіи это—нули. То были, по вѣрному выраженію современниковъ, *люди случайные*, люди, не выражавшіе собой ничего, кромѣ личнаго вкуса верховныхъ правителей, приблизившихъ ихъ къ себѣ. Они не имѣли корней на русской землѣ и не представляли собой ничьихъ интересовъ. За плечами у нихъ не было нуждъ и стремленій, воли и силы народной, которымъ они служили бы органами. Каждый изъ нихъ былъ самъ по себѣ, *молодецъ на свой образецъ*, и отъ этого молодца ничего не оставалось впослѣдствіи, кромѣ угару. Какой-нибудь Биронъ, конечно, былъ зло и погубилъ не мало народу, но голодъ или чума были такое же зло и губили гораздо больше народу, и послѣдствій отъ нихъ оставалось гораздо болѣе. Отъ этого-то наши романы и драмы изъ исторіи этого времени имѣютъ всѣ тотъ мелкій, противный характеръ придворной хроники, который такъ же далекъ отъ настоящаго историческаго значенія, какъ далекъ какой-нибудь Остерманъ или Волынскій отъ типа истинныхъ двигателей нашей народной жизни.

Не болѣе вѣка прошло съ тѣхъ поръ. Но въ теченіе этого вѣка совершились событія знаменательныя, событія которыя имѣли громадное значеніе въ исторіи нашего отечества и послѣдствія неисчислимыя. Россія, жившая долго особнякомъ, на рубежѣ европейской цивилизаціи, шагнула черезъ ограду, ее уединявшую, и вступила въ семью европейскихъ націй. Къ несчастію, просвѣщенные члены этой

Digitized by Google

семьи, несмотря на высокое ихъ развитіе, жили не ладно между собою. Они ссорились изъ-за каждаго вздора и тузили другъ друга усердно, такъ что новому члену, немедленно по пріомѣ его въ семейство, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ принять участіе въ потасовкѣ, что онъ и сдѣлалъ и, надо отдать ему честь, не положилъ охулки на руку. Но дрался онъ далеко не такъ, какъ другіе. Онъ дѣлалъ это безъ злобы и, надѣляя своихъ старшихъ братьевъ усердными тумаками, въ тайнѣ души питалъ къ нимъ любовь и глубокое уваженіе. Въ самый разгаръ европейскихъ войнъ, передовая часть русской націи, очарованная высокимъ развитіемъ Запада, стремилась усердно его перенять и усвоить себѣ европейскія формы жизни. Въ столицахъ у насъ образовалось общество на европейскій ладъ и его появленіе въ нашей исторіи, по многимъ причинамъ, было эпохой.

Вначалѣ оно почти исключительно состояло изъ баръ, то-есть людей знатныхъ, богатыхъ и титулованныхъ; но не это давало ему историческое значеніе. Наши бары не составляли собою особаго и замкнутаго политическаго сословія. Въ теченіе всей ихъ долгой исторіи изъ нихъ не вышло, да и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, едва ли могло бы когда-нибудь выйти то, что мы въ собственномъ смыслѣ понимаемъ подъ словомъ: *аристократія*. Въ крови у нихъ не было ни рѣзкихъ, старательно сохраненныхъ, отличій особой породы, ни того политическаго фермента, изъ котораго развивается въ людяхъ инстинктъ сословной личности, сознаніе корпоративной, преемственной силы и наслѣдственное стремленіе къ преобладанію. На первыхъ мѣстахъ между ними были давно ужъ временщики, или дѣти временщиковъ, вызванныхъ случаемъ, откуда попало, и эти мѣста уступлены были имъ безъ спору. Отъ старой родовой спеси и мѣстничества не оставалось почти и слѣдовъ. Чинъ, связи, богатство, вліяніе при Дворѣ и высокая роль на службѣ давно ужъ цѣнились выше происхожденія. Въ пріемной у Аракчеевыхъ и Потемкиныхъ толкались потомки древнихъ удѣльныхъ князей и не считали этого униженіемъ. Многіе изъ этихъ потомковъ были

Digitized by Google

еще богаты и сами играли замѣтную роль при Дворѣ; другіе, оставивъ Дворъ, жили сатрапами въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ и были фактически почти не подсудны закону; но всякій былъ самъ по себѣ, самъ себѣ центръ и все, чѣмъ онъ пользовался, вся сила его принадлежала только ему одному. Это не было нѣчто, завѣщанное вѣками, дошедшее до него въ нетронутой цѣлости, и онъ самъ не считалъ долгомъ поддерживать это далѣе, завѣщая свое значеніе и богатство изъ рода въ родъ, безъ убыли, отъ одного къ одному. Онъ не чувствовалъ себя представителемъ политической единицы и не видѣлъ нужды ни опираться на силу ея, ни самому служить ей поддержкой. Онъ былъ простой, индивидуальный случай, и вся его сила была случайная. Былъ онъ бережливъ и имѣлъ единственнаго наслѣдника, онъ сохранялъ для него все свое достояніе въ цѣлости,—нѣтъ,—онъ проматывался, и дѣти его получали одно знатное имя съ придачей какихъ-нибудь двухъ, трехъ разоренныхъ селъ. Въ результатѣ выходила азартная, круговая игра, съ безпрестанной перетасовкой, игра, въ которой ежеминутно являлись новые конкуренты и персоналъ главныхъ актеровъ мѣнялся. Богатство, вліяніе, сила съ одной стороны переходили, какъ карты отъ игрока къ игроку, съ другой—дробились. Число претендентовъ росло, претензіи ихъ мельчали. Наслѣдники раздробленныхъ и разоренныхъ имѣній увеличивали собою классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, значительное число которыхъ бросало свои помѣстья и ѣхало въ Петербургъ служить. Въ столицахъ изъ обнищавшихъ баръ и мелкихъ дворянъ формировалось уже то многочисленное сословіе чиновничества, которое къ нашему времени успѣло образовать собою особый міръ со своими особыми правами и понятіями; но между этимъ наноснымъ слоемъ и тѣмъ обществомъ на французскій ладъ, которое занимало вершины столичной жизни, не было рѣзко опредѣленныхъ границъ. На службѣ военной или гражданской пріобрѣтались: богатство, помѣстья, чины и вліяніе при Дворѣ. Высшій классъ служащихъ людей велъ знакомство съ барами, былъ принятъ у нихъ въ гостиныхъ, дру-

Digitized by Google

нился, роднился съ ними и усердно копировалъ ихъ образъ изни, съ другой стороны, не обрывая связи со своими верстниками и сослуживцами, которые въ свою очередь одражали ему, и такимъ образомъ едва появился у насъ, ъ столицахъ, первый зачатокъ общества по иностранному бразцу, какъ образецъ этотъ, въ болѣе или менѣе сквер-ыхъ копіяхъ, началъ распространяться на все, что состав-яло столичную обстановку Двора и знати и приближалось къ имъ сколько-нибудь, по степени своего достатка или развитія.

Процессъ этой новой формаціи начался у насъ, безъ омнѣнія, раньше той интересной эпохи, которую графъ олстой изобразилъ въ своемъ сочиненіи. Начало его можно читать съ тѣхъ асамблей, на которыхъ русскихъ боярынь аставляли переодѣваться въ нѣмецкое платье и спаивали аморскимъ виномъ; но долгое время дѣло шло медленно, остепенно; люди еще не успѣли войти во вкусъ того, что ыло навязано имъ по приказу, и новая жизнь, возникая а старой почвѣ, не могла отрѣшиться отъ этой послѣдней разу на столько, чтобы между ними можно было замѣтить якой-нибудь переломъ. Въ исходѣ прошлаго вѣка однако явились вліянія, которыя начали ускорять это движеніе. Число людей, окончившихъ воспитаніе въ школѣ, быстро росло. Масонство расшевелило умы и въ первый разъ стало оединять людей разнаго круга жизни не внѣшнею и слу-айною связью, а силою убѣжденія. Литература заговорила вственнѣе и освѣтила мысль первыми проблесками обще-ственнаго сознанія. Число иностранныхъ книгъ, переведен-ыхъ на русскій языкъ, стало значительнѣе. Все это вмѣ-ѣ успѣло уже образовать въ высшихъ кругахъ нѣкоторое одобіе *публики*, и на эту-то *публику* громовой ударъ ре-люціи произвелъ то рѣшительное и потрясающее впеча-лѣніе, которое у насъ, какъ вездѣ, было сигналомъ новой ізни. Съ Запада вдругъ пахнуло бурею, и на лицахъ у ѣхъ, до кого достигло ея дуновеніе, мгновенно изобрази-ись: тревога, сомнѣніе, ожиданіе.

Впечатлѣніе было смутно вначалѣ, и никто не отдавалъ бѣ отчета въ истинномъ смыслѣ того, что случилось; но

Digitized by Google

всѣ инстинктивно чувствовали, что колесо исторической жизни выскочило изъ старой своей колеи и пошло по какому-то новому, неѣзженному пути, на которомъ старый маршрутъ будетъ плохимъ указателемъ; что впереди готовятся неожиданныя событія и перемѣны, размѣръ которыхъ трудно предугадать... И предчувствіе это сбылось... Оно сбылось въ полномъ объемѣ и въ самомъ непродолжительномъ времени. Тысячелѣтній барьеръ, отдѣлявшій наше отечество отъ Европы, вдругъ какъ будто былъ снятъ чьей-то невидимою рукою, и Россія вмѣшалась въ водоворотъ европейской, международной политики... Борьба была неизбѣжна: барометръ показывалъ *штормъ*... Мы были охвачены ураганомъ, втянуты въ самый центръ его. Но сложеніе новаго члена европейской семьи оказалось здоровое. Онъ вынесъ пробу огня и меча такъ, какъ никто не вынесъ ее. Онъ вышелъ изъ десятилѣтней борьбы, покрытый честью и славою. Онъ отстоялъ свою политическую независимость и утвердилъ ее на прочномъ, незыблемомъ основаніи... Къ несчастію, это былъ только одинъ изъ результатовъ столкновенія нашего съ западною Европою. Одновременно съ шумнымъ вопросомъ внѣшней политики, въ тишинѣ внутренняго развитія, въ сердцахъ и умахъ передового строя нашей народной жизни незримо тлѣла другая борьба и рѣшался другой вопросъ, давно уже поднятый у насъ, вопросъ о нашей нравственной самобытности. И тутъ-то мы дорого поплатились за честь, которая вышла намъ на долю съ другой стороны... Мы были поражены и завосваны самымъ позорнымъ образомъ. Мы даже не можемъ похвастать, чтобы мы выдержали упорную битву. Наше войско сдалось безъ бою, нашъ главный штабъ измѣнилъ... Противорѣчіе между такими двумя результатами было разительное. Съ одной стороны, цвѣтущая сила, счастіе и торжество молодого народа, покрытаго славою; съ другой—его слабость, безхарактерность, уступчивость, отсутствіе уваженія къ самому себѣ и позорное нравственное холопство!... Вотъ яркій, полный глубокаго интереса контрастъ, и такой-то контрастъ составляетъ историческую основу въ произведеніи графа Толстого.

Digitized by Google

Эта основа не бросается прямо въ глаза; мало того, мѣстами кажется, какъ будто въ *Войнѣ и Мирѣ* историческая сторона задачи принесена въ жертву художественной. Лицо частнаго человѣка стоитъ, повидимому, вездѣ на первомъ планѣ и занимаетъ собою читателя почти исключительно; а историческія событія являются только случайною его обстановкою, и ни одинъ изъ главныхъ актеровъ эпохи не принимаетъ дѣятельнаго участія въ драмѣ разсказа. Но, несмотря на такую, повидимому, второстепенную роль исторіи, она чувствуется вездѣ и пропикаетъ собою все. Отголосокъ минувшаго звучитъ въ каждой сценѣ, характеръ общества того времени, *типъ русскаго человѣка въ эпоху его перерожденія* очерченъ явственно въ каждомъ дѣйствующемъ лицѣ, какъ бы ни было оно незначительно, и этотъ *типъ* играетъ главную роль въ сочиненіи графа Толстого. Онъ составляетъ собою тотъ личный центръ, въ которомъ сосредоточивается и воплощается весь историческій интересъ и историческій смыслъ картины; а потому онъ прежде всего и долженъ быть предметомъ критическаго анализа.

Вглядываясь въ этотъ *типъ переходнаго времени*, мы вспоминаемъ рядъ горькихъ упрековъ, которыми онъ у насъ былъ осыпанъ, и спрашиваемъ себя: въ какой мѣрѣ они справедливы?... Точно ли это тотъ судъ потомства, спокойный и безпристрастный, какого мы и себѣ желаемъ со временемъ; или это не приговоръ судьи, а жалоба, злое, односторонее обвиненіе,—*„насмѣшка горькая обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ"*?... Чтобы рѣшить этотъ щекотливый вопросъ, нужно забыть на минуту ту роль истца, которую мы почему-то обыкновенно беремъ на себя въ этомъ дѣлѣ, и поставить себя на мѣстѣ отвѣтчиковъ. Въ чемъ обвиняютъ ихъ? И почему обвиненіе падаетъ только на нихъ, а не на весь русскій народъ, историческое движеніе котораго они представляли? О нихъ говорятъ, будто они измѣнили характеру этого народа, отреклись отъ его самобытности и вмѣсто того, чтобы вести его путемъ самостоятельнаго развитія, пошли хвостомъ за нѣмцами и фран-

Digitized by Google

цузами, стали ихъ обезьянами и лакеями... Въ этомъ, конечно, есть доля правды и правды горькой;—но не такъ-то легко рѣшить, почему обвиненія подобнаго рода должны относиться къ тремъ, четыремъ поколѣніямъ полуразвитыхъ людей переходной эпохи такъ предпочтительно и такъ исключительно, какъ будто бы это были не тѣ же русскіе люди, а нѣчто особенное и совершенно-случайное, какіе-то выродки, ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца,—выродки, по произволу глупой своей головы выбравшіе себѣ особый путь и поступавшіе совершенно не такъ, какъ другіе русскіе люди, въ тѣхъ же условіяхъ, поступили бы на ихъ мѣстѣ?... Спрашивается: откуда могли явиться такіе люди?... Не съ неба же они къ намъ свалились и не отъ помѣси русской породы съ другими произошли,—нѣтъ;—они были точно такіе же русскіе по происхожденію, какъ и любой костромской мужичокъ или московскій купчикъ изъ ихъ современниковъ. И откуда эта черта неустойчивости, измѣнчивости, легкомысленнаго увлеченія чужимъ и легкомысленнаго пренебреженія къ родному?... Если такой черты нѣтъ въ русскомъ народномъ характерѣ, то откуда она могла явиться повально, безъ исключенія, у цѣлаго класса людей чистой русской породы? Не нѣмцы же привили намъ этотъ грѣхъ. Они могли привить что угодно другое, что было у нихъ самихъ въ ихъ народномъ характерѣ; но вѣдь именно этого-то у нихъ и не было. Не имѣя прямыхъ указаній на источники зла, мы должны обратиться къ гипотезамъ. Изъ нихъ — три уже выключены тѣмъ, что̀ сейчасъ было сказано. Мы не можемъ предположить *случая*, потому что уроды не являются вдругъ, сплошной массою и сотнями тысячъ въ исторіи племеннаго перерожденія... Не можемъ допустить *помѣси*, потому что если она и была у насъ съ иностранцами, то далеко не въ такихъ размѣрахъ, чтобы объяснить быстрое, гуртовое перерожденіе народнаго типа въ цѣломъ сословіи... Не можемъ также допустить, чтобы новая черта въ народномъ характерѣ могла перейти къ нему отъ народа, у котораго такой черты не было. Затѣмъ остаются всего только два возможныхъ предположенія. Зло мо-

Digitized by Google

жетъ быть объяснено или особенностью нашего русскаго народнаго характера, или общими всему человѣчеству законами историческаго движенія. Но перваго объясненія мы не можемъ принять; потому что хотя исторія, съ одной стороны, доказала намъ положительно, что въ нашемъ народномъ характерѣ есть гибкость, подвижность, способность переннмать чужое и уживаться съ чужимъ; но, съ другой стороны, она вовсе не доказала, чтобы эта черта была коренная, исконная, свойственная только одному русскому народу и всегда, при всякихъ условіяхъ, отличавшая его отъ другихъ. Остается, стало быть, только одно. Мы должны допустить, что не порча породы чуждою примѣсью, и не нравственная зараза примѣра, и не случайный характеръ нѣсколькихъ поколѣній, и не коренная черта въ народномъ характерѣ, а общій законъ историческаго движенія былъ главнымъ источникомъ того бѣдствія и позора, въ которомъ мы обвиняемъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Мы должны допустить, что на ихъ мѣстѣ и въ ихъ обстоятельствахъ не только мы, ихъ обвинители, или другіе русскіе, по ихъ малолѣтству выгороженные изъ всякаго участія въ этой тяжбѣ; но и люди другого племени поступили бы точно такъ же: были бы такъ же увлечены, очарованы и подчинились бы точно такъ же чужому нравственному преобладанію. Податливость, неустойчивость, въ которой ихъ упрекаютъ, была, конечно, и до сихъ поръ остается отличительною чертою характера нашихъ передовыхъ слоевъ; но эта черта—нажитая въ недавнюю пору. Мы не видимъ ее ни въ русскихъ боярахъ, окружавшихъ тронъ Самозванца въ Москвѣ, ни въ ихъ потомкахъ временъ Петра, и наши потомки, лѣтъ черезъ сто, по всей вѣроятности, не найдутъ уже больше ее между собою. Назовемъ ее настоящимъ именемъ. Это черта *нравственнаго лакейства*. Лакейство еще не рабство, конечно, въ смыслѣ зависимости узаконенной и вынужденной; но оно гаже рабства, потому что подъ нимъ разумѣется подчиненіе нравственное, охотно и даже весело на себя принимаемое и добровольно терпимое. Къ счастью человѣческаго достоинства, эта черта рѣдко бы-

Digitized by Google

ваетъ наслѣдственною и никогда національною. Лакейство существовало во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. Гордый Римъ имѣлъ его у себя, и въ наше время имѣетъ спесивая Англія. Сатира ея указывала на эту черту чаще всякой другой и бичевала съ особеннымъ озлобленіемъ. Она указала намъ на лакейство, какъ на обширное гуртовое явленіе, настоящую язву общественную. Она отыскала его во всѣхъ возрастахъ и почти во всѣхъ классахъ народа, отыскала не только въ ливреѣ футмана и бѣломъ галстухѣ полового, а въ лучшихъ и высшихъ школахъ, въ мѣщанствѣ, въ войскѣ, въ аристократіи. Но едва ли кому придетъ въ голову, на основаніи этого, считать лакейство чертою англійскаго народа, не потому что онъ такъ гордо держитъ себя въ отношеніи къ другимъ націямъ; это не болѣе какъ итогъ его политическихъ и финансовыхъ привиллегій; а потому, что лакейство это всемірный грѣхъ. Вездѣ, гдѣ есть рѣшительный перевѣсъ силы: умственной, нравственной, денежной, политической, гдѣ есть старшинство, первенство несомнѣнное: въ отношеніяхъ между наемщиками и наятыми, между господами и слугами; въ наукѣ между учителями и школьниками; въ школьномъ товариществѣ между старшими и меньшими; въ семьѣ между наслѣдниками и завѣщателями; на службѣ между начальниками и подчиненными; въ прикосновеніи двухъ національностей между народомъ полуразвитымъ и народомъ высокоразвитымъ,—вездѣ лакейство является какъ эпидемическая зараза и разрастается часто до страшныхъ размѣровъ. Что же удивительнаго, если оно и у насъ явилось скоро, послѣ того какъ грубое, неразвитое русское барство, выглянувъ изъ окошка, прорубленнаго въ Европу Петромъ, увидѣло жизнь иного рода и стало чувствовать на себѣ ея обаяніе. Могло ли оно устоять; могло ли оно остаться трезвымъ, спокойнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ соблазновъ высокой цивилизаціи и не погнаться слѣдомъ за нею, припявъ участіе сперва въ вихрѣ свѣтскихъ, блестящихъ потѣхъ, а потомъ и въ вихрѣ умственнаго движенія? Что имѣло оно у себя дома, въ старомъ быту, завѣщанномъ предками, что могло бы сравниться по силѣ оча-

Digitized by Google

рованія съ этой новой картиною, которая вдругъ открылась ему во всей своей ослѣпительной роскоши?... Скучную, праздную жизнь теремовъ, грязь, аскетизмъ, тупую обрядность формъ, варварство нравственное и крайнюю нищету мысли. Могло ли оно съ такими данными угадывать ходъ исторіи? Могло ли соображать, что все это должно исчезнуть со временемъ путемъ самостоятельнаго развитія, и въ этой надеждѣ ждать терпѣливо, огородивъ себя отъ Европы китайской стѣной, или критиковать, анализировать и выбирать осторожно только одно серіозное и полезное, а остальное все отталкивать отъ себя? Такой анализъ, критика и предвидѣніе, возможны ли они были въ незрѣломъ молодомъ обществѣ, у котораго голова кружилась отъ тысячи искушеній? Такая стойкость и такое терпѣніе не выше ли они вообще силъ человѣческихъ?... Не будемъ же удивляться, что предки наши сдались и что изъ набожныхъ, важныхъ, степенныхъ, угрюмыхъ бояръ, свято чтившихъ отцовскій обычай и презрительно относившихся ко всему иностранному, вышелъ вдругъ такой рой фразеровъ, шутовъ, шарлатановъ и робкихъ, угодливыхъ подражателей чужеземному образцу. И не осмѣемъ по-хамски нашихъ отцовъ за то, что они опьянѣли, хлѣбнувъ немного неосторожно изъ чаши новыхъ и малознакомыхъ наслажденій... Они согрѣшили по-человѣчески, будемъ и мы судить ихъ по-человѣчески.

Такимъ-то именно человѣческимъ, мягкимъ, сочувственнымъ взглядомъ и теплымъ участіемъ къ типу, изображенному имъ, проникнуто сочиненіе графа Толстого. Онъ не смотритъ сквозь пальцы на этотъ типъ и нисколько его не поэтизируетъ. Онъ видитъ всю правду, всю мелочь и низость нравственнаго характера и все умственное ничтожество въ большинствѣ людей, имъ изображаемыхъ, и не скрываетъ отъ насъ ничего. Напротивъ, онъ безпрестанно скребетъ тонкую кожицу внѣшняго, европейскаго лоска и отыскиваетъ подъ нею варварство; но онъ далекъ сердцемъ отъ сухого и строгаго приговора. Онъ любитъ людей, имъ описываемыхъ не за какія-нибудь особенныя достоинства или заслуги, ибо такихъ, вообще говоря, на лицо не ока-

Digitized by Google

зывается; а естественною и безотчетной любовью русскаго къ русскому, сына къ отцу, участіемъ зрѣлаго и высокоразвитаго человѣка къ молодому повѣсѣ, который напоминаетъ ему молодость. Странный упрекъ, который былъ сдѣланъ ему за эту любовь и это участіе, упрекъ въ сословномъ пристрастіи, едва ли заслуживаетъ серіознаго опроверженія. Какое право имѣли мы требовать, чтобы онъ написалъ пасквиль на барское общество того времени или разразился надъ прахомъ его бурей гражданскаго гнѣва въ тонѣ поэта Лидіоншвагера? Но если, помимо этого рода педантства, мы вглядимся внимательно въ характеръ баръ, имъ изображаемыхъ, то мы скоро придемъ къ убѣжденію, что авторъ имъ далеко не польстилъ. Ссылаться для этого на низкій умственный или нравственный уровень такихъ людей, какъ всѣ эти Курагины, Друбецкіе, Мамоновы и проч., и разбирать ихъ характеры порознь,—мы не имѣемъ нужды. Мы только напомнимъ, что авторъ не пощадилъ ихъ и что никакой цеховой обличитель барства не могъ бы сказать объ немъ такихъ горькихъ истинъ, какія высказалъ графъ Толстой.

Опредѣливъ такимъ образомъ историческую основу, на которой построенъ общій сюжетъ сочиненія, и указавъ на крупное историческое лицо, изображенное въ центрѣ, мы перейдемъ къ группировкѣ его частей и къ оцѣнкѣ его выполненія. И та и другая представляютъ большія трудности, потому что, *во-первыхъ*, сочиненіе еще не окончено; мало того, невозможно даже предвидѣть, когда оно будетъ окончено и какой объемъ приметъ рамка его; а *во-вторыхъ*, потому, что масса и многосложный, пестрый характеръ подробностей размѣромъ своимъ превосходятъ все, что мы встрѣчали когда нибудь въ русской литературѣ.

Начнемъ съ того, что пластическій, живописный пріемъ разсказа въ общемъ итогѣ беретъ рѣшительный верхъ надъ его драматическимъ и лирическимъ содержаніемъ. Сочиненіе это прежде всего картина. Количество яркихъ красокъ, употребленныхъ авторомъ въ дѣло, число пестрыхъ сценъ и характерныхъ фигуръ, изображаемыхъ имъ по преиму-

Digitized by Google

ществу съ ихъ наглядной и лицевой стороны, множество безподобныхъ ландшафтовъ и разнаго рода сценической обстановки, встрѣчаемыхъ нами на каждомъ шагу,—все это даетъ перевѣсъ сторонѣ картинной. Но послѣ картиннаго, живописнаго содержанія ярче и чаще выходятъ наружу мотивы чисто лирическіе. Разсказъ событій часто перерывается, и авторъ описываетъ съ неутомимой подробностью, о чемъ мечтали участники ихъ, въ извѣстный моментъ происшествія, докапывается до ихъ затаенныхъ и очень нерѣдко глупыхъ надеждъ, до ихъ маленькихъ, грязноватыхъ или эгоистическихъ заднихъ мыслей, ловитъ всѣ мимолетныя чувства, промелькнувшія у нихъ на сердцѣ, все, что ихъ волновало и тѣшило, пугало и огорчало, приводило въ восторгъ или въ унынiе. Это какая-то фантасморгія мысли, какая-то бѣглая, прихотливая, блуждающая музыка сердца, вся составленная изъ пестрыхъ урывковъ и безпрестанно переходящая въ диссонансы. Мотивы ея звучатъ безыскусственной правдой; но всѣ они безотчетны, безсвязны и почти всѣ случайны, а потому большею частію мелки и незначительны. Сознательныхъ и отчотливыхъ побужденій мы видимъ мало; послѣдовательныхъ и связныхъ мотивовъ дѣйствія, упорныхъ стремленій, могучихъ страстей, обхватывающихъ и увлекающихъ человѣка съ неотразимою силою къ чему-нибудь одному, что не даетъ покоя, пока оно не достигнуто, мы вовсе почти не встрѣчаемъ. Историческій фатумъ или тупая, безсмысленная случайность играетъ актерами графа Толстого, какъ шашками. Стеченія обстоятельствъ, ускользающія отъ всякихъ расчетовъ, или минутныя вспышки, отъ которыхъ не остается потомъ и слѣда, вотъ что управляетъ поступками ихъ. Потому и еще по одной, субъективной причинѣ, о которой мы послѣ поговоримъ, драматическихъ, крупныхъ, индивидуальныхъ характеровъ въ сочиненіи графа Толстого мы вовсе почти не находимъ. Мало того, даже величіе этихъ монументальныхъ фигуръ, изрѣдка появляющихся на заднемъ планѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ беретъ которую-нибудь изъ нихъ и приближаетъ ее къ глазамъ чита-

Digitized by Google

теля, на повѣрку оказывается какимъ то грубымъ, оптическимъ заблужденіемъ. Сообразивъ все это, если мы вспомнимъ еще, какое несмѣтное множество лицъ выведено на сцену, и сколько отдѣльныхъ сферъ дѣйствія содержитъ разсказъ, какъ все это сложно, разнообразно и какъ вслѣдствіе этого разнородныя группы и сферы необходимо должны быть перетасованы между собой, то мы поймемъ, почему отдѣльныя части разсказа и отдѣльныя личности, выведенныя на сцену дѣйствія, необходимо должны терять въ нашихъ глазахъ свой нормальный размѣръ передъ лицомъ такого громаднаго цѣлаго. Отъ этого человѣкъ, какъ лицо, у графа Толстого выходитъ мелокъ. Его личный характеръ едва замѣтно участвуетъ въ драмѣ событій. Самая эта драма является намъ почти исключительно съ гуртовой, коллективной своей стороны, а личная ея сторона разбивается на мелкіе эпизоды, не имѣющіе почти никакого единства между собою и вынужденные ожидать развязки въ такой безконечной очереди, которая не даетъ ни одному изъ нихъ времени овладѣть вниманіемъ и участіемъ нашимъ довольно рѣшительно, чтобъ одержать перевѣсъ надъ всѣми остальными и выступить ярко на первый планъ. Вслѣдствіе этого драматическій интересъ сочиненія дѣлается почти безличнымъ, а всякій безличный интересъ, въ драматическомъ отношеніи, холоденъ.

Въ общемъ итогѣ, мы повторяемъ, сочиненіе графа Толстого является намъ картиною, а потому мы и разсмотримъ его выполненіе прежде всего съ этой точки зрѣнія, очевидно наиболѣе выгодной для него.

Картина по содержанію дѣлится на двѣ части, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя по смыслу ихъ общей задачи и мастерски сгруппированныя, но тѣмъ не менѣе, ярко-отличныя — *Войну и Миръ*. Первая доминируетъ, если не по размѣру, то по тому особенному, торжественному, эпическому настроенію, которое она даже издали придаетъ эпохѣ, изображенной авторомъ. Настроеніе это чувствуется даже и тамъ, гдѣ оно, повидимому, вовсе не мотивировано текущимъ ходомъ разсказа. Грозная, черная туча все время

Digitized by Google

виситъ на горизонтѣ. Звукъ военной трубы составляетъ фундаментальный тонъ оркестра и слышенъ то издали, то вблизи, то глухо, то явственно, въ промежуткахъ самыхъ игривыхъ и мирныхъ мотивовъ. О *Войнѣ*, какъ понимаетъ ее графъ Толстой, въ ея историческомъ и философическомъ смыслѣ, мы послѣ поговоримъ, а здѣсь выскажемъ только глубокое удивленіе къ таланту автора. Картина *Войны* у него такъ хороша, что мы не находимъ словъ, способныхъ выразить хоть отчасти ея ни съ чѣмъ несравненную красоту. Это множество лицъ, мѣтко очерченныхъ и озаренныхъ такимъ горячимъ солнечнымъ освѣщеніемъ; эта простая, ясная, стройная группировка событій; это неисчерпаемое богатство красокъ въ подробностяхъ и эта правда, эта могучая поэзія общаго колорита, все—заставляетъ насъ съ полной увѣренностью поставить *Войну* графа Толстого выше всего, что когда-нибудь въ этомъ родѣ производило искусство.

Картина *Мира* не такъ легко поддается общей оцѣнкѣ и на первыхъ порахъ приводитъ насъ въ сильное недоумѣніе. Вниманіе наше поражено красотою отдѣльныхъ частей, но мы не въ состояніи уловить цѣлаго. Мы не знаемъ, за что ухватиться, на что опереться и не находимъ руководящей нити, чтобы пройти извилины этого лабиринта, не потерявшись въ немъ. Мы точно попали на какую-то пеструю ярмарку или рынокъ, раскинутый на пространствѣ необозримомъ. Народъ толпится мѣстами какъ стадо, мѣстами снуетъ по всѣмъ направленіямъ, и гулъ нестройнаго множества голосовъ стоитъ надъ всѣмъ этимъ сборищемъ... Въ чемъ дѣло?.. Что тутъ происходитъ? задаемъ мы себѣ вопросъ и, прислушиваясь, оглядываясь, мы начинаемъ смутно догадываться, что тутъ происходитъ дѣло гораздо болѣе важное, чѣмъ война: дѣло общественнаго развитія, зарожденіе новой жизни въ высшихъ слояхъ народнаго быта. И мы понимаемъ, что дѣло такого рода на первыхъ порахъ не можетъ итти красиво и стройно. Это омутъ, надъ которымъ стоитъ туманъ, еще не разогнанный лучами едва восходящаго солнца, внутри котораго все

Digitized by Google

еще спутано, перемѣшано, бродитъ, кипитъ и волнуется. Нѣсколько разныхъ теченій сталкиваются и перекрещиваются, но ни одно не успѣло еще одержать перевѣса, множество элементовъ, чуждыхъ другъ другу, борются между собою и никакого исхода этой борьбы еще невозможно предвидѣть. Русскіе, нѣмцы, французы, разный языкъ, разный характеръ и степень развитія, разный обычай и разныя убѣжденія, реформа, политика, служба, интриги, проекты, война позади, война впереди, масонство, вѣра и суевѣріе, слухи, толки, сплетни и вихорь шумныхъ забавъ въ жизни столичной, а въ деревенской глуши мечты и надежды молодости и остатки дѣдовскихъ нравовъ, еще уцѣлѣвшіе въ сердцѣ людей, по наружности имъ давно измѣнившихъ... И это одинъ только верхній слой, но за этимъ слоемъ, изъ-подъ него и сзади его чернѣетъ глубь, еще неизвѣданная, бьютъ родники народной жизни, струи которыхъ еще не видали свѣта, скрывается цѣлое море силъ, выжидающихъ своей очереди въ непроглядномъ, далекомъ будущемъ.

Окинувъ взоромъ всю эту неизмѣримую массу жизни, мы убѣждаемся, что художественное единство и группировка были для автора невозможны. Онъ не могъ выдумать органической связи тамъ, гдѣ жизнь еще не развила ее въ себѣ; онъ вынужденъ былъ схватить на лету и урывками кое-что, выдающееся впередъ и сквозящее, такъ сказать, сквозь мутныя волны потока. И это онъ выполнилъ съ рѣдкою скромностью, съ рѣдкимъ умѣньемъ и тактомъ. Онъ водитъ насъ туда и сюда по шумному рынку и, останавливаясь, указываетъ поочереди то на одну, то на другую сцену. И мы видимъ вездѣ русскаго человѣка въ глухой борьбѣ съ наносными формами чуждаго ему просвѣщенія, но сердце наше сжимается, когда, вглядѣвшись, мы замѣчаемъ, какую жалкую роль играетъ въ этой борьбѣ тотъ самый народный характеръ, здоровый и ясный типъ котораго такъ веселитъ насъ въ картинѣ *Войны*. Это уже не прежній лихой молодецъ, не *Васька Денисовъ*, свѣтлый герой, и не *Долоховъ*, этотъ нахалъ и хватъ, который, шкуры

Digitized by Google

своей не щадя, готовъ пролѣзть сквозь огонь и воду. Это какой-то робѣющій и запуганный школьникъ, нравственный недорослъ, который не знаетъ, которой ногой ступить и куда дѣвать свои неуклюжія длинныя руки, не знаетъ, на какомъ языкѣ говорить, стыдясь говорить на родномъ и боясь ошибиться на иностранномъ, не смѣетъ высказать своихъ мыслей, потому что онѣ у него не свои, и онъ боится, чтобъ ихъ не признали за краденыя... И никакихъ убѣжденій, никакого устоя, ни малѣйшей увѣренности въ себѣ, все жидко и шатко, все въ передѣлкѣ, въ разбродѣ... и хочется досмерти заслужить одобреніе отъ кого-нибудь, похвастать, пощеголять передъ старшими, и страшно, что кто-нибудь, осмѣетъ... и, расхрабрившись, рѣшится сказать что-нибудь но не успѣлъ досказать, какъ готовъ ужъ отречься отъ сказаннаго... А между тѣмъ этотъ робѣющій и растерянный недорослъ такъ же дорогъ для насъ, какъ и тотъ богатырь, которымъ утѣшенный взоръ нашъ любуется на другой сторонѣ картины, потому что на немъ, на этомъ недорослѣ, сосредоточены всѣ надежды, и ему принадлежитъ будущее, а тотъ, другой, былъ истинный сынъ своего времени, жилъ полною его жизнію и отжилъ свое... Но вернемся къ первому.

Этотъ характеръ ребячества, уже потерявшаго свою простоту и наивность, но неуспѣвшаго еще пріобрѣсть увѣренности и стойкости, которыя можетъ дать только сознаніе зрѣлой силы, встрѣчается намъ на каждомъ шагу въ картинѣ *Мира*. Черты его, въ разной силѣ и степени воплощенія, авторъ изображаетъ намъ не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но даже и въ цѣлыхъ группахъ. Мы видимъ его неувѣренную въ себѣ, безпрестанно оглядывающуюся на себя и за себя краснѣющую физіономію на вечерахъ у Анны Павловны Шереръ и въ задушевной бесѣдѣ пріятелей съ глазу на глазъ; въ открытыхъ, публичныхъ собраніяхъ и въ ложѣ масоновъ. Мало того, эта самая стыдящаяся себя физіономія обнаруживается и въ той легкомысленной прыткости, съ которою у насъ былъ начатъ рядъ торопливыхъ и чисто внѣшнихъ реформъ. Главной пружи-

Digitized by Google

ной бо́льшей части изъ нихъ былъ стыдъ за свое устарѣвшее платье и нетерпѣнье явиться какъ можно скорѣе передъ собою и передъ Европою въ прилично-скроенной модной гражданской формѣ. Форма смущала и форма прельщала нашихъ преобразователей. О томъ, придется ли она по плечу и какъ уложится въ ней содержаніе, не хотѣлось, да и некогда было думать. И если мы вспомнимъ поистинѣ удивительное число реформъ, проведенныхъ у насъ въ теченіе вѣка, то мы будемъ поражены изумительною легкостью, съ которой онѣ появлялись и вытѣсняли другъ друга. Мы спросимъ себя: когда такое множество ихъ успѣло исчезнуть, явиться и снова исчезнуть, и какую чудесную гибкость жизни долженъ имѣть народъ, способный такъ быстро пройти сквозь такой длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ метаморфозъ своего гражданскаго и политическаго устройства. Но дѣло въ томъ, что гибкость эта чисто воображаемая. Девять десятыхъ реформъ совершены были въ канцеляріяхъ, на бумагѣ, и не успѣли проникнуть далѣе внѣшняго слоя народной жизни, не успѣли войти въ плоть и кровь ея массивнаго организма, какъ были уже похоронены съ тою же удивительной легкостью, съ какою онѣ вытѣсняли своихъ предшественниковъ. Въ картинѣ графа Толстого мы видимъ только одну наружную сторону канцелярскаго аппарата, посредствомъ котораго эти метаморфозы производились, того аппарата, который высиживалъ намъ нѣчто похожее на землянику въ январѣ мѣсяцѣ. Въ нѣсколькихъ бѣглыхъ очеркахъ онъ рисуетъ намъ физіономіи Аракчеева и Сперанскаго съ ихъ ближайшею обстановкою. Это портреты, не болѣе, но характерныя ихъ черты ловко подмѣчены"... (Далѣе слѣдуетъ анализъ Пьера Безухова, Николая Ростова, Болконскаго и др... (См. въ IV части: „Разборы отдѣльныхъ типовъ").

„Военная философія автора впрочемъ не какой-нибудь изолированный мотивъ. Она состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ общимъ характеромъ его философическаго воззрѣнія на жизнь и его пониманія жизни. Онъ *фаталистъ*, но не въ томъ цѣломъ, восточномъ значеніи этого слова, которое

Digitized by Google

усвоено вѣрѣ слѣпой, чуждой всякаго разсужденія. Фатализмъ графа Толстого — это чадо нашего времени, фатализмъ резонирующій, фатализмъ, выражающій собою не сплошную вѣру, а итогъ несчетнаго множества сомнѣній, недоумѣній и отрицаній. Если бы онъ убѣжденъ былъ просто, что исторія, какъ наука, безсмыслица, потому что разумныхъ явленій въ ней нѣтъ, а есть только одинъ нѣмой и совершенно непостижимый рокъ, который понять невозможно, потому что декреты его совершенно не сходятся съ нашими человѣческими понятіями о правдѣ и справедливости, то мы сказали бы только, что мы не раздѣляемъ этого вѣрованія. Но авторъ нейдетъ такъ далеко. Онъ убѣжденъ, что историческія явленія нельзя объяснить научнымъ путемъ; но онъ не рѣшается допустить, чтобы ихъ уже вовсе ничѣмъ нельзя было объяснить. Напротивъ, онъ думаетъ, что станетъ ясно для насъ, если мы допустимъ предназначеніе. Далѣе, онъ отвергаетъ инициативу личную, какъ факторъ, имѣющій свою долю участія въ событіяхъ историческихъ. Онъ говоритъ, что такъ называемые великіе люди суть ярлыки, дающіе только имя событію; но меньше всего имѣющіе съ нимъ связи, потому что ихъ дѣйствія только кажутся имъ произвольными, а въ сущности они вынуждены роковымъ ходомъ исторіи и опредѣлены предвѣчно. Но онъ не рѣшается итти до конца и сказать, что человѣкъ совершенно лишенъ инициативы, что всѣ его дѣйствія вынуждены закономъ строгой необходимости и имѣютъ неотвратимый, роковой смыслъ. Напротивъ, онъ полагаетъ, что въ мелкой сферѣ личнаго интереса человѣкъ пользуется свободой для достиженія своихъ цѣлей и чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ, что онъ можетъ сейчасъ сдѣлать или не сдѣлать такое-то дѣйствіе; но, прибавляетъ онъ, какъ только дѣйствіе сдѣлано, такъ оно становится невозвратимо и дѣлается достояніемъ исторіи, въ которой оно имѣетъ не свободное, а предопредѣленное значеніе. Выводъ такой, что дѣйствіе человѣческое свободно, пока онъ не сдѣлалъ его, но *послѣ того*, какъ сдѣлалъ, оно становится вынужденнымъ, опредѣленнымъ задолго до

Digitized by Google

его совершенія, опредѣленнымъ предвѣчно... Этого, при
знаемся, мы не можемъ понять, и мы предпочли бы вовс
не объяснять ничего, чѣмъ объяснять такимъ образомъ
Это способъ формальнаго и насильственнаго связыванія
словами того, что не вяжется по существу своему въ по
нятіи. Изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ
двумя совершенно различными способами образуются дв
тока мыслей, прямо другъ другу противоположныхъ, а по
тому, разумѣется, приводящихъ къ столь же противопо
ложнымъ выводамъ. Происходитъ *сомнѣніе*, на которомъ
ные и останавливаются, искренно сознаваясь себѣ въ сво
ей неспособности его разрѣшить. Другіе рѣшаютъ его, бро
сивъ одинъ изъ двухъ выводовъ, какъ фальшивый, и при
нимая другой. Но не всѣ такъ искренны или такъ рѣши
тельны. Есть и такіе, которые въ сущности пойдутъ даль
ше сомнѣнія, а между тѣмъ не хотятъ признаться себѣ,
что они изъ него не могутъ выйти. Они-то и прибѣгаютъ
къ формуламъ, связывающимъ словесно то, что не вяжется
въ пониманіи. Общій видъ этихъ формулъ такой: есть раз
ныя сферы истины и разные виды ея пониманія. Въ одной
сферѣ вѣрно одно, а въ другой другое, совершенно про
тивоположное. Къ этому общему виду формальнаго примиренія выводовъ, непримиримыхъ въ дѣйствительности, при
надлежитъ и философія графа Толстого. Онъ тоже не хо
четъ признаться себѣ, что онъ въ сущности *скептикъ* и
тоже ищетъ исхода въ дѣленіи истины на два вида. Одну
чисто личную и, подобно условной, мелкой монетѣ, при
годную только для обращенія между частными лицами, и
въ этой онъ допускаетъ разумныя цѣли и свободную ини
ціативу дѣйствій, къ осуществленію этихъ цѣлей; другую,
крупную, историческую, въ которой все это кажется ему
чепухой, все отвергается, и онъ вѣритъ только въ одно,
предвѣчное опредѣленіе. Разъ, совершивъ подобный раздѣлъ,
нечего уже затрудняться какими бы то ни было противо
рѣчіями. Всѣ они умѣстятся, которое по одну, которое по
другую сторону, и тѣмъ безпрепятственнѣе, чѣмъ труднѣе
рѣшить, гдѣ собственно оканчивается сфера инициативы.

Digitized by Google

личной и гдѣ начинается сфера предназначенія? Авторъ не только намъ не указываетъ опредѣленной границы, но онъ рѣшительно спутываетъ эти двѣ сферы въ какой-то неразрѣшительный узелъ. У него всякое дѣйствіе можетъ быть отнесено и къ той и къ другой, смотря по тому, какъ удобнѣе. Отъ этого-то мы и находимъ въ его сочиненіяхъ, на каждомъ шагу, ту мнимую широту воззрѣній, которая въ сущности объясняется только крайнею ихъ неопредѣленностью и неустойчивостью. Онъ никогда, напримѣръ, не рѣшится осудить прямо кого-нибудь или что-нибудь и сказать: *это скверно*, или также рѣшительно оправдать кого-нибудь и сказать: *хорошо*. У него все выходитъ какъ-то заразъ и хорошо и скверно, и справедливо и нѣтъ. И тотъ правъ, и этотъ, который ему противорѣчитъ начисто, тоже правъ. И неудача Наполеона подъ Бородинымъ была предвѣчно опредѣлена и нѣтъ, она не была предвѣчно опредѣлена, а произошла отъ того, что на него въ первый разъ наложена была рука сильнѣйшаго духомъ противника, и частью также отъ того, что Кутузовъ, а не Барклай командовалъ, и еще отъ того, что у Наполеона былъ насморкъ, и т. д. Спрашивается: похоже ли это все хоть сколько-нибудь на ясное, стойкое убѣжденіе и не полнѣйшій ли это скептицизмъ? Такой-то именно скептицизмъ въ воззрѣніяхъ автора и былъ, какъ намъ кажется, главной помѣхой при выполненіи его трудной задачи. Художникъ, избравшій темою своего произведенія великое историческое событіе или картину великой эпохи, сдѣлаетъ большую ошибку, созерцая актеровъ этой эпохи или событія à vol d'oiseau, съ такой высоты, съ которой всѣ они должны показаться ему одинаково мелки, а ихъ движенія одинаково безотчетны и неразумны. Съ такой высоты легко усомниться, конечно, чтобы какой-нибудь личный мотивъ между ними имѣлъ значеніе историческое. Движенія ихъ покажутся движеніями какого-то роя пчелъ или возней въ раскопанномъ муравейникѣ, и могутъ имѣть въ глазахъ его одинъ только смыслъ: безотчетнаго роеваго инстинкта. Въ воззрѣніи этого рода личность не существуетъ или является при-

Digitized by Google

зракомъ, который не допускаетъ анализа, который имѣетъ въ себѣ нѣкоторое подобіе жизни только въ оптическомъ аппаратѣ нашей фантазіи и при искусственномъ освѣщеніи вымысла. При трезвомъ, дневномъ, бѣломъ свѣтѣ и внѣ искусственной обстановки всѣ краски и тѣни, весь мнимый объемъ ея исчезаютъ, и она является тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности: ничтожной мухою, муравьемъ, безконечно-малой песчинкой въ часахъ Сатурна, безсмысленнымъ атомомъ въ неизмѣримомъ числѣ другихъ такихъ же атомовъ, изъ суммы которыхъ, вѣками накопленной, лѣпится мало-по-малу и возникаетъ нѣчто такое, что наконецъ, можетъ быть, и имѣетъ свой смыслъ и свой цвѣтъ и объемъ, но что такъ далеко отъ нашего слабаго пониманія и такъ чуждо нашему личному интересу, что мы ни въ какомъ отношеніи не можемъ его назвать своимъ. Это—далекія и великія цѣли судьбы, къ которымъ медленно, непримѣтно и совершенно непроизвольно движется человѣчество... Возвышенно все это, разумѣется, очень; но ничего холоднѣе, суше и, мы можемъ смѣло прибавить, безплоднѣе этого взгляда на человѣчество быть не можетъ. Это крайній и самый отчаянный скептицизмъ. Онъ отнимаетъ смыслъ у всего, что для насъ можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, и переноситъ его съ отрицательнымъ знакомъ на мѣсто, для насъ совершенно чуждое и непостижимое. Онъ отнимаетъ у человѣка всякую вѣру въ себя и въ другихъ людей, всякое уваженіе къ какой бы то ни было, доступной ему, полезной общественной дѣятельности, заставляя его смотрѣть на эту дѣятельность, какъ смѣшное усиліе муравья сдвинуть гору. Всякая жертва, приносимая человѣкомъ въ порывѣ сердечнаго увлеченія, всякая славная цѣль впереди, побуждающая его къ тяжелому подвигу, все съ такой точки зрѣнія должно показаться ему ребяческимъ, глупымъ задоромъ.

Къ счастію, авторъ *Войны и Мира* не всегда смотритъ съ такой точки зрѣнія. Къ счастію, онъ поэтъ и художникъ въ десять тысячъ разъ болѣе, чѣмъ философъ. И никакой скептицизмъ не мѣшаетъ ему, какъ художнику, ви-

Digitized by Google

дѣть жизнь во всей полнотѣ ея содержанія,—со всѣми ея роскошными красками,—и никакой фатализмъ не мѣшаетъ ему, какъ поэту, чувствовать энергическій пульсъ исторіи въ тепломъ, живомъ человѣкѣ, въ лицѣ, а не въ скелетѣ философическаго итога.

Благодаря этому ясному взгляду и этому теплому чувству, и на зло его отвратительной философіи, мы имѣемъ теперь историческую картину, полную правды и красоты, картину, которая перейдетъ въ потомство, какъ памятникъ славной эпохи. Но... эта картина еще не кончена.

Николай Ахшарумовъ.

* * *

*) *О вкусахъ не спорятъ*—повторяли много разъ и много лѣтъ, и наконецъ перестали повторять, потому что убѣдились въ нелѣпости этого классическаго изреченія. Люди спорили о вкусахъ съ незапамятныхъ временъ и будутъ спорить еще долго. Да и нельзя не спорить; отъ вкуса, точно такъ же, какъ отъ образа мыслей и чувствъ человѣка, зависитъ то, будетъ ли онъ мертвящей или плодотворной силой въ средѣ человѣческаго общества. Ложно-направленный и искаженный вкусъ, точно такъ же, какъ болѣзненный и дурно-развитый умъ, можетъ вносить множество бѣдствій въ ту сферу, въ которой ему суждено жить и дѣйствовать. Въ этомъ мы, къ сожалѣнію, убѣждаемся на каждомъ шагу, благодаря нашимъ крайне ограниченнымъ романистамъ и еще болѣе ограниченнымъ ихъ критикамъ и читающей публикѣ. Всѣ они понимаютъ *изящное* не лучше того, какъ понимаютъ его дикари какого-нибудь новооткрытаго острова. Красивая внѣшность, изящная форма, хотя бы подъ ней скрывалась самая безобразная сущность, кажется имъ истинно-изящнымъ. Въ художественно одѣтомъ и причесанномъ негодяѣ они видятъ изящнаго человѣка, и

*) „Дѣло“, 1868 г., № 6. Статья С. Навалихина, подъ заглавіемъ: „Изящный романистъ и его изящные критики“.

Digitized by Google

бездушную куклу готовы обоготворить, какъ героя. Такъ какъ это сбиваетъ съ толку здравый смыслъ того общества, которое развертываетъ наши по преимуществу изящные журналы, то мы и рѣшились поговорить, какъ объ общихъ романистахъ, такъ и объ изящныхъ критикахъ.

Когда явился въ свѣтъ романъ гр. Л. Толстого „Война и Миръ", не было никакой причины говорить о немъ; въ массѣ общества имя Толстого едва помнили, и его неудачи въ области его педагогическихъ фантазій были болѣе извѣстны, чѣмъ его литературная дѣятельность. Произведетъ ли этотъ романъ какое-нибудь впечатлѣніе и какое именно было совершенно неизвѣстно. Но вотъ посыпались со всѣхъ сторонъ плодовитые разборы этого романа; изящные наши критики такъ обрадовались этому случаю, что запѣли на разные лады, какъ будто гр. Л. Толстому удалось открыть новую Америку. „Вѣстникъ Европы" отнесся къ роману робко, преклонивъ колѣно передъ его величіемъ; не намъ учить такого великаго художника,—восклицалъ онъ, и подобострастно подымалъ глаза на художественное описаніе изящной и манерной жизни, какъ онъ выражался. Вотъ въ этомъ-то раболѣпномъ преклоненіи предъ quasi-художественнымъ описаніемъ ея гр. Толстымъ и выразился тотъ вкусъ части нашего общества, который нельзя было пройти молчаніемъ. Источникъ этого вкуса—идеи и чувства слишкомъ важныя; онѣ слишкомъ болѣзненно отразятся на нашей жизни, на нихъ нельзя не обратить вниманія.

Выводя на сцену императора Александра, Кутузова, Сперанскаго, Аракчеева, гр. Толстой явно хочетъ показать намъ, что онъ вводитъ насъ въ высшія и самыя вліятельныя сферы русскаго общества начала XIX столѣтія. То же самое намѣреніе видно и изъ того, что большинство его героевъ люди сановитые и богатые; его графъ Безухій, напр., имѣетъ полмилліона годового дохода; авторъ употребляетъ фамиліи, которыя, своимъ созвучіемъ, напоминаютъ намъ фамиліи очень извѣстныхъ аристократическихъ родовъ, напр., князь Болконскій, князь Курагинъ; даже тѣ лица, на которыхъ въ этомъ обществѣ смотрятъ сверху внизъ,

Digitized by Google

носятъ названія, также напоминающія не менѣе извѣстныя личности, напр., князей Трубецкихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что гр. Толстой намѣренъ былъ ввести насъ въ самыя горнія сферы александровскаго общества, и критикъ „Вѣстника Европы“ увѣряетъ насъ, что мы въ этихъ сферахъ найдемъ образцы истинно изящной жизни. Но въ чемъ же изящной?—Вѣдь не въ искусствѣ же одѣваться, украшать свою квартиру и создавать для себя вкусные обѣды; всего этого дилеттантизма по части модистокъ, обойщиковъ и поваровъ гр. Толстой описывать не могъ, да и не описываетъ. Онъ изображаетъ только дѣйствія, мысли и чувства, а слѣдовательно въ нихъ-то и надо искать того изящества, которое усмотрѣлъ изящный критикъ „Вѣстника Европы“. Посмотримъ. Для начала я возьму сцену, въ которой играетъ роль князь Болконскій выше другихъ лицъ, описываемыхъ имъ въ романѣ; онъ старается показать, что они лучше даже самыхъ лучшихъ.

„Какъ обыкновенно—пишетъ гр. Толстой,—князь (Болконскій) вышелъ гулять въ своей бархатной шубкѣ съ соболь имъ воротникомъ и такой же шапкѣ. Наканунѣ выпалъ глубокій снѣгъ. Дорожка, по которой хаживалъ князь Николай Андреевичъ къ оранжереѣ, была расчищена, слѣды метлы виднѣлись на разметанномъ снѣгу, и лопата была воткнута въ рыхлую насыпь снѣга, шедшую съ обѣихъ сторонъ дорожки. Князь прошелъ по оранжереямъ, по дворамъ и постройкамъ, нахмуренный и молчаливый.

— „А проѣхать въ саняхъ можно?—спросилъ онъ провожавшаго его до дома почтеннаго, похожаго лицомъ и манерами на хозяина, управляющаго.

— „Глубокъ снѣгъ, ваше сіятельство. Я уже по просѣкѣ разметать велѣлъ.

Князь наклонилъ голову и подошелъ къ крыльцу. „Слава Тебѣ, Господи“, подумалъ управляющій, „пронеслась туча!“

— „Проѣхать трудно было, ваше сіятельство,—прибавлял

Digitized by Google

вилъ управляющій.—Какъ слышно было, ваше сіятельство, что министръ пожалуетъ къ вашему сіятельству?—Князь повернулся къ управляющему и нахмуренными глазами уставился на него.

— „Что? Какой министръ? Кто велѣлъ?—заговорилъ онъ своимъ пронзительнымъ, жесткимъ голосомъ.—Для княжны, моей дочери, не расчистили, а для министра! У меня нѣтъ министровъ.

— „Ваше сіятельство, я полагалъ...

— „Ты полагалъ, закричалъ князь, все несвязнѣе выговаривая слова.—Ты полагалъ... Разбойники! прохвосты... Я тебя научу полагать,—и, поднявъ палку, онъ замахнулся ею на Алпатыча и ударилъ бы, ежели бы управляющій невольно не отклонился отъ удара.—Полагалъ... Прохвосты...—торопливо кричалъ онъ; но несмотря на то, что Алпатычъ, самъ испугавшійся своей дерзости, отклонившись отъ удара, приблизился къ князю, опустивъ передъ нимъ покорно свою плѣшивую голову, или, можетъ, быть именно отъ этого, князь, продолжая кричать: „Прохвосты!... закидать дорогу...“ не поднялъ другой разъ палки и вбѣжалъ въ комнаты“.

Человѣкъ, сколько-нибудь привыкшій мыслить, прочитавъ эту сцену, вправѣ подумать, что князь Болконскій никогда не видѣлъ дѣйствительно изящнаго общества и провелъ всю свою жизнь среди грубыхъ бушменовъ, потому что только самый грубый бушменъ рѣшится такъ нагло обращаться съ человѣкомъ, который хотѣлъ ему сдѣлать удовольствіе, и сдѣлалъ то, что слѣдовало сдѣлать. Князь Болконскій, по увѣренію автора романа, былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей своего времени; онъ не былъ такъ богатъ, какъ графъ Безухій, который имѣлъ 160.000 душъ, но все-таки онъ былъ очень богатъ. Положимъ, что отъ князя Болконскаго зависѣло не 160.000 человѣческихъ существъ, а вдвое менѣе, т.-е. всего 80.000,—никто не будетъ оспаривать, что сдѣлать несчастными 80.000 живыхъ людей—это вовсе не изящно, а напротивъ, крайне безобразно и преступно. Если князь Болконскій такъ обращается съ

Digitized by Google

управляющимъ, отъ котораго зависитъ судьба и счастіе этихъ 80.000 безгласныхъ рабовъ, то какого онъ можетъ имѣть управляющаго? Только человѣкъ, лишенный всякаго душевнаго благородства, всякаго чувства своего достоинства, согласится подвергаться подобному, ничѣмъ незаслуженному оскорбленію. Можно ли назвать цивилизованнымъ человѣка, который стоитъ на такой низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія, что даже не понимаетъ, что, имѣя въ рукахъ своихъ судьбу сотенъ тысячъ людей, онъ несетъ за нихъ тяжелую и великую отвѣтственность. Но едва ли понимаетъ это и самъ авторъ, видимо увлеченный изяществомъ своего героя: по крайней мѣрѣ, этого рѣшительно не понимаетъ критикъ „Вѣстника Европы"... Не лучше обращается Болконскій и съ своею дочерью. Сцены его обращенія съ нею напоминаютъ намъ одну личность, вѣроятно, теперь уже забытаго романа Диккенса „Оливеръ Твистъ",—личность вора Вилльяма, издѣвающагося надъ своею любовницей, какъ надъ домашнимъ скотомъ. Болконскій почти такъ же третируетъ свою дочь; онъ ни одного раза, въ теченіе всей его жизни, описанной въ романѣ, даже нечаянно не выказалъ человѣческихъ чувствъ къ своему родному дѣтищу; напротивъ, постоянно и умышленно онъ наноситъ ей самыя грубыя оскорбленія, и она съ безконечнымъ терпѣніемъ покоряется имъ. И несмотря на это, изящный романистъ старается увѣрить насъ, что князь Болконскій былъ одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей своего времени; какъ бы опасаясь за то, что мы ему не повѣримъ, онъ пытается убѣдить насъ авторитетомъ всего русскаго общества.

„По своему прошедшему,—говоритъ онъ про князя Болконскаго,—по своему уму и оригинальности, князь Николай Андреевичъ сдѣлался тотчасъ же предметомъ особенной почтительности москвичей. Онъ возбуждалъ во всѣхъ своихъ гостяхъ одинаковое чувство почтительнаго уваженія"... и въ другомъ мѣстѣ: „въ Николинъ день, въ именины князя, вся Москва была у подъѣзда его дома".

Представивъ, такимъ образомъ, одного изъ замѣчатель-

Digitized by Google

нѣйшихъ людей своего времени, какъ авторъ заставляетъ о немъ выражаться, гр. Толстой выводитъ на сцену другого, сына князя Болконскаго, Андрея. Старый Болконскій, явившись въ Москву, сдѣлался тотчасъ главою московскаго общества, а сынъ сдѣлался сподвижникомъ Сперанскаго и написалъ, какъ говорилъ его отецъ, для Россіи цѣлый фолюмъ законовъ (мы низко летать не любимъ). Тотъ же самый молодой князь былъ и героемъ въ сраженіи при Аустерлицѣ, и благодѣтелемъ своихъ крестьянъ. Вотъ образчикъ разсужденій этого благодѣтеля. Князь Андрей Болконскій разсуждаетъ съ графомъ Пьеромъ Безухимъ, который разсказываетъ ему, какъ онъ на дуэли раннлъ офицера Долохова. Долохова онъ вызвалъ на дуэль безъ всякаго повода, только потому, что онъ подозрѣвалъ его въ преступныхъ сношеніяхъ съ своей женой. Сношенія эти ничѣмъ не были доказаны... (Слѣдуетъ выписка, начинающаяся словами: „Одно, за что я благодарю Бога, это за то, что...“ Послѣднія слова ея: „И съ тѣхъ поръ сталъ спокойнѣе, какъ живу для одного себя“).

Изъ продшествовавшаго этому разговору разсказа видно, впрочемъ, въ чемъ состояла эта жизнь Андрея для другихъ; видно только, что Андрей вмѣстѣ съ другими русскими и нѣмцами старался какъ можно болѣе перебить французовъ, въ то время, какъ французы старались какъ можно болѣе перебить русскихъ и нѣмцевъ. Князь Андрей вѣрнѣе бы выразился, если бы онъ сказалъ, что онъ жилъ для того, чтобы убивать другихъ. Онъ былъ такъ тупъ и ограниченъ, что не понималъ, что во время войны живутъ для другихъ тѣ, которые стараются прекратить кровопролитіе и устроить миръ, а не тѣ, которые стараются вооружить одного противъ другого и только ради тщеславія погубить какъ можно больше невинныхъ людей. Онъ, дѣйствительно, погубилъ не только свою жизнь, но и жизнь многихъ другихъ, не задумавшись ни разу въ жизни объ истинно человѣческихъ отношеніяхъ къ своимъ ближнимъ... (Слѣдуетъ выписка, начинающаяся словами: „Да какъ же жить для одного себя?...“ и т. д. Выписка оканчивается словами:

Digitized by Google

„...его животнаго состоянія и дать ему нравственныхъ потребностей“).

При низкомъ уровнѣ своихъ интеллектуальныхъ силъ и при грязномъ взглядѣ своемъ на жизнь и людей, князь, конечно, не могъ понимать, что у мужика точно такія же чувства, какъ у всѣхъ людей, что онъ такъ же, какъ всѣ люди, способенъ любить, чувствовать привязанность, горячо страдать страданіями своей семьи, переносить для другихъ труды и лишенія, а иногда и жертвовать для нихъ всѣмъ своимъ счастіемъ и всей своей жизнью; какъ всѣ близорукіе и умственно убогіе люди, находящіеся въ состояніи полудикаго человѣка, князь воображалъ, что только онъ одинъ съ товарищами имѣлъ способность чувствовать нравственныя потребности, а всѣ другіе — это были движущіяся машины... (Слѣдуетъ выписка, начинающаяся словами: „А мнѣ кажется, что единственное возможное счастье—есть счастье животное“... Послѣднія слова ея: „....онъ растолстѣетъ и умретъ“).

Все это говорилось по тому случаю, что графъ Безухій распорядился облегчить крестьянскую барщину. Распоряженіе это не было приведено въ исполненіе, и на крестьянъ были навалены новыя и еще большія тяжести. Тѣмъ не менѣе, князь Андрей отмѣривалъ мужику исключительно одинъ физическій трудъ, а себѣ и своимъ сподвижникамъ умственныя занятія. Но спрашивается, что было бы съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ всѣ бушмены, подобные князю Андрею, приняли бы на себя роль представителей умственной дѣятельности? что было бы съ нами, еслибъ всѣ принялись такъ разсуждать, какъ разсуждаетъ сіятельный герой графа Толстого. Этотъ несчастный герой такъ скудоуменъ, что даже не способенъ понять, что уменьшеніе барщины не уменьшаетъ труда крестьянина, а увеличиваетъ его благосостояніе, давая ему болѣе свободнаго времени для работы на себя. Тамъ, гдѣ уменьшеніе барщины уменьшаетъ трудъ, этотъ трудъ былъ непосильный, это было варварство, къ которому были способны принуждать только люди, которые находили, что крестьянинъ чувствуетъ необходимость въ

Digitized by Google

страшномъ физическомъ трудѣ, отъ котораго можно угорѣть черезъ недѣлю. Человѣкъ, который распоряжается жизнью и счастьемъ десятковъ тысячъ рабочихъ силъ, не въ силахъ понять послѣдствія и значеніе такого простого факта, какъ освобожденіе крестьянина отъ барщины, показываетъ ясно, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о своихъ обязанностяхъ ни о положеніи своемъ въ обществѣ. Онъ нравственно и умственно стоитъ на одной степени первобытнаго человѣчества. Таковъ лучшій изъ тѣхъ людей, которыхъ описываетъ авторъ, и непостижимо, какимъ образомъ въ средѣ, стоящей на такомъ низкомъ нравственномъ уровнѣ, можно находить изящество въ проявленіи чувствъ и мыслей... (Слѣдуетъ выписка, которая начинается словами: „Третье,— что бишь еще ты сказалъ?...“ и оканчивается словами: „.... доволенъ видѣть его повѣшеннымъ, но мнѣ жалко отца, то-есть опять себя же...“).

Это патетическое словоизверженіе заставляетъ насъ остановиться на немъ. Протоколистъ – это такая ничтожная и не имѣющая вліянія на ходъ дѣлъ личность, что его мелкое воровство не могло нанести вреда во время нашихъ войнъ, стоившихъ жизни многихъ тысячъ, погибшихъ отъ воровъ болѣе крупныхъ: онъ могъ просто украсть у солдата сапоги, если они плохо лежали. Всего вѣроятнѣе предположить, что онъ укралъ ихъ потому, что у него самого не было сапогъ, и что онъ не въ силахъ переносить холода и сырости. Можетъ быть, это воровство спасло его отъ простуды и смерти. Пусть князь Андрей поставитъ себя на его мѣсто, при своемъ самодовольствѣ и любви къ насилію, при своемъ полномъ непониманіи нравственныхъ условій жизни человѣческаго общества, онъ бы не только укралъ, онъ отнялъ бы силою и потомъ самоувѣренно сталъ бы утверждать, что грабежъ этотъ съ его стороны поступокъ въ высшей степени нравственный, что онъ совершенъ для спасенія жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей сего вѣка. Самый безупречный человѣкъ тотъ, который при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ ни разу не подалъ примѣра слабости или робости, и тотъ посмотритъ на поступокъ протоколиста съ

Digitized by Google

чувствомъ, въ которомъ будетъ девяносто девять сотыхъ сожалѣнія и одна сотая ненависти. Девяносто девять разъ онъ подумаетъ о томъ, какъ бы пріискать этому несчастному бѣдняку какой-нибудь исходъ изъ его крайняго положенія, и одинъ разъ о томъ, какъ бы предупредить преступленіе строгостью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ разсуждать такъ: наказаніе, назначенное за мелкое воровство такъ строго, что страданія, которыя имъ причиняются, не имѣютъ никакой соразмѣрности съ ущербомъ, происходящимъ отъ воровства. Но отчего же, несмотря на это тяжкое наказаніе, все-таки воруютъ, и воровство самое обыкновенное изъ преступленій? Оттого, что на воровство часто вынуждаетъ необходимость, и затѣмъ потому, что его слишкомъ легко скрыть. У насъ было только одно преступленіе, которое имѣло болѣе значительные размѣры — это взяточничество и конокрадство. Наказаніе за это преступленіе также тяжкое, ущербъ обществу отъ него неизмѣримо значительнѣе, чѣмъ отъ воровства, и жалобы на него въ обществѣ гораздо рѣзче и энергичнѣе,—и все-таки взяточничество и конокрадство составляло самое обыкновенное изъ преступленій: они совершались почти исключительно людьми, которые никогда не рискнутъ на кражу. Это понятно; взяточнику и конокраду еще болѣе шансовъ скрыть свое преступленіе, чѣмъ мелкому воришкѣ. Но какъ ни были тяжки наказанія за эти преступленія, воры и взяточники не переводились. Били ихъ и кнутомъ нещадно, подвергали и пыткамъ, и они все не переводились... эта простая и всѣмъ извѣстная истина, кажется, могла бы быть доступна даже такому тряпичному уму, какъ Болконскій. Но онъ очевидно ее не понимаетъ: напротивъ, грозные инстинкты его дѣлаютъ изъ него какого-то лютаго звѣря. Съ неподражаемымъ цинизмомъ онъ увѣряетъ своего пріятеля, что онъ не жалѣетъ о тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ казнитъ; онъ за нихъ молился, онъ клалъ за нихъ земные поклоны и выпрашивалъ имъ прощеніе и вѣчное блаженство. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ отправилъ бы на тотъ свѣтъ и бѣднаго протоколиста, онъ желалъ бы потѣшиться его казнью, по ему

Digitized by Google

жалко отца. Жизнь человѣческая вѣситъ для него легче, чѣмъ нѣсколько непріятныхъ минутъ его отца, и какія будутъ эти непріятныя минуты, велика ли будетъ эта непріятность для людей съ такою совѣстію, какъ князья Болконскіе. Если онъ, безъ сожалѣнія, готовъ былъ повѣсить протоколиста, то сколько разъ, безъ сожалѣнія, слѣдовало бы повѣсить его отца... Какое было сравненіе между вредомъ, нанесеннымъ протоколистомъ, укравшимъ сапоги, и между тѣмъ вредомъ, который наносилъ его отецъ тысячамъ людей своимъ бездушіемъ и безжалостнымъ деспотизмомъ! Съ точки зрѣнія нравственнаго и матеріальнаго зла людямъ, старый Болконскій, въ глазахъ гуманнаго судьи, окажется во сто кратъ виновнѣе всякаго проворовавшагося протоколиста. Сынъ не лучше. И онъ, изуродованный нравственно, съ нечеловѣческимъ, почти невѣроятнымъ бездушіемъ, онъ написалъ, по сказанію автора, вмѣстѣ съ Сперанскимъ, цѣлый томъ законовъ для Россіи. Каковъ законодатель"!... (Слѣдуетъ выписка, начинающаяся словами: „Князь Андрей все болѣе и болѣе оживлялся"... Послѣднія слова ея: „всѣ останутся такими же спинами и лбами").

Такимъ образомъ философствуетъ князь Андрей, — это тотъ самый цивилизованный бушменъ, который оставлялъ за собою привиллегію мыслить, а за крестьяниномъ—исключительно посвятить себя механическому труду; но я убѣжденъ, что и у бушмена нашлись бы болѣе гуманныя и здравыя мысли...

Однажды мнѣ случилось говорить съ калмыцкимъ нойономъ; это былъ совершенный дикарь, типъ первобытнаго номада, воспитанный подъ вліяніемъ духовенства, въ вѣрованіяхъ буддизма. Онъ имѣлъ въ своей власти нѣсколько десятковъ тысячъ кочевниковъ и право на оброкъ, который можно было оцѣнить тысячъ въ шестьдесятъ рублей серебромъ. Я удивился скромности и даже бѣдности жизни этого родовитаго дикаря; по моему расчету, онъ не могъ проживать на себя болѣе тысячи рублей. „Я человѣкъ бѣдный",— сказалъ онъ мнѣ понижающимъ голосомъ, и съ такимъ видомъ, какъ будто ему очень трудно было въ этомъ при-

Digitized by Google

знаться. „Однакожъ, — возразилъ я, — у насъ, помѣщики, которые имѣютъ гораздо менѣе васъ, живутъ съ несравненно большею роскошью..." — „Ваши помѣщики, да... — сказалъ онъ — ну, да вѣдь нельзя же ихъ поравнять со мною; имъ можно, а мнѣ неприлично". Его поза, выраженіе его глазъ мгновенно измѣнились, въ нихъ выражалось столько гордости, столько чувства своего превосходства, что я тогда только понялъ значеніе убитаго голоса, съ которымъ онъ говорилъ о своей бѣдности; онъ вѣдь сравнивалъ себя съ русскимъ царемъ. — „Вѣдь они помѣщики, а я владѣлецъ. Народъ мнѣ данъ самимъ Богомъ, и передъ нимъ за каждаго человѣка отвѣчаю". Своимъ ломанымъ и неяснымъ языкомъ онъ сказалъ нѣсколько фразъ, въ которыхъ онъ старался дать мнѣ почувствовать величіе человѣка, который пользуется довѣріемъ такого существа, какъ Богъ. „Ваши помѣщики берутъ оброкъ, какъ имъ велѣно, и съ бѣднаго, и богатаго — имъ все равно, а мнѣ такъ нельзя; съ одного я беру шесть рублей, а съ другого рубль, а съ бѣднаго я ничего не беру, я самъ ему даю". Онъ разсказалъ мнѣ, какъ однажды у нѣкоторыхъ изъ его поддапныхъ, во время метели, погибли стада. — „Я ихъ всѣхъ надѣлилъ поровну, — продолжалъ онъ. — Зайсанги (дворяне у калмыковъ) были мною недовольны, но мнѣ нельзя, я не могу позволить пропасть человѣку изъ своего народа, я за каждый волосъ на его головѣ отвѣчаю".

Напрасно гр. Толстой думаетъ, что наглыя рѣчи, подобныя тѣмъ, которыя у него произноситъ князь Андрей, совмѣстны съ тѣми гуманными намѣреніями, которыя навязываетъ ему авторъ въ отношеніи крестьянъ. Авторъ, какъ видно, не знаетъ людей, которые дѣлаютъ другимъ добро, и въ особенности большое добро. Въ какое бы время и при какихъ бы условіяхъ ни существовали люди этого сорта, — у нихъ, обыкновенно, въ сильной степени развито общественное чувство. Кромѣ личныхъ и узко-эгоистическихъ цѣлей, они имѣютъ еще другія, высшія цѣли, вытекающія изъ того глубоко-человѣческаго убѣжденія, что всякое индивидуальное счастіе возможно только при общемъ счастіи

Digitized by Google

всѣхъ членовъ извѣстнаго общества. Отсюда направляется вся дѣятельность этихъ людей, къ этому главному пункту сводятся всѣ ихъ стремленія, интересы. Гуманныя чувства, полныя высокой любви и снисходительности къ людямъ, составляютъ отличительную черту этихъ людей; и притомъ эти чувства вытекаютъ не изъ сантиментальныхъ настроеній сердца, а изъ высокаго умственнаго развитія, съ которымъ находится въ полной гармоніи весь внутренній міръ и вся практическая дѣятельность этихъ людей. Такимъ, повидимому, гр. Толстой и хотѣлъ представить намъ князя Андрея. Эта личность идетъ у него впереди всѣхъ, онъ сдѣлался извѣстенъ всей Россіи своими поступками относительно крестьянъ и обратилъ на себя вниманіе Сперанскаго. Человѣкъ, который идетъ впереди своего вѣка, слишкомъ хорошо понимаетъ весь вредъ цицическихъ и бездушныхъ рѣчей, и не можетъ не понимать, потому что нравственное и умственное развитіе ставитъ его выше всякой пошлости; онъ очень хорошо знаетъ, что говорить значитъ то же, что дѣлать. Но таковъ ли дѣйствительно князь Андрей? Изъ всего, что онъ говоритъ и дѣлаетъ у гр. Толстого, видно, что это грязный, грубый, бездушный автоматъ, которому не извѣстно ни одно истинно-человѣческое чувство и стремленіе. И въ этомъ отношеніи гр. Толстой даже не сумѣлъ замаскировать всей внутренней пошлости Болконскихъ. Между всѣми героями романа они выдаются особенно крупными чертами своей физіономіи; они могутъ служить типомъ для другихъ. То, что въ другихъ затушевывается недостаткомъ характера, мелочностію или безпечностью и добродушіемъ (какъ, напримѣръ, у Пьера), то обрисовывается у Болконскихъ ясными и опредѣленными линіями. Послѣ этого отзывъ изящнаго критика „Вѣстника Европы“ объ изяществѣ героевъ гр. Толстого можетъ заставить только пожать плечами. Этотъ отзывъ производитъ тяжелое и отвратительное впечатлѣніе на всякое мало-мальски живое нравственное чувство. Ясно, какъ изящный романистъ, такъ и изящный критикъ его даже не предчувствуютъ истиннаго характера человѣка, способнаго дѣлать дѣйствитель-

Digitized by Google

ное добро людямъ. Для нихъ все то изящно и гуманно, что знатно и богато, и эту внѣшнюю вылощенность они принимаютъ за настоящее человѣческое достоинство. Оба они смотрятъ на героевъ романа снизу вверхъ, и умиленіе, какъ туманъ, застилаетъ все передъ ихъ глазами. За этимъ туманомъ они видятъ не то, что въ дѣйствительности, а миражъ, созданный ихъ досужимъ воображеніемъ. Одинъ русскій романистъ описалъ раболѣпную женщину, которая смотрѣла въ отдаленномъ кварталѣ на карету и выходившаго изъ нея оберъ-офицера; ей представились на немъ воображаемыя звѣзды и генеральскія эполеты, потому что она никакъ не могла себѣ вообразить, чтобы въ каретѣ могъ ѣздить кто-нибудь другой, кромѣ генерала. Это естественный обманъ плохо воспитанной фантазіи. Критикъ „Вѣстника Европы", составивъ себѣ понятіе, что высшее общество должно вести изящную жизнь и что, кромѣ изящной, оно никакой другой жизни вести не можетъ, нашелъ такую жизнь и въ лицахъ, которыхъ гр. Толстой вывелъ на сцену, хотя ни одно изъ этихъ лицъ ни одного раза не проявилось изящно, а всѣ или проявлялись безразлично, или грубо и грязно, какъ дикіе бушмены. Вся эта грязь не марала критика „Вѣстника Европы" и не обдавала его своимъ удушливымъ запахомъ; онъ ее не замѣчалъ, а рисовалъ въ своемъ воображеніи изящную обстановку и изящныя манеры, дальше которыхъ его анализъ не можетъ итти.

Но и въ манерахъ героевъ романа мы не усматриваемъ особеннаго изящества. Вотъ одно мѣсто, которое въ двухъ словахъ характеризируетъ свойство манеръ описаннаго авторомъ общества: министръ, князь Курагинъ, съ сыномъ Анатолемъ въ гостяхъ у князя Болконскаго; тутъ же находится, по своей обязанности, француженка m-elle Bourienne.

„Вечеру, — говоритъ авторъ, — когда послѣ ужина стали расходиться, Анатоль поцѣловалъ руку княжны. Она сама не знала, какъ у ней достало смѣлости, но она прямо взглянула на приблизившееся къ ея близорукимъ глазамъ прекрасное лицо. Послѣ княжны онъ подошелъ къ ручкѣ m-elle Bourienne (это было неприлично, но онъ дѣлалъ все

Digitized by Google

такъ увѣренно и просто), m-elle Bourienne вспыхнула и испуганно взглянула на княжну".

Анализуя это понятіе о приличіяхъ, я не буду говорить объ изящномъ обществѣ—куда!—я не буду говорить даже о просто цивилизованномъ обществѣ. Я разсмотрю, какъ бы на это взглянуло общество, которое уже вышло изъ дикаго состоянія и начинаетъ приближаться къ цивилизаціи. Общество нужно считать въ дикомъ состояніи, пока его высшее удовольствіе—показывать свою силу и наводить страхъ. Германецъ тщеславился тѣмъ, что кругомъ его деревни на двѣсти верстъ не смѣлъ никто поссориться, опасаясь его грабежей и разбоевъ. Оно дико потому, что наклонности людей тутъ прямо противоположны условіямъ человѣческаго благосостоянія. Общество полудикое, но приближающееся къ цивилизаціи, характеризуется тѣмъ, что человѣкъ въ немъ уже не считаетъ похвальнымъ оскорблять другого безъ нужды, но водетъ все-таки эгоистическую и обособленную жизнь. При такомъ условіи уже возможна жизнь спокойная, но полной общественной гармоніи еще не можетъ быть. Общество цивилизованное уже не довольствуется тѣмъ, чтобы не оскорблять другихъ: каждый членъ его подходитъ къ ближнему съ любовью, онъ старается ему помочь, поднять и нравственно и матеріально, нравы этого общества таковы, что они способствуютъ наибольшему развитію силъ и благосостоянія. Наконецъ, въ изящномъ обществѣ такая взаимная помощь дѣлается съ особенной деликатностію и производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Противъ такого раздѣленія, простого, понятнаго и прямо вытекающаго изъ наблюденія и изъ природы вещей, я полагаю, ничего нельзя возразить. Если мѣрить этой мѣркой общество, описанное гр. Толстымъ, то его надо отнести къ разряду такихъ скопищъ. Показывать высокомѣрное презрѣніе къ человѣку, который по необходимости попалъ въ его гостиную, можетъ только человѣкъ, дико величающійся своей силой, человѣкъ съ чувствами того германца, которому пріятно топтать ногами все, что къ нему приближается. Человѣкъ полуцивилизованный, средневѣковой рыцарь вла-

Digitized by Google

дастъ иногда въ другую крайность: изъ опасенія оскорбить, онъ старается возвеличить надъ собою своего собесѣдника, онъ называетъ его милостивымъ своимъ государемъ, а себя покорнѣйшимъ слугою. Онъ не замѣчаетъ, что и при его желаніи не оскорблять безъ нужды, проглядываетъ еще складъ ума дикаго человѣка. Если я предполагаю, что я дѣлаю удовольствіе своему собесѣднику тѣмъ, что я себя унижаю, а его возвышаю надъ собою, то я предполагаю въ немъ наклонность возвышаться надъ другими и попирать ихъ ногами, т.-е. наклонность дикаго человѣка. Поэтому членъ цивилизованнаго общества, который знаетъ, что его собесѣднику всего пріятнѣе видѣть въ другихъ столько же значенія и достоинства, сколько въ немъ самомъ, ведетъ себя въ обществѣ со всѣми, какъ съ равными, не унижаясь ни передъ кѣмъ и не величаясь ни надъ кѣмъ. Эта первая и самая необходимая черта общественнаго приличія и изящества совершенно незнакома героямъ гр. Толстого; они выхощены внѣшнимъ образомъ, и въ этомъ все ихъ изящество. Топъ общества Болконскихъ точно такъ же возмутителенъ, какъ и ихъ разсужденія и ихъ поведеніе.

Но изящество въ костюмѣ, въ пищѣ, во внѣшней обстановкѣ можетъ итти рука объ руку съ самой дикой грубостью въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Человѣкъ, изящный въ проявленіи своихъ мыслей и въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ людямъ, неизбѣжно долженъ быть и нравственно развитая, свѣтлая личность. Напротивъ, человѣкъ, дикій въ своихъ проявленіяхъ, дикъ и въ своемъ существѣ. Эта неизбѣжная связь между внутреннимъ міромъ человѣка и его внѣшними поступками ясно сохранилась въ герояхъ романа. Люди эти производятъ цѣльное впечатлѣніе людей живыхъ, взятыхъ изъ дѣйствительности. Это не сотрудники Сперанскаго, какъ авторъ ихъ называетъ, это не люди временъ Александра: черты изъ жизни временъ Александра прилѣплены къ нимъ съ тѣмъ же искусствомъ, съ которымъ можно черты монгола прилѣпить къ физіономіи эѳіопа. Авторъ описываетъ явно людей, которыхъ онъ самъ видѣлъ и лично наблюдалъ, людей, на которыхъ онъ

Digitized by Google

привыкъ смотрѣть снизу вверхъ и которыхъ онъ выбралъ желая изобразить лучшее общество временъ Александра, возвелъ въ героя, потому что не былъ въ состояніи их понять. Вотъ откуда взялась цѣльность впечатлѣнія, про изводимаго на читателя героями этого романа.

Между изящными бушменами любимцемъ автора является гусаръ Ростовъ; про него критикъ „Вѣстника Европы" го воритъ, что онъ обладаетъ изящной натурой художника Этотъ Ростовъ принадлежитъ къ семейству богатыхъ по мѣщиковъ, членамъ котораго ни разу не приходила мысль, что на нихъ лежатъ какія-нибудь обязанности: и гусаръ и его отецъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ и объ условіяхъ земледѣльческой жизни; они смотрятъ на подвластныхъ имъ людей, какъ на безчувствен ный матеріалъ, доставляющій барыши, — только. Они не способны возвыситься до пониманія человѣческаго достоин ства въ другихъ, потому что не понимаютъ своего соб ственнаго. Они никогда даже не подозрѣвали, что съ ихъ стороны преступно разорять себя и свои имѣнія нелѣпой роскошью и глупымъ хлѣбосольствомъ, что, разоряя себя, они навлекаютъ тысячи страданій на крестьянъ. Съ управляющимъ своимъ Ростовы поступаютъ точно такъ же, какъ и Болконскіе: молодой Ростовъ бьетъ его, топчетъ ногами, ловитъ въ воровствѣ, и все-таки тотъ остается управляю щимъ, человѣкомъ, самымъ вліятельнымъ, послѣ своего го сподина, на судьбу крестьянъ. Каковъ этотъ управляющій видно изъ злобной радости, съ которой крестьяне смотрятъ на наносимые ему побои.

(Слѣдуетъ выписка, начинающаяся словами: „Разговоръ и учетъ Митеньки продолжался не долго..." Послѣднія сло ва ея: „...ничего не понимаю, сказалъ онъ самъ себѣ, и съ тѣхъ поръ не вступался въ дѣла").

Такимъ образомъ изъ воспитанія своего и изъ всей окру жающей житейской обстановки Ростовъ вынесъ только зна ніе транспортовъ отъ угла на шесть кушей, и съ этимъ запасомъ умственныхъ сокровищъ приступилъ къ веденію своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Разумѣется, ничего другого

Digitized by Google

онъ и не могъ побороть, какъ „чортъ съ ними, съ этими мужиками..."

Но герои романа „Война и Миръ" дѣйствуютъ не только какъ частные люди, какъ помѣщики, но и возводятся гр. Толстымъ на степень государственной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи его Болконскіе и Курагины являются людьми, лишенными всякаго сознанія своихъ обязанностей, всякаго чувства своего достоинства, какъ и въ качествѣ помѣщиковъ. Всего ярче обрисовывается это на личности князя Друбецкаго. Во всякомъ обществѣ есть люди, въ которыхъ честолюбіе заглушаетъ всѣ другія потребности и стремленія, и дѣлается до такой степени преобладающею страстью, что весь остальной человѣкъ долженъ отступить на задній планъ. Общество не тѣмъ характеризуется, что въ его средѣ есть эти люди: это его точно такъ же мало характеризуетъ, какъ то, что въ его средѣ есть люди добродушные, сухіе и проч. Всѣхъ этихъ людей можно найти и въ самомъ культивированномъ и въ самомъ дикомъ народѣ; общество характеризуется тѣмъ, какъ эти люди думаютъ и дѣйствуютъ. Въ здоровомъ обществѣ честолюбивый человѣкъ прежде всего будетъ думать о томъ, чтобы оказать народу какъ можно болѣе услугъ, увеличить сумму его благосостоянія, потому что только этимъ путемъ честолюбецъ можетъ возвыситься. Отъ человѣка, серіозно понимающаго свои нравственныя обязанности, онъ будетъ отличаться только тѣмъ, что будетъ безсовѣстно пользоваться для своего возвышенія слабостями народными и угождать этимъ слабостямъ и предразсудкамъ съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ будетъ приносить пользу. Въ Друбецкомъ вы увидите совершенно другое; въ теченіе всей его честолюбивой карьеры онъ не только даже не подумалъ о слабостяхъ народа или о народной пользѣ, но ему даже ни одинъ разъ не пришлось запнуться о народѣ или сказать о немъ какое-либо слово. Все его вниманіе исключительно поглощено личнымъ угожденіемъ разнымъ мужчинамъ и женщинамъ, имѣющимъ вліяніе, власть или богатство. Онъ поклоняется одному идолу за другимъ и достигаетъ своей цѣли; съ ка-

Digitized by Google

ждымъ годомъ онъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ вліяні
на судьбу народа, и этотъ народъ у него не только н
послѣднемъ планѣ, но даже вовсе не на планѣ. Съ самыхъ
первыхъ страницъ перваго тома романа, мы попадаемъ в
эту среду лицъ, будто бы вліятельныхъ въ политикѣ, и у
которыхъ Россія и русскій народъ являются только оруді
ями для достиженія ихъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей.
Дамы очарованы французскими эмигрантами, въ которыхъ
они видятъ образецъ изящества и на которыхъ смотрятъ
точно такъ же снизу вверхъ, какъ критикъ „Вѣстника Ев-
ропы" на героевъ романа. Эти дамы, желая угодить ми-
лымъ эмигрантамъ, стараются завлечь императора въ борьбу
съ Европою. Въ разговорахъ, которые происходятъ по
этому поводу въ дамскомъ обществѣ, между эмигрантами и
русскими государственными людьми, нѣтъ даже и помину о
пользѣ и интересахъ русскаго народа; видно, что всѣмъ
этимъ людямъ никогда и въ голову не приходило, что объ
этомъ можно бы подумать, напротивъ, порицается Англія,
Пруссія и Австрія за то, что въ нихъ проявляются по-
добные взгляды. Этотъ пошлый муравейникъ мелкихъ интри-
гановъ настаиваетъ на томъ, что русскій императоръ дол-
женъ вмѣшаться въ европейскую войну изъ самоотверже-
нія, т.-е. забывъ объ интересахъ своего роднаго края, изъ
угожденія французскимъ эмигрантамъ. Впродолженіи всего
романа только одинъ разъ вы видите въ этихъ людяхъ
энергическое проявленіе ненависти къ врагамъ и угнетате-
лямъ русскаго народа; но и это проявленіе носитъ исклю-
чительно характеръ личной ненависти и личнаго мщенія.
Имѣнія князя Болконскаго, Лысыя-Горы и проч., были ра-
зорены французами; его отецъ умеръ отъ горя, его кресть-
яне согласились лучше остаться въ рукахъ французовъ,
чѣмъ слѣдовать за его сестрой. Подъ Бородинымъ Болкон-
скій и Безухій слышатъ слѣдующій разговоръ двухъ офи-
церовъ-нѣмцевъ: „Der Krieg muss im Raum verlegt wer-
den" (войну нужно затянуть въ пространствѣ, или говоря
понятнымъ языкомъ, нужно ослабить врага, отступая далеко
внутрь страны), говорилъ одинъ изъ нихъ.

Digitized by Google

— „Да, im Raum verlegen, повторилъ, злобно фыркая носомъ, князь Андрей, im Raum-то у меня остался отецъ, и сынъ, и сестра въ Лысыхъ-Горахъ... Одно, что я бы сдѣлалъ, ежели бы имѣлъ власть,— началъ онъ опять,— я не бралъ бы плѣнныхъ. Что такое плѣнные? Это рыцарство. Французы разорили мой домъ и идутъ разорить Москву, оскорбили и оскорбляютъ меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники всѣ, по моимъ понятіямъ. И такъ же думаетъ Тимохинъ и вся армія. Надо ихъ казнить". Если бы такимъ патріотамъ, возбужденнымъ личною ненавистью, дали дѣйствовать самовластно, то война 1812 года была бы навѣрное проиграна, несмотря на колоссальныя пожертвованія народа. Вездѣ эгоизмъ проявляется въ самой яркой и голой формѣ; нигдѣ вы не замѣчаете даже слѣдовъ привычки хотя бы изъ приличія прикрыть свои эгоистическія стремленія стремленіемъ къ общественнымъ интересамъ. Въ здоровомъ обществѣ эгоистъ на общественномъ поприщѣ никогда не рѣшится открыто преслѣдовать свои эгоистическія цѣли: онъ знаетъ, что это значитъ проиграть дѣло; онъ долженъ будетъ дѣйствовать на пользу общую, и когда онъ дѣйствительно достаточно сдѣлаетъ, общество вознаградитъ его, не входя въ разборъ того, что дѣлалось въ тайникахъ его души, и что его стимулировало. Въ такомъ обществѣ эгоисты и люди глубоко нравственные говорятъ и дѣйствуютъ одинаково, и въ настоящемъ своемъ свѣтѣ эгоистъ является только тогда, когда само общество ошибается насчетъ своихъ интересовъ или падаетъ такъ низко, что льстецамъ и угнетателямъ своимъ прокладываетъ дорогу къ высокимъ почестямъ... Такимъ образомъ, съ какой бы точки мы ни посмотрѣли на стереотипныя фигуры, выведенныя гр. Толстымъ въ его романѣ,— умственная окаменѣлость и нравственное безобразіе этихъ фигуръ такъ и бьютъ въ глаза. Но если таково было общество, изображаемое авторомъ, то единственный путь художественнаго воспроизведенія его—это та иронія, въ которой слышатся горькія слезы и чувство негодованія, всѣми силами души подавленное и все-таки выливающееся могу-

Digitized by Google

чимъ потокомъ бичующей сатиры. Но подобное отношеніе ко времени, пережитому нами уже двумя поколѣніями, не мыслимо, а потому и художественное представленіе тѣхъ чувствъ и мыслей, какими наполненъ романъ автора, совершенно невозможно. Въ томъ видѣ, какъ романъ написанъ, онъ представляетъ рядъ возмутительно грязныхъ сценъ, которыхъ смыслъ и значеніе явно не понимаются авторомъ, и которыя поэтому равносильны ряду фальшивыхъ нотъ. Онъ въ такомъ умиленіи отъ своихъ героевъ, что ему кажется каждый ихъ поступокъ, каждое ихъ слово интереснымъ; на этихъ страницахъ видишь уже не героевъ, а умиленіе самого автора, восхищающагося людьми, которыхъ видъ заставляетъ содрагаться отъ ужаса и негодованія. Онъ интересуется всѣми относящимися къ нимъ подробностями такъ, какъ только восторженный любовникъ можетъ интересоваться тѣмъ, что относится къ избранной его сердцемъ чистой и прекрасной дѣвушкѣ. Это составляетъ уже не только фальшивую ноту, но и неодолимо скучное изложеніе. Поощренный своими изящными, но слабоумными критиками, авторъ явно воображаетъ, что все, что выйдетъ изъ подъ его пера, должно возбуждать восторги и безконечное удовольствіе; поэтому онъ и не заботится ни о чемъ, кромѣ изящной отдѣлки избранныхъ имъ уродовъ. Весь романъ составляетъ безпорядочную груду наваленнаго матеріала. То онъ имѣетъ плохо скрытую претензію на современную Иліаду, то — стремленіе изобразить нравы и жизнь эпохи въ ея крупныхъ и рѣзкихъ чертахъ, принадлежащихъ исторіи. Тутъ изображается и война съ ея дѣятелями, начиная отъ императора и главнокомандующаго и до солдата, и миръ съ его мирными играми, но только съ тою разницею, что игры у Гомера — это упражненія, необходимыя въ то время народу для поддержанія своей самостоятельности; они дали возможность Греціи сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась впослѣдствіи, а салоны и псовая охота въ романѣ г. Толстого представляютъ жалкія черты падшихъ людей, выставленныя въ ложномъ свѣтѣ. Съ какимъ-то омерзѣніемъ читаешь восторженное описаніе псо-

Digitized by Google

вой охоты, гдѣ люди млѣютъ отъ страсти, глядя какъ цѣлыя своры собакъ терзаютъ одного зайца, и людей этихъ авторъ старается изобразить такими сильными, полными энергіи. Покусившись раздуться до грандіозныхъ размѣровъ Иліады, романъ вдругъ вырождается въ тоненькую струйку обыденной жизни какого-нибудь семейства или въ любовную интригу, не характеризующую ни мѣста ни времени; струйка вяло влачится по грязному грунту и безпрерывно запружается соромъ ненужныхъ подробностей; на нѣсколькихъ страницахъ растянуты ничего не значащія письма или какой нибудь скучный-проскучный дневникъ. Неожиданно наталкиваешься на что-то похожее на лѣтопись или растянутую хронику, которая читается такъ же живо, какъ какое-нибудь сказаніе Нестора, и гдѣ еще труднѣе отличить вымыселъ отъ истины. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается кусочекъ исторіи и совсѣмъ некстати какой-то планъ Бородинской битвы. Встрѣчаются и философскія размышленія въ родѣ тѣхъ, что науки вредны, и что все въ жизни случайность, поэтому лучше жить такъ, а какъ именно—это авторомъ не объясняется, — вѣроятно на счетъ барщинъ, налагаемыхъ сверхъ оброковъ. Кромѣ самого автора, въ длинныя, сантиментальныя и беззвучныя какъ бредъ больного, разсужденія, пускаются и его герои, явно заимствовавшіе отъ него свой образъ мыслей. При взглядѣ, усвоенномъ на общество временъ Александра I-го, съ его стороны гораздо добросовѣстнѣе было бы написать исторію, чѣмъ романъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, давать Сперанскому въ сотрудники, по своему произволу, дураковъ и негодяевъ.

Нѣкоторыя военныя сцены были бы и живы и картинны, если бъ отличались исторической вѣрностью. Все, что въ этихъ сценахъ могло бы быть хорошаго, опять-таки уничтожается отсутствіемъ такта и правильнаго пониманія условій жизни. Авторъ явно не въ состояніи изображать исторію; онъ постоянно изображаетъ какъ бы дѣйствительность съ неудавшимся усиліемъ придать ей историческій характеръ. Поэтому, сколько ни дѣлай надъ собою усилій,

Digitized by Google

невозможно относиться къ его разсказамъ съ такимъ спокойствіемъ, съ которымъ мы смотримъ на пережитое, на оставшееся позади насъ время. Какъ скоро человѣкъ затронутъ за такую живую струну, онъ не можетъ подавить въ себѣ чувствъ надежды или отчаянія. Отчаяніе овладѣваетъ мною не тогда, когда я вижу въ своемъ отечествѣ или вообще въ человѣкѣ недостатокъ,—всѣ народы и люди имѣютъ недостатки,—но тогда, когда я вижу, что недостатокъ этотъ не понимается, а восхваляется писателемъ, котораго въ свою очередь превозноситъ критикъ. Надежда овладѣваетъ мною тогда, когда я вижу, что недостатокъ сильно и энергически осмѣивается; народы и люди тѣмъ болѣе подвигаются по лѣстницѣ цивилизаціи, чѣмъ съ большею строгостью къ себѣ относятся. Описаніе только тогда можетъ быть художественно, когда оно задѣваетъ подобныя струны и возбуждаетъ чувство надежды, но не отчаянія. Описаніе можетъ быть совершенно вѣрно, но оно не затронетъ ни одного чувства, и человѣкъ скажетъ, что это поучительно, какъ всякая истина, но скучно, и никогда не скажетъ про такое описаніе, что оно художественно. Человѣка затронуло грубое остроуміе и аляповатая пластичность сказки о какой-нибудь царевнѣ, и онъ говоритъ, что эта сказка художественная, она возбуждаетъ его первую дѣятельность и, слѣдовательно, повидимому, развиваетъ его, въ немъ безсознательно дѣйствуетъ та надежда на развитіе, которая слышится въ смѣхѣ надъ остроуміемъ и видна въ блестящихъ глазахъ человѣка, созерцающаго хитрое построеніе воображенія. Другой человѣкъ видитъ всю неудовлетворительность критики въ этой сказкѣ, все ложное направленіе, которое она дастъ уму и чувствамъ человѣка; при видѣ восторговъ слушателей въ немъ пробуждается не надежда, а отчаяніе, и онъ говоритъ, что эта сказка лубочная картинка, и что тотъ, кто ею восхищается, имѣетъ грубый вкусъ. Юноша увлекается грубымъ описаніемъ сладострастныхъ проявленій, дѣвушка приторно сладкими изображеніями любви, и имъ кажутся эти изображенія художественными, потому что они даютъ пищу чувствамъ, ко-

Digitized by Google

горыя въ нихъ требуютъ развитія, они для нихъ надежда,—но человѣкъ развитой понимаетъ, что эти произведенія доведутъ юношу до грубаго цинизма и дѣвушку до дряблой сантиментальности, и потому опять-таки говоритъ, что у нихъ грубый вкусъ. На грубый вкусъ военныя описанія романа могутъ казаться настолько же художественными, насколько для вкуса, еще болѣе грубаго, кажутся изящными сказка о Бовѣ и „Битва русскихъ съ кабардинцами“. Съ начала до конца у гр. Толстого восхваляются буйство, грубость и глупость. Читая военныя сцены романа, постоянно кажется, что ограниченный, но рѣчистый унтеръ-офицеръ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ глухой и пьяной деревнѣ. Невозможно не чувствовать однакоже, что тутъ и разсказчикъ и слушатели совсѣмъ другіе, поэтому разсказъ безпрерывно больно и неловко задѣваетъ, какъ тѣ фальшивыя ноты, которыя заставляютъ судорожно искажать лицо и скрежетать зубами. Всякому образованному человѣку извѣстно, что развитіе дикой храбрости и стойкости, безъ умѣнья создавать для себя орудія защиты и пользоваться ими, гибельно для народа: оно на нашихъ глазахъ погубило турокъ. Даже развивать въ народѣ воинственность, соединенную съ умѣньемъ, вредно. Благодаря этой воинственности Франція погубила не только свое настоящее, но и будущее. Тотъ, кто хочетъ способствовать величію народа, долженъ стараться умепьшать его воинственность, потому что этимъ самымъ онъ будетъ даже увеличивать его воинскую силу. Умственное превосходство, порождавшее превосходство оружія, порождало и великихъ завоевателей и, только во времена дикости, легкость, съ которой команды могли собираться большими массами и кидаться на разрозненныхъ земледѣльцевъ, порождала завоевателей другого рода. Превосходство оружія дало спартанамъ ихъ завоеванія, возвеличило Аѳины, сдѣлало изъ Македоніи и Рима великихъ завоевателей. Превосходство рыцарскаго вооруженія не только дало возможность маленькой разрозненной Европѣ положить предѣлъ воинскимъ полчищамъ огромныхъ массъ азіатскихъ и африканскихъ кома-

Digitized by Google

довъ, но дало ей значительныя завоеванія, а дальнѣйше его усовершенствованіе распространило европейскую циви лизацію по всѣмъ частямъ міра. Мы недавно еще на соб ственной своей кожѣ испытали, что значитъ превосходно оружіе, а послѣднее десятилѣтіе доказало яснѣе всѣхъ пре дыдущихъ, что тотъ народъ будетъ стоять побѣдителемъ н поляхъ сраженія, у котораго всего болѣе будутъ развиты математика, естественныя науки и механическое искусство— однимъ словомъ, мирныя занятія. При такомъ положеніи дѣлъ нужно стоять на степени развитія армейскаго унтеръ офицера, да и то еще по природѣ умственно-ограниченнаго, чтобы быть въ состояніи восхищаться дикою храбростью и стойкостью. Поэтому, развитой читатель никакъ не мо жетъ восторгаться описаніями, въ которыхъ эта дикость ставится выше всего. Въ романѣ постоянно повторяется и подкрѣпляется и изображеніями и философскими разсужде ніями, что военное искусство, военныя способности, воен ныя орудія—все это вздоръ,—значеніе имѣетъ одна дикая храбрость и стойкость. Онъ самъ себя бьетъ своими же данными и не замѣчаетъ этого; какое значеніе, говоритъ онъ, имѣло, напр., въ бородинскомъ сраженіи неискусство Кутузова и дѣйствіе французской артиллеріи? и тутъ же говоритъ, что русскіе потеряли половину войска, а французы только четверть, т.-е. вдвое менѣе. Армія недалеко уйдетъ на поприщѣ побѣдъ, если она будетъ постоянно терпѣть вдвое болѣе непріятеля. Ацтеки были горои по храбрости и стой кости,—однакожъ они недалеко уѣхали съ этими качествами, когда на нихъ напала горсть испанцевъ съ превосходнымъ оружіемъ и съ превосходнымъ искусствомъ. Случается иногда слышать, какъ грубый и испорченный взяточникъ, съ боль шою живостью, картинно разсказываетъ подвиги лихоимства и злоупотребленія власти. Такой разсказъ можетъ быть интересенъ; онъ показываетъ нравственную испорченность взяточника во всей ея наготѣ, но онъ ни въ какомъ слу чаѣ не можетъ быть названъ художественнымъ; для худо жественности ему не достаетъ сознанія этой испорченности. Разсказъ, который поселяетъ отвращеніе не къ разсказан-

Digitized by Google

вому, а къ самому себѣ, точно такъ же мало художественъ, какъ разсказъ о скукѣ, который самъ скученъ. Всѣ военныя сцены романа наполнены сочувственными разсказами о тупой необузданности Денисова, о дикихъ, разрушительныхъ инстинктахъ арміи, которая скашиваетъ незрѣлый хлѣбъ, о кровожадности Болконскаго, совѣтующаго не брать плѣнныхъ. Романъ смотритъ на военное дѣло постоянно такъ, какъ смотрятъ на него пьяные мародеры.

Написавъ свой романъ, авторъ, повидимому, почувствовалъ, что его любимцы не всѣмъ будутъ внушать ту нѣжность, которую онъ ощущалъ къ нимъ. Поэтому, отдѣльно отъ романа, онъ объяснилъ публикѣ, что герои его имѣли недостатки, потому что они говорили не по-русски, а по-французски, и поэтому они менѣе понимали и менѣе сочувствовали народу. Это была смазка, которая должна была обличить движеніе колеса его популярности. Эти объясненія, собственно говоря, не должны имѣть вліянія на обсужденіе романа, потому что романъ этотъ производитъ свое впечатлѣніе совершенно отдѣльно отъ написанныхъ къ нему въ постороннемъ журналѣ комментаріевъ, и отдѣльно отъ нихъ читается. Я не могу однакоже не сказать нѣсколько словъ объ аргументѣ, который часто у насъ слышится — все это вѣлалось отъ крѣпостного права, всѣ эти дикости происходятъ оттого, что высшее общество отдѣлено отъ народа. Аргументъ этотъ, хоть и имѣетъ форму обвиненія, но въ сущности—это смягченіе, и потому обыкновенно употребляется не въ томъ лагерѣ, который обвиняетъ, а въ томъ, который стремится оправдаться отъ обвиненій. Грязь и грубость, проявлявшаяся въ Болконскихъ, Ростовыхъ, Безухихъ, имѣла своимъ источникомъ вовсе не то, что они говорили по-французски и были отчуждены отъ народа. Французскими идеями они вовсе не были заражены: въ такомъ случаѣ они никогда не могли бы такъ разсуждать, какъ они разсуждали. Отъ народа они вовсе не были отчуждены, доказательствомъ можетъ служить ихъ образъ дѣйствія—эгоистическій и грубый, но все-таки успѣшный. Если бы они не знали народа и судили объ немъ такъ, какъ разсуждали о своемъ народѣ

Digitized by Google

французы, то они поступали бы гораздо лучше. Они очень хорошо знали, что они могутъ такъ скверно поступать, и успѣхъ ихъ показалъ, что они понимали и народъ и свое положеніе. Они поступали такимъ образомъ просто потому, что они были грубы и дики, и если бы они говорили не по-французски, а по-русски, или по-англійски, или по-китайски, они поступили бы точно такъ же. Не крѣпостное право породило ихъ грубость, а ихъ грубость произвела крѣпостное право. Конечно, грубое общество, какъ и грубый человѣкъ, само мѣшаетъ своему развитію; но въ грубомъ обществѣ тотъ будетъ плохой патріотъ, кто только за этимъ опуститъ руки; лишь была бы въ обществѣ интеллектуальная и нравственная сила, а грубость стереть возможно.

С. Навалихинъ.

Digitized by Google

безъ посторонней помощи можетъ провѣрять себя, насколько онъ грамотно или неграмотно пишетъ; 7) имѣя въ рукахъ это руководство, каждый отецъ, мать, репетиторъ, гувернантка и т. п., не будучи особенными знатоками какъ самой орѳографіи, такъ и методики ея преподаванія,—съ успѣхомъ могутъ руководить и контролировать дѣтей въ занятіяхъ по орѳографіи; 8) почему-либо отставшіе въ школѣ отъ товарищей и вообще не успѣвающіе въ орѳографіи ученики, съ помощью этого руководства, посредствомъ самодѣятельности, легко и скоро пріобрѣтаютъ орѳографическія знанія и прочный навыкъ правильно писать; 9) эта книга весьма пригодна для людей, самостоятельно готовящихся къ какимъ-либо экзаменамъ, а еще болѣе—для самоучекъ; 10) въ школахъ, гдѣ учителю приходится заниматься одновременно съ двумя—тремя группами, по этой книгѣ весьма удобно назначать той или другой группѣ самостоятельныя классныя занятія по русскому языку; 11) при веденіи обученія орѳографіи по этому руководству, провѣрка ученическихъ тетрадокъ идетъ во много разъ легче и скорѣе, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ диктовки; 12) эта книга совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три способа обученія правописанію, а именно: списываніе съ книги, диктовку и писаніе заученнаго наизусть.

8. **Зрительный диктантъ.** Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 6-е. М. 1900 г. Ц. 40 к.

9. **Справочный словарь буквы Ѣ.** Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ Ѣ. Изд. 4-е. М. 1901 г. Ц. 25 к.

10. **Таблицы для письменнаго грамматическаго разбора.** № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголъ. Цѣна каждой таблицы—2 к. (Распроданы).

11. **Хрестоматія для объяснительнаго чтенія.** Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію". М. 1892 г. Ц. 25 к.

12. **Объяснительный словарь** болѣе употребительныхъ въ русской литературѣ и рѣчи иностранныхъ словъ. Составленъ примѣнительно къ правописанію. М. 1901 г. Ц. 50 к. (Содержаніе этой книги то же, что и 4-го выпуска „Справочника по русскому правописанію").

13. **Краткій алфавитный справочникъ** по русскому правописанію. Опытъ группировки орѳографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. М. 1901 г. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка.

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку):

14. а) **Обученіе грамотѣ по звуковому способу.** Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разраб. извѣстными педагогами. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р.

15. б) **Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію,** разработанные извѣстными русскими педагогами. Изд. 3-е. М. 1901 г. Цѣна 1 р.

16. в) **Методическія указанія и примѣрные уроки по преподаванію** русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 1 р.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. **Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева.** Выпускъ I. Изд. 3-е. М. 1899 г. Ц. 2 р.—Выпускъ II. Изд. 3-е. Состоитъ изъ двухъ частей. М. 1899 г. Ц. 1-й части 2 р., а 2-й—1 р.

18. **Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго.**

Digitized by Google

Digitized by Google